

И. ДЕРГАЧЕВ

КНИГИ И СУДЬБЫ

И. ДЕРГАЧЕВ

**КНИГИ И
СУДЬБЫ**

?

П. БАЖОВ

Н. ПОПОВА

К. БОГОЛЮБОВ

О. МАРКОВА

Н. НИКОНОВ

И. Д Е Р Г А Ч Е В

КНИГИ
И
СУДЬБЫ

*СТРАНИЦЫ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖИЗНИ УРАЛА*

СВЕРДЛОВСК.
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО,
1973

Иван Алексеевич Дергачев родился в Перми в 1911 году. Учился на педагогическом факультете Пермского университета. С 1937 года работает в вузах Свердловска. Участник Великой Отечественной войны. Сейчас И. А. Дергачев заведует кафедрой русской и зарубежной литературы Уральского университета.

И. Дергачев — автор более ста литературоведческих и критических работ, большинство которых посвящено литературной жизни Урала. Некоторые из этих статей разных лет вошли в предлагаемый читателям сборник. Наряду со статьями о формировании мировоззрения Д. Мамина-Сибиряка, о малоизвестных годах его репортерской юности, об особенностях реализма «певца Урала», чья жизнь и творчество — центральная тема литературоведческих исследований автора, вы найдете в этой книге и работу о выдающемся писателе-уральце Ф. Решетникове, и очерки творческого пути незаслуженно забытых дореволюционных уральских литераторов А. Кирпищиковой, А. Погорелова, А. Туркина, и статьи, посвященные творчеству писателей советского Урала — П. Бажова, Н. Поповой, К. Боголюбова, О. Марковой, Н. Никонова.

Разумеется, книга не может претендовать на «всеохватность». Это — лишь отдельные страницы многоликой литературной жизни большого и самобытного края, писатели которого внесли ощутимый вклад в литературу старой и новой России. Думается, что страницы эти будут интересны не только студентам-филологам и преподавателям, но и многим любителям литературы.

Д $\frac{0723-048}{158(03)-73}$ 48-73

Средне-Уральское
Книжное Издательство, 1973

Ф. РЕШЕТНИКОВ
Д. МАМИН-СИБИРЯК
А. КИРПИЩИКОВА
А. ПОГОРЕЛОВ
А. ТУРКИН

ОТКРЫТИЯ РЕШЕТНИКОВА

Творчество Ф. М. Решетникова высоко ценили такие корифеи русской литературы, как Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, И. С. Тургенев и Ф. М. Достоевский. Революционно-демократический лагерь видел в нем первооткрывателя нового народно-реалистического направления. Тургенев, почувствовав оригинальность писательского голоса Решетникова, говорил о «трезвой правде», которую этот человек принес в литературу. Достоевский признавал появление Решетникова свидетельством того, что литература стоит перед необходимостью говорить о жизни как-то иначе, не так, как она говорила раньше.

В то же время многие книги Решетникова изумляли и озадачивали новизной самой точки зрения, способом рассмотрения действительности. Споры о его творчестве велись долго и страстно, а оценки колебались от приведенных выше до ожесточенно отрицающих в писателе малейшую «искру божью».

Решетников прожил тяжелую жизнь и рано скончался, не успев полностью раскрыть все богатства своего таланта. Но то, что сделано этим «бедным человеком низкого звания», входит в фонд ценностей, которые мы бережно храним, почтительно перед ними останавливаемся и, остановившись, задумываемся.

Родился Ф. М. Решетников 5 сентября 1841 года в городе Екатеринбурге, центре большого заводского края.

Отцом его был Михаил Васильевич Решетников, девятнадцатилетний почтальон Екатеринбургской уездной конторы, сын такого же почтальона из Нижнего Тагила. Мать же, Екатерина Тимофеевна, происходила из семьи мелкого многодетного чиновника Панкратова*.

Семьи Решетниковых и Панкратовых не чувствовали расстояния между собой и рабочими. На свадьбе молодых

---

* См. примечания в конце статьи.

свидетелями со стороны невесты были мастеровые монетного двора и гранильной фабрики, а в крестные матери к новорожденному Федору пригласили мастеровую вдову Марию Гусельникову. На первых порах новую семью опекал бездетный старший брат Михаила Василий Васильевич Решетников и его жена Мария Алексеевна. Но вскоре он был переведен стационарным смотрителем в село Полуденное, между Пермью и Оханском.

Михаил Решетников продолжал ездить с почтой по трактам. На казенных лошадях можно было подвезти попутного человека, который в благодарность выставлял полуштоф водки. После этого жизнь казалась приятнее, дорога короче, а зимний мороз полегче. Но создавалась привычка, и нелегкой становилась семейная жизнь для Екатерины Тимофеевны.

Родители ее к этому времени перебрались в Осу на Каме. Молодая мать, захватив маленького сына, отправилась летом в дальний путь. Проезжала она через Пермь, когда там был сильнейший в истории города пожар. Он потряс Екатерину Тимофеевну. Доехав до Полуденной, она задержалась у Василия Васильевича Решетникова и, недолго похворав, умерла, оставив еще не достигшего года Федора на руках бездетных родственников. Остался мальчик при живом, но беспутном отце, хоть и не сирота, а вроде того.

Люди, заменившие ему родителей, по-своему любили мальчика. Тем не менее ребенку часто напоминали, что он сирота и обуза. Считалось, что именно так разовьется в нем благодарность к «благодетелям», чувство зависимости от вышестоящих в дальнейшем, что обеспечит успех по службе. Тычки и колотушки также должны были «пойти на пользу», приучая делать то, что хотят старшие, а не «своевольничать». Одним словом, маленький Решетников испытал на себе влияние несложной педагогики той среды, которая жила «между нищими и средними», как определял позднее писатель уровень материальной обеспеченности семьи.

Дядя Федора ценил образование, но только в той мере, в какой оно давало право на «чин» и «должность» по денежке, позволяло обойти в жизни других. Борьба за существование, за то, чтобы не скатиться в «податное состояние», не сделаться окончательно бесправными, формировала людей, пытливых следивших за всеми обстоятельствами

жизни, умевших их взвесить, оценить, но не способных, однако, идти против судьбы.

Дядя считал само собой разумеющимся, что Федор для собственной пользы должен прочно усвоить именно такую житейскую философию. Но иначе думал племянник. Чем круче были испытания, тем тверже становился характер, и возникало желание идти другими дорогами. Чуть позднее, в юношеском дневнике он признается: «Мне гнусна становится ложь, гадость и рабство в жизни».

Острая впечатлительность, унаследованная от матери, цепкая память, удивлявшее родственников упрямое нежелание подчиняться чужой воле и обстоятельствам — все перерабатывалось в сложную творческую личность.

Пока же Решетников получал образование в Пермском уездном училище, не отличавшемся от большинства других таких же школ Российской империи. Тут впервые испытал он страх за свою судьбу. Ожиданием грозной кары обернулась детская шалость — желание иметь в руках красивые конверты, надписанные твердым округлым почерком с завитками. На беду мальчика в похищенной им почте был указ о восшествии на престол Александра II и порядке присяги, адресованный из канцелярии Главного Горного начальника в Екатеринбург на соляные промыслы, расположенные на Каме.

Дело о хищении пошло по инстанциям. Благодаря стараниям Василия Васильевича оно как будто заглохло, но потом снова возвратились к нему, и ученик Решетников был определен на покаяние в Соликамский монастырь.

Время после возвращения из монастыря промелькнуло быстро. Решетников учится прилежно, круг его интересов расширяется, он пробует писать стихи, которые получались неуклюжими, неровными, «прозаическими».

В 1859 году он закончил курс обучения в уездном училище. Тем временем в жизни его дяди произошли большие перемены. Он сдал экзамен на первый классный чин, получил его и был назначен помощником почтмейстера в Екатеринбургскую контору, где когда-то служил простым почтальоном. Семья переехала в Екатеринбург.

Летом Федор Решетников, видимо, побывал в Тагиле, где продолжали жить его близкие родственники со стороны отца, а с осени начал работать письмоводителем в Екатеринбургском уездном суде с жалованием в три рубля. То ли собственное усердие, то ли знакомства дяди, а может,

то и другое вместе помогло вскоре получить повышение. Он стал ведать «горным столом». Дела, решавшиеся в этом «столе», помогали вникнуть в имущественные отношения мастеровых и заводчиков. Здесь рассматривались тяжбы заводских мастеровых и крестьян с заводоуправлениями о земле, домах, угодьях, авансах, договорах и прочем.

Знание быта рабочих, полученное из рассказов дяди, двадцать лет прожившего в Тагиле, из встреч с мастеровыми, подкреплялось размышлениями над судебными делами. Вскоре молодой Решетников познакомился со старшим по возрасту, опытным рабочим Иваном Михайловичем Фотеевым и подружился с ним. Он уважал жизненные позиции этого человека, черпал в его рассказах материал для своих произведений. Позже, уже будучи известным литератором, он вспоминал о Фотееве в трудные минуты и даже намеревался представить на суд этого мастерового и его товарищей отвергнутый Н. А. Некрасовым очерк «Горнорабочие»**.

В Екатеринбурге Решетников продолжает попытки писать. Ему кажется, что единственной подлинно художественной формой литературы является форма стихотворная. Он сочиняет поэму «Приговор», которая известна нам только в пересказах Г. И. Успенского, выдающегося русского писателя и первого биографа Решетникова. Тогда же написана им драма в шести действиях «Панич», тоже в стихах. В этой драме, судя по сведениям Г. Успенского, в качестве основы сюжета использованы устные рассказы уральских рабочих о разбойниках.

Насмотревшись на чиновников, с которыми ему приходилось сталкиваться и в уездном суде, и на почте, будущий писатель понял, что у них «не научишься доброму, кроме взяток, которые марают нашу честь и совесть». Позднее в его дневнике встретится признание: «Часто я плакал — за чем я втолкнут в эту среду хаоса, дрязг и жестокости».

Литературную деятельность он начинает осмысливать как служение людям. В его литературных опытах, которые по-прежнему не доходят до печати, появляются обличительные мотивы. Таковы пьесы «Черное озеро» и «Деловые люди». Последняя дошла до нас под названием «Заседатель». В ней много натяжек, очень несовершенно построенно действие, но образы чиновников во многом убедительны и жизненны.

Воспользовавшись представившимся случаем, в 1861 году Решетников переехал в Пермь и поступил на службу в Казенную палату. Ему пришлось преодолеть сопротивление родных, которые считали, что от добра добра не ищут. Юноша же рассчитывал получить в Перми поддержку в своих литературных делах, полагая, что в губернском городе больше культурных, образованных чиновников и среди них можно найти людей демократических взглядов. Надежды отчасти оправдались. В Перми Решетников впервые напечатал в газете две статьи: «Библиотека чиновников Пермской Казенной палаты» и «Святки в Перми».

Литературная работа становится для Решетникова потребностью, в ней он находит удовлетворение. «Если я пишу, то чувствую отраду... Я тогда спокоен и весел... Я пишу, не надеясь на барыши», — записывает юноша в дневнике.

Написанные в Перми драму «Раскольник» и повесть из заводской жизни «Скрипач» он послал Ф. М. Достоевскому в издававшийся им журнал «Время». Надо полагать, что он выбрал этот журнал не случайно. В 1861—1862 годах в нем печатались «Записки из Мертвого дома». Решетникова, видимо, привлек интерес Достоевского к простому человеку, человеку «низкого звания», о котором теперь пытался рассказать и он. В «Раскольнике» и «Скрипаче» намечались те главные типы горнорабочих, которые впоследствии займут столь большое место в творчестве Решетникова. Сам он, по его словам, развивается, «разучивая жизнь с природы».

Все яснее становилось, что путь в литературу лежит через Петербург, умственный центр страны, средоточие журналов и издателей. С большим трудом Решетникову удалось получить перевод в столицу, да и то с него требовали отказаться от литературного труда. Впрочем, давая обещание быть только чиновником, Решетников знал, что его нарушит. Он хотел писать «для пользы нашего русского народа».

В столице Решетников не сразу проложил себе дорогу в большую литературу. Некоторое время он, чиновник, живущий на нищенское жалование, печатает очерки в газете «Северная пчела», получая, да и то с трудом, рублевые заработки.

Даже став известным писателем, он не избавился от нужды, от всех обид и огорчений, которые приходилось

испытывать простому человеку. На него обратили внимание Н. А. Некрасов, редактор «Современника», издатель «Дела» Г. Е. Благосветлов, его печатали на страницах этих лучших в те годы журналов, но в отношениях с редакциями Решетников продолжал ощущать себя плебеем, и гордость его постоянно бунтовала.

В то же время он ценил свою принадлежность к «нижайшим низам» тогдашнего сословного общества и не старался отделить себя от них. При столкновении со столичными полицейскими он не стал доказывать, что перед ними литератор. На вопрос, кто он такой, Решетников ответил: «Мастеровой», был избит и посажен в участок.

Имя Решетникова приобрело известность после публикации в «Современнике» в 1864 году повести «Подлиповцы» (сам Решетников называл «Подлиповцев» этнографическим очерком). Семь лет, с 1864 по 1870, были годами большого труда и непрерывного развития его литературного таланта.

Наиболее точное определение особенностей творчества Ф. М. Решетникова было дано в статье Н. В. Шелгунова «Народный реализм в литературе, напечатанной в 1870 году. Шелгунов писал: «В Решетникове нет ничего, что бы напоминало литературу предшествующего периода. В сочинениях Решетникова все иное, все не так: не тот мир, не те люди, не тот язык, не та жизнь, не те радости, даже не то горе и не те интересы». С его приходом в литературу появился новый реализм, который Шелгунов называет реализмом народным. Народным не только в смысле защиты интересов трудящихся и угнетенного народа. Такой реализм был задолго до Решетникова. Народность его произведений в том, что в них непосредственно выразилось реалистическое мироощущение самих масс, понимание ими действительности, объясняемое положением, характер их оценок и т. д.

Нам могут возразить и напомнить, что с мировоззрением русских крестьян — Хорей, Калинычей, Касьянов, Лукерий — еще до Решетникова познакомил читателей И. С. Тургенев. «Глазами мужика» с конца пятидесятых годов начал вглядываться в русскую жизнь Л. Н. Толстой. Гнев, «что туча черная», которым полнился крестьянский мир, разрастаясь, звучал в поэзии Н. А. Некрасова. Все это верно. И тем не менее новизна решетниковского голоса несомненна.

Писатели — выходцы из дворян — шли сверху вниз к изучению народной среды, к сочувствию ей, к переходу на «ее голос». Решетников же шел снизу вверх вместе с теми героями, которых он рисовал, отражая рост их сознания.

Самое же главное — Решетников, по существу, первым ввел в русскую литературу рабочий класс, стал выразителем его сознания на раннем, допролетарском этапе становления. Народный реализм Решетникова, значение которого для развития литературы подчеркивал Шелгунов, оказался связанным, следовательно, не с обобщенным понятием народного мировоззрения, а с самосознанием той части народа, которая формировалась как рабочий класс — решающая сила общественного развития. Разумеется, Шелгунов в 1870 году не мог еще выделить его из общей массы трудящихся. Но мы видим, что один из жизненно сильных вариантов реалистического искусства середины XIX века был определен появлением рабочего класса: со своей судьбой, своими путями, тесно сплетенными с путями крестьянства, и все же — всегда особенными. И очень закономерно, что именно Урал выдвинул писателя, которому легче, чем другим, можно было ощутить особенности быта, жизни, мыслей рабочих.

Разумеется, нельзя думать, что отличие рабочего класса от других групп трудового населения в шестидесятые годы прошлого века было столь же велико, как тридцать-сорок лет спустя. У Решетникова мы встречаем совершенно реальное состояние рабочих Урала, находящихся в самом начале классового развития.

Как-то уж повелось, что во всех работах о Решетникове «Подлиповцы» отделяются от его романов о рабочих и числятся по рубрике «картины пореформенного разорения деревни». На самом же деле эта повесть самым непосредственным образом связана с романами, где развивается рабочая тема. В «Подлиповцах» — повествовании о трагически несложной жизни обитателей деревни Подлиповой на Прикамском Севере — нашел выражение тот процесс, который спустя десятилетие делается массовым и будет стремительно расширяться: расколовшаяся на богатеев и бедноту деревня, разоряемая соединенными усилиями старых крепостников и нового кулачества, двинет по России сотни тысяч людей, которым нет места в деревне, голодной и замордованной. Будут эти люди пополнять артели бурлаков, строителей дорог и больших городов, шах-

теров и ткачей, рабочих боен и кожевенных предприятий.

Уход крестьян с насиженных мест рисуется Решетниковым как неизбежная реакция на разорение деревни. Его герои Пила и Сысойка надрываются в тяжелой бурлацкой работе и погибают, но уже дети Сысойки становятся настоящими рабочими, судьбы их уже прочно связаны с промышленным развитием. Вот этот-то момент перехода крестьян деревни Подлипной из одного состояния в другое и был запечатлен в первом произведении писателя. Образы Пилы и Сысойки, их трагические судьбы, новые обстоятельства жизни их детей — все это знаменовало не только нерешенность основных вопросов крестьянской жизни в России, но и возникновение новой проблемы — проблемы пролетариата.

Нельзя сказать, что Решетников исследует русскую действительность. Сама манера повествования, детализирующая, не различающая главного от второстепенного, исключает исследование. Голос писателя был как бы голосом самой жизни, не способной подняться до самоанализа, понять себя. Но ведь трезвая правда и заключалась в признании того, что человек, имеющий право на человеческое существование, лишен его и даже не понимает, силой каких причин лишен.

Вслед за «Подлиповцами» Решетников в 1866—1868 годах работает над романами из жизни рабочих, публиковавшимися в «Современнике», «Деле», «Отечественных записках». Все они создавались в очень неблагоприятных условиях. Два из них по цензурным обстоятельствам не были закончены, «Горнорабочие» прекратились печатанием в связи с закрытием «Современника». Третья часть романа «Глумовы» не увидела света. Только роман «Где лучше?» оказался законченным.

Отделенные друг от друга небольшими промежутками времени, эти романы были документами не только писательского роста Решетникова. Они отражали начавшийся быстрый рост рабочего класса, являясь своеобразной моделью едва обозначившегося социального процесса.

В самом названии романа «Горнорабочие» была сформулирована задача: понять жизнь среды, имеющей особый характер. Действие развивается на горном заводе Демидовского округа, о владельцах которого Решетников писал так: «Строгановы, Демидовы и другие дармоеды». Характеристика дана в духе самих рабочих — лаконично,

верно, выразительно. Решетников рисует крепостнический быт, труд горных работников, антагонизм мастеровых и той части рабочей аристократии, которая помогает администрации прижимать рабочих, да и сама не прочь нажиться за их счет. Он показывает бесправие рабочего человека и безвыходность его положения, одинаково подробно рассказывая о мелочах и о серьезных житейских коллизиях, связанных лишь хронологически.

Внимание писателя в этом романе сосредоточено на судьбах членов семьи Токменцевых. Гибнет, забитый десятником рудников, сын Токменцева. Мать, посмевавшая жаловаться на убийцу, выпорота. Дочь Елена становится жертвой насилия полицейского служителя. Ее любовь к сыну одного из приказчиков неизбежно приводит к трагедии. Ни Плотников, кичащийся тем, что он поднялся над рабочими, ни Токменцев, презирающий его как врага рабочего человека, ни за что не породнятся. Сам Токменцев гибнет в шахте. Не случайно такое сгущение катастроф на протяжении первой, успевшей увидеть свет части романа. Решетников не только скрупулезно фиксирует тяжелые условия труда и быта рабочих, но и обнаруживает вызревание антагонизма, который со временем станет отчетливо осознанным классовым противостоянием пролетариата и буржуазии.

Писатель вводит читателей в быт, хорошо знакомый ему, заставляет встать на точку зрения живущих в романе людей. Делаются ясными их интересы, столкновения, способы общения, их нравственные и эстетические понятия.

В «Глумовых» события связаны в сюжетный узел «волей», которую получили рабочие уральских горных заводов вместе со всем народом в 1861 году. Здесь отразилось восприятие «свободы» уральскими рабочими, их обманутые ожидания, волнения, обусловленные крепостническими способами осуществления самой реформы 1861 года. В «Глумовых» уже намечена тема разрыва «привязанного к заводам населения» с родными местами, попытки рабочих найти лучшую жизнь. Более развернутыми стали образы отдельных людей. В центре повествования здесь судьба прекрасной женщины из народа Прасковьи Игнатьевны Глумовой. Если в первом романе главное внимание было обращено на создание картин тяжелого подневольного труда и бесправного быта, то в «Глумовых» — романе, отражающем новый этап развития рабочего класса в усло-

виях уральской действительности, писатель тщательно отмечает все, что говорит о росте чувства достоинства, стремления к свободе, способности настойчиво преодолевать препятствия. Больше внимания уделяет писатель раскрытию психологии трудящихся, их стремлению строить жизнь по законам справедливости. Решетников не идеализирует своих героев, он видит их слабости, давление на них темных и злых обстоятельств. Но рабочий оптимизм, вера в лучшее будущее не покидает Василия Корчагина, Игнатия Глумова и его сестру Прасковью.

Роман «Где лучше?» был последним из трех больших эпических повествовательных полотен о судьбах рабочего класса России в движущейся современности. Еще продолжая работу над «Горнорабочими» и «Глумовыми», Решетников уже замышлял новую вещь, на этот раз из быта петербургских рабочих, и даже начал собирать для нее материалы. Роман «Глумовы» был прекращен печатанием в журнале «Дело» отчасти по цензурным, а отчасти по издательским условиям, и часть произведения, где рассказывалось о пореформенной судьбе бывших крепостных мастеровых, света не увидела.

Писатель, используя материал неопубликованных глав «Глумовых» и заготовки к задуманному роману «Петербургские рабочие», создает новое произведение, посвященное целиком жизни того заводского населения, которое получило «свободу» в 1861 году. Эта книга о поисках рабочими сколько-нибудь человеческой жизни на широких просторах России, где «все перевернулось и только укладывалось», была первым романом Решетникова, который ему удалось увидеть в печати полностью. Роман получил выразительное название «Где лучше?».

Работа над ним шла в 1867—1868 годах. В свой дневник 31 августа 1867 года Решетников занес: «Я начал «Где лучше?» — продолжение «Глумовых». Новое произведение писателя было напечатано в июньском — октябрьском номере «Отечественных записок» 1868 года. Журнал в это время только что перешел в руки Н. А. Некрасова. Редактировал роман, сокращая его, выбрасывая длинноты, М. Е. Салтыков-Щедрин, в целом положительно оценивший труд Решетникова. Сам Некрасов в письме Решетникову объяснил быстрое завершение публикации всего романа тем, что он не желал «дроблением этих поистине отличных глав портить впечатление читателя».

В 1869 году роман был издан отдельной книгой.

На выход в свет этого издания «Отечественные записки» откликнулись рецензией М. Е. Салтыкова-Щедрина. Журнал, возвращаясь к напечатанному на его страницах роману, тем самым дал понять, что считает его появление в литературе принципиально важным. Автор отзыва, рассматривая «Где лучше?» в связи с предшествующим литературным развитием, особенно настойчиво подчеркнул новизну произведения. Роман Решетникова дал возможность убедиться, что «русская простонародная жизнь дает достаточно материала для романа». В таком романе «главным действующим лицом и главным типом» будет «целая народная среда», так как лица, соединенные «гнетущим интересом», по мнению рецензента, не могут выделять ярких индивидуальностей. Тем не менее, в рецензии указывалось читателям на «тип простой русской женщины», какой является героиня романа Пелагея Прохоровна.

Заметим, что и в других произведениях Решетникова большое место отведено судьбе женщины. Внимание и уважение к ней легко объясняется самостоятельностью женщины в семьях мастеровых уральских горных заводов. Женщина целиком вела дом, отвечала за него. Мужу, работающему на заводе 12—14 часов в сутки, не оставалось времени вмешиваться в распорядок быта. Возможность найти применение женскому труду вне семьи также уменьшала ощущение зависимости от мужа, от отца.

В романе «Где лучше?» шире и полнее, чем в любом другом произведении о народной жизни, каких немало создавалось в шестидесятые годы, отразилась историческая полоса в жизни трудящихся России. После реформы 1861 года «освобожденный» народ оказался в горькой кабале у новых «деятелей отечественного прогресса»: кулака, подрядчика, скупщика, заводчика, фабриканта. «На место цепей крепостных люди придумают много иных», — предупреждал Н. А. Некрасов.

После реформы 1861 года на многих заводах Урала значительная часть населения осталась «не у дел». Но, боясь оказаться без резервных рабочих рук на случай расширения производства, сулящего увеличение барышей, заводоуправления разрабатывают в ходе реформы такую систему, которая «привязывает» к заводам бывших крепостных. У них сохраняется усадьба, дом, покос, иногда пахотный участок, что позволяет и засеять несколько десятин

земли. Но все это зависит не столько от каких-то твердых положений закона, сколько рассматривается как «милость» заводчика. А милость она милость и есть. Хочет управитель — лишит земли, не даст вывезти дров из заводского леса. Иллюзия самостоятельности: свой угол, свой огород, своя корова и покос — дорого обходилась уральским рабочим в пореформенную пору. Стремление получить работу на месте, не покидая родные края, порождало конкуренцию, а она позволяла держать заработок мастеровых на самом низком уровне. Как писал В. И. Ленин, даже в девяностые годы заработок уральских горных рабочих был почти в три раза ниже, чем на заводах Юга.

Но некоторая часть бывших мастеровых все же рвала с насиженными местами и уходила — ища, где же лучше? Они шли на горные промыслы, на золотые прииски, на сплавы караванов, на строительство железных дорог.

Решетников изобразил этот процесс, характерный для страны в целом. Не только бывшие крепостные рабочие, но и масса крестьянства, разоряемого и остатками крепостничества, и новым кулацким хозяйствованием в деревне, двинулась по дорогам России в поисках работы и хлеба. Двинулась, перемешалась, стремительно обогащаясь знанием жизни, поднимаясь к пониманию неслучайности судьбы, к осознанию общности путей и целей. В. И. Ленин не один раз говорил о громадном значении подвижности населения в социальном воспитании трудящихся.

Сюжет романа «Где лучше?» прост, как сама жизнь. Двое мастеровых, Горюнов и Короваев, вдова Пелагея Прохоровна, которая не оставляет в заводском поселке ни кола ни двора, и двое ее малолетних братьев отправляются в путь. Не ищут они золотых палат. Найти бы такое место, где можно было бы работать, жить не впроголодь, да чтоб — хотя бы минимальное уважение к человеческому достоинству. Кто-то сказывал, что можно найти работу и заработок на соляных промыслах, и они пошли туда. Но и здесь конкуренция, ожесточение, нищета, скудность. А тут малящим призраком встало золото, которое добывают на прииске. Горюнов уходит туда. Короваев — мастеровой, который ценит свою профессию, мастерство, устраивается на завод, неподалеку от промыслов. Временно распалось товарищество. Пелагея Прохоровна, все так же движимая тоской по простой и здоровой жизни, сначала живет в городе то в прислугах, то на «самостоятельной» работе в

прачках, затем на строительстве железной дороги, а оттуда приезжает в Петербург.

Обо всем этом рассказывается так, как может говорить о событиях, значительных для действующих лиц, человек, им близкий, входящий во все мелочи их существования, значительные для них, понимающий все их «резоны» в пользу того или иного поступка. Уважительное отношение к людям выражается в том, что автор называет своих героев не иначе как по имени и отчеству: Пелагея Прохоровна, Игнатий Прокофьевич, Влас Васильевич. Сами они в общении между собой тоже не употребляют уничижительных кличек, которые так возмущали Белинского.

Пелагея Прохоровна, молодая вдова, ищет не только обеспеченной жизни: при ее миловидности она могла бы сделать «приличную партию» и жить безбедно. Но во всех ее исканиях большое место занимает забота о самостоятельности, о независимости и, главное, защите своего достоинства. Ведь в ней все видят зависимо и нуждающегося человека, и каждый хочет эту зависимость использовать в своих интересах и целях. При расчете с соленосками смотритель недодает им денег, он знает, что они все равно никуда не уйдут, снова будут работать у него. Одинокая молодая женщина становится предметом наглых притязаний мужчин, ощущающих ее зависимость, невозможность прожить одной без «покровителя». Даже обывательницы городка не могут допустить мысли, что женщина живет трудом, честно получая за него деньги, а не торгует собой или хотя бы не распутничает так просто. Вокруг честной, душевной, доброй, трудолюбивой молодой женщины — холодный и враждебный мир.

Заслуга Решетникова в том, что он увидел способность трудового человека не склоняться, не сламываться, не подчиняться подлости. Основа этого — в трудовой народной нравственности, складывающейся на протяжении многих столетий. Кроме того, в среде простых рабочих уже появляются подлинно человеческие отношения, понимание общности судьбы, общности задач, необходимости действовать вместе.

Громадную роль играет в сюжете романа, в жизни и судьбе Пелагеи Прохоровны рабочий Игнатий Прокофьевич Петров, новый характер, совершенно не известный в литературе ранее. Петров любит и умеет трудиться. Стойкость, твердость, простота и глубокое понимание жизни делают

его человеком нужным для всех рабочих завода. Решетников намекнул, что Петров пострадал, защищая интересы товарищей по работе. Этот человек по-новому строит и свои отношения с женщиной. Он глубоко уважает Пелагею Прохоровну, полюбив ее, видит в ней товарища. Семейную жизнь мыслит он как жизнь полную широких интересов, дающую новые силы.

О романе, как произведении, в котором впервые так широко освещены судьбы рабочего класса России, говорилось в советском литературоведении много. И правомерно. Но вместе с тем всякий разговор о специфике романа из жизни рабочих как-то незаметно способствовал выведению его из ряда литературных произведений, которыми отмечены точки развития тогдашнего русского общества, его художественного сознания. Правда, не забывали упомянуть, что роман как бы продолжал традицию романов-вопросов: «Кто виноват?» и «Что делать?». Это верно. Но в каком отношении к ним он находился, этот роман «Где лучше?», речи не шло.

Названные выше романы Герцена и Чернышевского фиксировали развитие революционного интеллигентного сознания, занятого вопросами о судьбе личности, страны, крестьянина. Решетников же передает самые обычные требования труженика, истомленного и жаждущего жить по-человечески. Поэтому-то он и начинает с вопроса — где лучше? Только позднее Решетников и его герои обнаружат, что надо сначала понять: кто виноват? А получив ответ на этот кардинальный вопрос, надо решить: что делать? Тогда снимается и начальный вопрос рабочей, труженической жизни: где лучше? Потому, что вопрос-то, оказывается, надо ставить так: как лучше? Как лучше жить людям, чтобы не было насилия, нищеты, гибели, насмешки над человеком.

Вопрос о «виновности» социального строя, поднятый Герценом, поставлен в романе Решетникова. Только вместо крепостничества трудящиеся люди, которые стали чувствовать в себе человека, столкнулись с иным «живодерством», с постоянной зависимостью от других обстоятельств. Они выкинуты на громадный рынок труда, дающего все выгоды предпринимателю, а рабочего оставляющего в нищете, а то и на краю гибели.

Последний роман писателя «Свой хлеб», напечатанный в 1870 году, обычно рассматривают вне ряда романов

о рабочих. На первый взгляд, это правильно. В «Своем хлебе» девушка из чиновничье-мещанского круга стремится к эмансипации, самостоятельности, утверждению достоинства личности. Проблема для тех лет, когда выступал Решетников в литературе, несомненно, злободневная. Но героиня романа Дарья Андреевна не только освобождается от мелочной опеки родных и мещанского взгляда на труд. Главное — в формировании в ней более зрелого сознания эксплуатируемого человека, защищающего таких же, как она, работниц швейной мастерской. Она подводит их к пониманию необходимости тесного союза друзей по труду, противостоящих хозяевам.

В отличие от ряда других писателей, говоривших о народе, Решетников обращает главное внимание не на сам факт эксплуатации трудящихся, не на общий характер их нравственных представлений, а на то, как все это переживается простым человеком, который медленно, но верно все более становится личностью.

Такая акцентировка проблем в романе из народной жизни позволяет сблизить «Где лучше?» и «Свой хлеб» с романом Герцена, завершавшим известный этап исканий личности, требующей свободы, нравственного раскрепощения, возможности полного общественного самоутверждения. Конечно, обнаружить такую близость в шестидесятые-семидесятые годы прошлого века было трудно. Но позднее становится ясно, что утверждение независимости, свободы, человеческого достоинства займет в жизни рабочего человека не менее важное место, чем некогда у герценовской интеллигентной личности.

Новых людей, чьи характеры формировались в борьбе за новые человеческие отношения, сумел увидеть Чернышевский. Новых людей из среды рабочих обнаружил и Решетников и вместе с ними нащупывал: что же делать? Герой романа «Где лучше?» Петров понимает, что искать, где лучше живет человек, бесполезно. Нужно так устроить, чтобы труд человека был свободным и его не обижали бы те, «кто хочет жить в свое удовольствие». Того же добивается Дарья Андреевна в романе «Свой хлеб». Это еще не программа борьбы, но уже та почва, на которой возникнет интерес рабочих к научному коммунизму как философии, отвечающей на вопросы их жизни.

Роман «Где лучше?» сыграл значительную роль в решении проблемы, которая стояла перед реалистическим ис-

кусством в России. Литература открывала зависимость формирования характера от социальной действительности. Но почему же одна и та же среда создает различные, иной раз противоположные характеры? Решетников заметил, что жизнь трудящегося человека имеет два социальных аспекта, и показал это. Один — это условия равенства в трудовом коллективе, вызывающие отношения уважения к другому такому же труженику, это жизнь в таком социальном коллективе, в котором есть основания для братства и равенства. Другой же — это те конкретные социальные столкновения, которые уродуют трудовые отношения, вызывают вражду из-за борьбы за право на труд, из-за конкуренции, произвола, «гарантированного» капиталом. Если этот второй аспект создает те формы, в которых приходится реально жить героям романа, то первый — основа их положительных качеств, смелой борьбы Петрова, Пелагеи Прохоровны и других за право быть человеком.

Заслуга Решетникова не только в том, что он первый показал путь формирования общественного сознания рабочих: от грубоватых, неумелых протестов против «начальства», сменяющихся мрачным смирением, до готовности к рабочей солидарности, вырастающей из дружеского уважительного отношения к товарищу по работе, из крепкой убежденности в существовании права жить по-человечески. Он открыл новый способ понимания и изображения жизни. Разумеется, его открытия лежали в области реалистического искусства, но в самом реализме он находил неиспользованные возможности. Особенности изображаемой среды несли с собой и особенности ее обрисовки.

Многим его современникам, даже благожелательно настроенным, казалось, что Решетников как художник просто не выработался. На первый взгляд, такое представление может показаться справедливым. В самом деле, читается роман нелегко, в него приходится входить постепенно, привыкать к языку писателя. Сначала мы замечаем массу деталей, на которые раскладывается жизнь. Перед нами выстраиваются цепочки фактов, едва соединенных друг с другом причинно-следственными связями. Мы встречаемся с рядом героев, и из этого ряда не можем выделить главного. И все же чувствуем, что такое «выравнивание» персонажей романа по степени внимания к ним не говорит о равнодушии или неумении автора. Он как бы воспроизводит живую модель подлинных жизненных от-

ношений в той среде, которая далека от индивидуалистического самоутверждения, хотя и горячо защищает личность.

Не сразу мы привыкаем и к внешне безоценочному повествованию, когда одним тоном говорится о маленьких неприятностях и больших драмах, и только потом поймем эту манеру рассказа.

Каким-то примитивным и угловатым покажется сперва и авторский язык, потом станет ясно, что иным воспользоваться было бы неуместно.

Читая «Где лучше?», надо овладеть ключом к повествовательной манере Решетникова, тогда вскроется обаяние непривычной художественной формы.

Последние годы жизни Федора Михайловича, уже признанного писателя, были далеко не безоблачными. Часто приходилось ему с семьей жить на выдаваемые Некрасовым в счет будущих гонораров небольшие суммы, не обеспечивающие сносных условий существования. Между тем по самому характеру творчества писатель нуждался в постоянном пополнении впечатлений от жизни той среды, которую он изображал. В 1865 году Решетникову удалось, хотя и с большим трудом, собрать самую незначительную сумму, позволившую отправиться в поездку на Урал. В результате путешествия были написаны «Очерки обозной жизни», имеющие силу самого правдивого документа, заготовлены материалы для романов.

Реакция, наступившая после каракозовского выстрела в 1866 году, коснулась и Решетникова, роман которого «Горнорабочие» в закрытом правительством «Современнике» остался незаконченным. Но писатель не пошел ни на какие компромиссы, не попытался избрать темы «нейтральные». Стремление говорить правду о рабочих, их нуждах, надеждах было сильнее всех других соображений и побуждений. Сильнее попреков жены, укоров дяди, сильнее соблазна жить «как другие». Неудачи следовали за неудачами, мешая жить и писать. А жить было трудно, и еще труднее оттого, что сказывалась привычка к вину, приобретенная в дни голодного существования на жалованье канцелярского служителя. Застарелый легочный процесс тоже давал о себе знать. Соединенные усилия алкоголя и болезни рано свели в могилу этого хмурого на вид человека, с сердцем, любящим простых людей, с постоянной думой о их будущем. Девятого марта 1871 года он скончался.

Мы опираемся на все достижения культуры и наследуем все истинно прекрасное и умное, созданное в веках. Мы не можем пройти мимо тех страниц истории, на которых записано наше собственное прошлое, запечатлены первые, пусть еще робкие голоса в защиту права рабочего класса на человеческую жизнь, отражены начальные формы его социального мышления. И мы не можем с особой благодарностью не вспомнить о Ф. М. Решетникове, который был первооткрывателем рабочей темы в литературе России.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Еще в небольшом некрологе, напечатанном в «Отечественных записках» (1871, № 4) сразу же после смерти Ф. М. Решетникова, Г. Успенский писал: «Отец его сначала был дьячком в Екатеринбурге, много пил. Чтобы избавить его от гибели, дядя и тетя женили его на дьяконской сироте, девушке тихой и кроткой; он вышел из дьячков и поступил в почтальоны». Эти же сведения были повторены им в биографическом очерке, написанном три года спустя.

С. А. Венгеров, А. М. Скабичевский, Б. Л. Модзалевский, говоря о родителях Решетникова, почти дословно повторяли очерк Г. Успенского.

Современный исследователь И. И. Векслер, в предисловии к полному собранию сочинений Решетникова, издававшемуся в Свердловске в 1936—1946 годах, вслед за другими говорит: «О матери Решетникова мы знаем крайне мало — неизвестно даже ее имя. Г. И. Успенский сообщает, что она была дьяконская сирота, «девушка тихая и кроткая». Заметив, что Решетниковы считали своими родственниками несколько семейств в Перми и Осе, И. Векслер не устанавливает истинной степени их родства, не дает их социальной характеристики. Он пишет: «...в Перми юноша Решетников называл «дедушкой» некоего М. В. Антропова, с которым был близок, в г. Осе с семейством проживал еще один «дедушка» — Т. Л. Панкратов». И только.

В метрической книге Екатерининского собора г. Екатеринбурга за 1841 год под 5 сентября мы находим запись о рождении писателя. По ней сразу же устанавливается имя и отчество его матери. Ее звали Екатериной Тимофеевной. В той же книге есть запись от 23 февраля 1840 года о браке родителей писателя, которая сразу снимает ряд неверных положений биографического очерка Г. Успенского и всех, повторивших его. Екатерина Тимофеевна в записи о браке названа по фамилии Панкратова, указана и ее социальная принадлежность: она дочь губернского секретаря. Известен и возраст — семнадцать лет.

Итак, мать Ф. М. Решетникова не сирота и не дьяконская дочь. Она дочь мелкого чиновника, получившего после 17—20 лет работы два очередных чина (коллежский регистратор, губернский секретарь). Тот, кого в письме от 4 июля 1860 года Ф. М. Решетников называет дедушкой Тимофеем Львовичем, и есть дедушка, без кавычек, которые ставит И. И. Векслер.

Михаил Васильевич Решетников, сын нижнетагильского почтальона, девятнадцати лет от роду, в той же записи о браке значится почтальоном. Г. Успенский, очевидно, не прав, когда пишет, что после женитьбы отец Федора Михайловича «вышел из дьячков и поступил в почтальоны». Вряд ли девятнадцатилетний Михаил Васильевич Решетников мог побывать до этого в дьячках. Для определения в почтальоны, которые с течением времени имели право претендовать на классный чин, необходимо было кончить уездное училище. Уездное училище требовало подготовки в приходском училище, и закончить образование раньше 15—16 лет было трудно. Однако, чтобы окончательно рассеять заблуждение о духовной службе Михаила Решетникова, мы пересмотрели метрические книги и клировые ведомости всех церквей Екатеринбургской епархии за 1837—1840 годы. Дьячка Решетникова нигде не значилось. Все это позволяет с достаточной степенью уверенности сказать, что принадлежность отца к духовному миру — художественный вымысел автора повести «Между людьми» и не более.

**Данные о мастеровом монетного двора Иване Михайловиче Фотееве, сыгравшем в жизни Ф. М. Решетникова большую роль, должны быть уточнены. Г. И. Успенский по поводу этого человека сообщил, что «сильное влияние относительно укрепления у Ф. М. Решетникова потребности и необходимости делать пользу бедному человеку имел мастеровой Екатеринбургского монетного двора. Он очень любил Ф. М., знакомил его с бытом рабочего люда, советовал ему жить честно, не якшаться с пьянчужками и взяточниками». Н. Новокрещенных в воспоминаниях о Ф. М. Решетникове («Пермский край», 1901, № 55) называет фамилию этого мастерового и приводит некоторые данные о нем.

Он замечает: «Это был квалифицированный рабочий монетного двора или механической фабрики, один из получивших выгучку в Петербурге, в мастерских технологического института. Там он сблизился со студентами горной школы и института, главным образом земляками. Установилась связь, воспитанники снабжали рабочих книгами, спорили о прочитанном, и рабочие постепенно поднимались в своем развитии».

Опираясь на свидетельство Н. Новокрещенных, И. И. Векслер также пишет, что «затронутый пропагандой в духе общей идейной направленности 40-х гг., Фотеев был человеком, несомненно, более широкого кругозора, чем не покидавшие Екатеринбург его товарищи-рабочие».

Это очень соблазнительно — найти среди мастеровых, близких знакомых Ф. М. Решетникова, «носителей передовой идейности 40-х годов». Но, во-первых, знакомство относится к 1860 году, когда идейность была уже другая, во-вторых, предполагается, что только личное общение с революционно-демократической интеллигенцией в столице помогало формированию представлений уральских рабочих крепостного периода о жизни, о действительности. Новокрещенных прав в том, что был у Решетникова приятель-рабочий и звали его И. М. Фотеевым, прав и в том, что некоторые рабочие монетного двора бывали в Петербурге. Однако эти два факта объединены им, кажется, ошибочно.

За 1857—1860 годы имеются формулярные списки всех мастеровых монетного двора с данными о прохождении ими службы

(ГАСО, ф. 56, оп. 1, д. 467 и 485). По этим данным в 1860 году Фотееву 38 лет, он женат, жена его — Прасковья Демидовна, у него пятеро детей. «В штрафах» Фотеев не был. В командировках для прохождения службы тоже не был. Между тем формулярные списки составлены очень тщательно. Записи о прохождении службы в Петербурге имеются у многих рабочих. Как видно из данных об этих мастеровых, все они побывали в столице в возрасте 25 лет.

Иван Михайлович Фотеев в 1843 году, если верить формулярному списку 1857 и 1860 годов, где возраст дается с точностью до месяца, имел всего 21 год. К этому времени он уже женат, имеет дочь, обзавелся домом; даты рождения остальных детей тоже не дают оснований говорить о каком-либо длительном отсутствии его в Екатеринбурге.

Очевидно, И. М. Фотеев — рядовой представитель уральских рабочих крепостнической поры, с которыми был близок писатель, а не своеобразный носитель «идейного наследства 40-х годов». Конечно, командировки в Петербург расширяли кругозор рабочих, давали возможность видеть быт, положение мастеровых столицы, познакомиться с их интересами, но это не являлось решающим. И. М. Фотеев выделялся Ф. М. Решетниковым из массы остальных рабочих, очевидно, не по этому признаку, а как умный и убежденный человек.

МАМИН-СИБИРЯК И НАРОДНИКИ 1870-Х ГОДОВ

1.

В августе 1872 года двадцатилетний Дмитрий Мамин отправился из родного Висима в Петербург, где кипела незнакомая и манящая жизнь. Оттуда доносились, как говорил позднее писатель, «отзвуки великого движения конца пятидесятых — начала шестидесятых годов». Из столицы приезжали люди, вкусившие «дорогого хлеба науки», и были они особенными, не такими, как те, кто вырос на Урале, еще помнившим палочный режим крепостного горнозаводского труда.

Молодой Мамин, бросивший Пермскую семинарию после четвертого класса, впервые оставлял места, где прошли его детство и отрочество. Он ехал на пароходе по Каме и Волге среди молодежи, жаждущей знаний, согретой хорошими мыслями о своем долге перед народом. Из Нижнего через Москву будущий писатель ехал по железной дороге. В душе его, как вспоминал он позднее, жили рядом и «страстная жажда видеть Петербург», и «какая-то детская жалость к далекой и милой родине». Впереди лежал «тяжелый и тернистый путь», но не было «ни страха, ни разъедающих сомнений».

Все смелое, сильное, хорошее в молодой России собиралось сюда, в этот центр просвещения и разрастающегося разночинного движения.

24 августа 1872 года Д. Н. Мамин подал заявление о приеме его в Медико-хирургическую академию. После экзаменов он был зачислен на ветеринарное отделение вместе со своим товарищем по семинарии А. Колокольниковым. На медицинское отделение приняли 260 человек, среди которых было несколько воспитанников Пермской семинарии: Н. Коротков, П. Псаломщиков, П. Арефьев и другие.

В академию Д. Н. Мамина привело твердое убеждение в необходимости найти профессию, нужную народу. Сказалось тут, вероятно, и влияние родителей.

Мать, размышляя над будущим своих детей, еще в 1866 году думала не о карьере, а о добром пути, на котором они стали бы настоящими людьми. Записной книжке 11 ноября 1866 года она доверила идущие от сердца слова: «Сколько у меня страху за настоящее и будущее моих детей, будут ли они людьми честными, трудолюбивыми, воздержанными, полезными для других»¹.

В том же году отец писателя на обороте адресованного к нему письма торопливо записывает, услышав от кого-то, известное завещание Н. А. Добролюбова:

Милый друг, я умираю
Оттого, что был я честен;
Но зато родному краю,
Верно, буду я известен.
Милый друг, я умираю,
Но спокоен я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

В этих строчках Наркис Мамин нашел выражение дорогих ему мыслей и чувств. Они помогли сформулировать напутствие сыновьям, которые отправлялись учиться...

Принятый в одно из передовых учебных заведений страны, молодой Мамин был хорошо подготовлен к восприятию новых идей, все сильнее захватывающих мыслящую Россию.

Еще в семинарии он находился в полных неладах со «святыми отцами», «выкапывающими мертвечину»², как семинарист аттестовал действия наставников в письме к отцу. Его остро критическое отношение к схоластике, бессмысленному зазубриванию мертвых языков сочеталось с особым интересом к естественным наукам. Будущий писатель уже тогда был совершенно равнодушен к церкви и настолько упорен в своем нежелании соблюдать православные обряды, что систематически получал пониженный балл по поведению³. В автобиографической повести из семинарского быта «Худородные» писатель говорит: «Я вел себя уже как атеист»⁴.

¹ ЦГАЛИ, ф. 316, оп. 1, ед. хр. 231. Записи А. С. Маминой дневникового характера.

² Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч. в 10 тт. М., изд-во «Правда», 1958, т. 10, стр. 331. Письмо к Н. М. Мамину, март 1870 г.

³ Там же, стр. 334. Письмо к родителям 15 января 1871 г.

⁴ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Худородные. Подготовка текстов, послесловие и комментарии И. А. Дергачева. Свердловск, Свердловское книжное изд-во, 1958, стр. 220.

Семинарист Мамин отстаивал право и на свободомыслие других. Сообщая отцу о жандармской расправе с екатеринбургским народническим кружком, в который входил ряд гимназистов, он открыто выражает свое возмущение: «В Екатеринбурге за антирелигиозные мысли исключено из классической гимназии 7 чел. без права поступления в другие учебные заведения — подобные глупости только и возможны у нас, глупо и досадно»⁵.

В формировании материалистических взглядов на жизнь большую роль сыграло знакомство Д. Н. Мамина с сочинениями Писарева. Прочитав статью «Университетская наука», семинарист Мамин в письмах к родителям полностью использует всю аргументацию критика-реалиста в обоснование выбора учебного заведения, в котором можно было бы продолжать образование.

Е. А. Боголюбов, много сделавший для изучения творчества Мамина-Сибиряка, в ряде работ доказывал, что в семинарии будущий писатель занимал писаревские позиции, увлекаясь только естественными науками, и что влияния 70-х годов его не коснулось. Но влияния на него, несомненно, были более широкими. В конце 60-х годов Д. Н. Мамин познакомился с некоторыми работами теоретиков формирующегося народничества.

В семинарии существовала нелегальная библиотека, сохранившаяся от «эпохи славы семинарии», как назвал Д. Н. Мамин-Сибиряк краткий период 60-х годов, когда, по выражению писателя, Пермская семинария «зараз выставила целый ряд светлых голов — свою гордость и славу»⁶. Д. Н. Мамин писал, что от этого движения остался широкий след в истории семинарии, где он слышал рассказы и воспоминания о деятельности пермского революционного кружка, возглавлявшегося учителями Алексеем Моригеровским и Алексеем Стефановским.

Этот кружок был связан с петербургской организацией «Земля и Воля» через брата Моригеровского Александра, который в 50-х годах был также учителем Пермской семинарии, а в 60-х возглавлял один из студенческих кружков, организованных в столице Н. Г. Чернышевским и его ближайшими помощниками⁷.

⁵ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч. в 10 тт., т. 10, стр. 337.

⁶ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Худородные, стр. 157.

⁷ Данные о нем см.: ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., III отд. № 46/1862. Сходство инициалов двух братьев Моригеровских — Алексея и

Разгром пермского революционного кружка не затронул созданной им тайной библиотеки. Она продолжала существовать, когда Мамин был семинаристом. Из воспоминаний Ляпустина, соученика писателя в 1868—1870 годы, известно, что среди других книг находились и новинки, как, например, «Исторические письма» П. Л. Миртова (Лаврова)⁸. Эта книга сыграла большую роль в формировании воззрений передовой революционной молодежи 70-х годов.

Д. Мамин, несомненно, пользовался этой библиотекой. В автобиографической повести и в письмах к родителям он называет ряд книг, прочитанных им в семинарии: Писарева, Смайльса, Дарвина. Все эти книги официально не были доступны семинаристам. Достать их можно было только в нелегальной библиотеке.

В одном из писем к отцу молодой Мамин применяет «формулу прогресса», предложенную П. Л. Лавровым и подхваченную народниками 70-х годов. Лавров определяет цель прогресса как развитие личности «в физическом, умственном и нравственном отношениях». Эта формула в письме семинариста повторяется не раз. В начале развивается мысль, что критическое отношение к науке и жизни еще может выработаться, что «умственное развитие пока впереди». «А вот что касается физической стороны да нравственной, так хоть в петлю полезай...»⁹ — пишет Д. Н. Мамин.

Далее следует мысль из шестого письма Лаврова, который утверждал, что «в борьбе крепнет убеждение и способность его отстаивать». У Д. Н. Мамина она изложена близко к первоисточнику: «Достоинство человека как человека только и может развертываться в противных обстоятельствах». В конце письма, даже не совсем кстати, еще раз возникает начальная формула Лаврова: Мамин сетует, что многие семинаристы могут погибнуть «в физическом, нравственном и умственном отношениях», целиком

Александра — помешало Ф. Горовому в его содержательной книге «Революционно-демократическое движение в Пермской губернии в 60-х годах XIX века», полно раскрывающей деятельность кружка, заметить указанную связь.

⁸ Воспоминания о Д. Н. Мамине-Сибиряке. Составила З. Ерощкина. Свердловск. Свердловгиз, 1936, стр. 66.

⁹ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч. в 10 тт., т. 10, стр. 334—337. Письмо к Н. М. и А. С. Маминим 29 февраля 1872 г.

используя лавровские слова. Это письмо, отосланное в Висим 29 февраля 1872 года, дает все основания говорить о знакомстве будущего писателя с классической работой одного из видных теоретиков народничества 70-х годов.

Привлекли внимание Мамина-семинариста и первые шаги народников по изучению русской общины и артели. В архиве писателя сохранился переписанный им большой вопросник об артелях. Датирован он последними днями пребывания в семинарии¹⁰.

Как видно, Д. Н. Мамин приехал в Петербург подготовленным к восприятию новых идей. Он освободился от власти авторитетов, выработал критическое отношение к официальной науке, ему дороги традиции шестидесятников. Он усвоил лавровские идеи прогресса и заботится о выработке собственного независимого мировоззрения. Он считает, что вся деятельность образованного человека должна быть подчинена интересам народа.

2.

Медико-хирургическая академия, студентом которой стал Д. Н. Мамин, была одним из лучших учебных заведений России того времени. В ней читали лекции виднейшие ученые, такие, как выдающийся химик Зинин, знаменитый врач Боткин, анатом Грубер, гигиенист Манассеин и другие. Многие из профессоров академии были людьми независимыми в своих суждениях и способствовали формированию духа политического протеста среди студентов. В отчете о столетии академии, изданном в 1898 году, официальный историк учебного заведения замечает, что политическое движение студептов академии шло не только «под влиянием внешних сил», но и лекций самих профессоров¹¹. Жандармская агентура доносила, что ряд профессоров сочувствуют студентам и поддерживают их морально. В числе сочувствующих назывались Былинский, Руднев и первая женщина — доктор медицинских наук в России Кашеварова-Руднева¹².

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 316, оп. 1, ед. хр. 45.

¹¹ История Императорской Военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) академии за сто лет (1798—1898). Под редакцией проф. Ивашковского. СПб, 1898, стр. 657.

¹² ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 1336/1871—72. Агентурные донесения, л. 66.

Учеба в Медико-хирургической академии прежде всего способствовала формированию материалистических воззрений, служивших оружием передовой мысли. Но академия была школой и другого рода. Ее студенты были захвачены бурной общественной жизнью. В год вступления Мамина в студенческую семью движение носило еще характер общей кружковой работы. Студенты усиленно занимались самообразованием; в бурных спорах вырабатывались взгляды и убеждения, характерные для народничества 70-х годов. В 1873—1874 годах развернулась подготовка к «хождению в народ». Весна 1874 года была временем наибольшего развития народнических групп, обрасславших сочувствующими, и вместе с тем временем резкого размежевания тех, кто действительно готов действовать, и тех, кто предпочел остаться в «потасенной оппозиции», ограничиваясь чисто словесными протестами.

Народники 70-х годов выражали интересы крестьянской демократии. Многие из них позднее поднялись на самоотверженную революционную борьбу с царизмом. Все они составляли молодую Россию, в той или иной мере подготовлявшую будущее.

Система взглядов их, во многом преемственно связанная с идеями Чернышевского, Добролюбова, Писарева, была очень эклектичной, составленной из различных исключаящих друг друга положений. В этой пестроте отражалась сложность взглядов русского крестьянства с сильными элементами революционности и с не менее глубокими патриархальными мотивами. Отсюда и разнородность народнических направлений: от смыкающихся с либерализмом до анархических и от бланкистских до приближающихся к идеям Первого Интернационала.

Протест пореформенного крестьянства против «голодной свободы», по позднему выражению Д. Н. Мамина, развитие буржуазных хищнических начал в русской жизни ставили перед русской демократической интеллигенцией решительный вопрос, с кем же она: с народом, живущим в государстве, враждебном его коренным интересам, или с этим государством, заботящимся лишь о благе привилегированного меньшинства?

В революционных теориях этого времени большое место занимает идея передовой личности, стоящей перед необходимостью нравственного выбора, идея ее решающей роли. Интеллигентная личность, по мнению одних, могла

выполнить эту роль, поддерживая стихийный народный бунт, к которому готово крестьянство. Так полагал анархист М. Бакунин, за которым следовали некоторые народники.

Иначе думали П. Лавров, редактор нелегального эмигрантского журнала «Вперед», и значительное большинство народников: общественный деятель, считали они, должен исподволь подготавливать социальную революцию «для народа и посредством народа», должен способствовать вытравливанию идеи революции в сознании самого народа.

П. Ткачев, издатель другого заграничного органа русских народников — «Набата», представлял себе революцию как политический переворот силами интеллигентов, политически сознательного меньшинства с целью дальнейших социальных преобразований во имя интересов народа.

Во всех этих оттенках идей совершенно абсолютизировалась свобода воли в выборе самого пути, что было связано с распространенной мыслью о главенстве в истории не внутренних закономерностей социально-экономического характера, а человеческой воли, свободно ставящей цели лишь в соответствии с правильно понятым идеалом — социальным, политическим, нравственным.

Сила народного возмущения, отраженная в настроениях революционной интеллигенции, четко сформулированные идеи долга перед народом, мысли о высокой нравственной идее, способной творить жизнь, — все это делало движение революционных народников 70-х годов окрыленным, героическим, полным самоотречения. Время рождало таких героев, по выражению В. И. Ленина, как «блестящая плеяда революционеров 70-х годов»¹³.

Они поднимались в защиту народа от угнетающей силы крепостнических пережитков. Им хотелось «защитить» мужика и от новой кабалы, кабалы мироеда, кулака, установить общежитие свободных тружеников. Их социалистические идеалы были утопическими. Надежда на то, что крестьянская община разовьется в социалистические коммуны, была несостоятельной. Сама крестьянская община была в то время ареной борьбы кулаков и неимущих крестьян, она разрушалась развитием буржуазных отношений. Расслоение крестьянства вело к «расколу крестьянского социализма». В 70-е годы рядом с революционным начи-

---

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 25.

нает формироваться и либеральное народничество, вполне определившееся в восьмидесятые и девяностые годы. С этим либеральным народничеством пришлось вести борьбу В. И. Ленину, расчищая путь к пролетарской революционности и научному социализму.

Среди участников народнического движения, не чуждавшихся теории, было много студентов Медико-хирургической академии, слушателем которой стал Мамин. В сравнении с другими высшими учебными заведениями состав обучающихся здесь был наиболее демократичным. Разночинцы составляли почти половину всех студентов. Один из участников движения, бывший студент-медик О. Аптекман, в интереснейших воспоминаниях «Общество «Земля и Воля» 70-х годов» так говорил об этом демократизме: «Общество в Академии, действительно, было самое лучшее, отборное. Общество здоровых, сильных, бодрых разночинцев. Здесь разночинским духом пахло, здесь демократизм был не наносный, а подлинный... Уже одна внешность студента Академии, несмотря на то, что полагалась форма, бросалась в глаза. Блуза, косоворотка, высокие сапоги, широкополая шляпа, длинные волосы — такова в общем фигура медика»¹⁴.

Развитие народнических кружков, в которых участвовали медики, облегчалось и тем обстоятельством, что академия подчинялась военному министру, что ставило ее в особое положение и спасало от драконовских мер, принятых правительством по отношению к студентам других учебных заведений в 1863—1866 годах. Студенты-медики имели свою кассу взаимопомощи, что было запрещено другим. Они содержали собственную библиотеку-читальню, не подчиненную начальству. Она была своеобразным «якобинским клубом», «открытой политической ареной»¹⁵. Речи, произносившиеся в ней, часто аттестовались в донесениях военному министру Д. А. Милютину как «самые крайние и противозаконные».

За 1873—1877 годы, то есть как раз за время, когда там учился Д. Н. Мамин, к дознаниям по политическим процессам было привлечено 80 студентов академии. Под

---

¹⁴ О. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х годов по личным воспоминаниям. Пг., «Колос», 1924, стр. 61.

¹⁵ Рукописное отделение Библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 1119, ед. хр. 41/3. Донесение петербургского градоначальника 4 марта 1874 года.

негласным наблюдением шпионов III отделения находилось еще несколько студентов. На одном курсе с будущим писателем в 1874 году учился знаменитый народоволец Н. И. Кибальчич, героически погибший в 1881 году. В 1872—1874 годы однокурсниками Д. Н. Мамина были такие организаторы «Народной воли», как М. Р. Попов и И. С. Джабадари. В академии учились будущие деятели «Земли и Воли» О. Аптекман, Н. Архангельский, А. Хотинский, Л. Буланов. В знаменитом процессе по делу «О пропаганде в империи», так называемому «делу 193-х», были судимы студенты академии С. Голоушев, Д. Аитов, Н. Теплов, А. Ветютнев, И. Гауэнштейн и другие. По «делу пятидесяти» привлекались А. Гамкрелидзе, И. Рождественский. Но движение было значительно шире, чем можно судить по этим фактам. Привлекаемые к дознаниям обычно не называли всех имен участников. Многие студенты, разделяя убеждения революционных групп, не входили в них организационно.

Официальный историк академии, характеризуя ее состояние в начале 70-х годов, вынужден заметить, что «студенческая масса была в высшей степени беспокойна, подвижна, склонна к действию толпой»¹⁶.

О. Аптекман подчеркивает ее сплоченность: «Нигде студенты, думается мне, не были так объединены, как в Академии»¹⁷. Сам Д. Н. Мамин позднее, в 90-х годах, рисуя студенчество 70-х годов, для характеристики его находит слова, поразительно близкие к сказанным О. Аптекоманом: «...то была одна семья, спаянная одним общим чувством». В другом месте он говорит о «счастливом настроении», которое «безраздельно овладело тогдашней молодежью»¹⁸. В романе, над которым писатель работал в студенческие годы, об одном из героев говорилось так: «Он был студентом и, следовательно, не мог быть «не красным».

Мог ли Мамин остаться в стороне от такого широкого движения, определяющего тонус жизни учебного заведения, куда он поступил? Конечно, нет. Факты его связей

---

¹⁶ История Императорской Военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) академии за сто лет (1798—1898), стр. 651.

¹⁷ О. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х годов по личным воспоминаниям, стр. 61.

¹⁸ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч. в 12 тт., Свердловск, 1958, т. 8, стр. 213.

с народническими кружками до сих пор не привлекали внимания писавших о Мамине-Сибиряке, но эти связи были, и о них следует сказать.

3.

Молодой Мамин, приехав в Петербург, встретился с бывшими пермскими семинаристами. Из предыдущих выпусков семинарии в Медико-хирургической академии уже училось несколько человек. Среди них был близкий приятель Д. Н. Мамина Н. Серебренников, окончивший семинарию в 1870 году. В Перми они жили на одной квартире. После его отъезда в столицу связь между ними не прекратилась. О переписке с Серебренниковым Мамин сообщает родным. 30 апреля 1872 года, желая убедить отца, что студенческая жизнь в Петербурге не потребует больших расходов, он ссылается на письмо товарища: «Вчера получил из Петербурга от Серебренникова письмо, пишет много и о многом, особенно важно то, что и в Питере несколько студентов, в том числе и Серебренников, задумали жить вместе, и это вот так: сошлись 8 человек и наняли целый дом за 54 рубля серебром в месяц, наняли кухарку, стали закупать сами провизию, наняли одну прачку, и дело с концом. Серебренников пишет, что этак жить не в пример выгоднее»¹⁹. Далее говорится, что студенческая артель открыла переплетную мастерскую. Хотя конкурировать с профессиональными переплетчиками и трудно, но минимум средств для существования члены коммуны зарабатывают.

Об этой же коммуне сохранилось агентурное донесение III отделения, из которого следует, что группа студентов, приехавших с Урала, решила осуществить идею «о совместной жизни на коммунистических началах». Агент рассказывает о коммуне следующее: «Расходы все у них общие, производятся из общей денежной суммы, составляющейся из взносов каждого члена, смотря по средствам; были, впрочем, и такие, которые ничего не вносили. В видах увеличения средств своего кружка устроена была в той же квартире в небольшом размере переплетная мастерская, в которой принимали участие все сожители; мастерская эта приносила в месяц доходу не более 9 рублей».

¹⁹ Е. Боглюбов. Пермский период жизни Д. Н. Мамина-Сибиряка.— В альманахе «Прикамье», № 8. Пермь, 1945, стр. 220.

Заканчивается донесение сообщением, что «члены этого кружка были связаны между собой не одним совместным жительство, но иногда общими умственными занятиями, заключающимися в чтении и разборе сочинений преимущественно по социальным наукам»²⁰.

В письме Мамина отцу акцент был, естественно, сделан на экономической стороне артельной жизни. Но такие «коммуны» в студенческой среде начала 70-х годов рассматривались вместе с тем как «школы практического социализма». Коммуна же екатеринбуржцев, по свидетельству одного из выдающихся деятелей так называемого «Большого общества пропаганды», или «кружка чайковцев», С. С. Синегуба, была не только бытовым объединением, но и малой ячейкой революционной мысли и начинающихся попыток народнической пропаганды.

Мамин-Сибиряк, приехавший в Петербург в конце августа 1872 года, не мог обойти Никандра Петровича Серебренникова, как самого близкого из земляков, как человека, который давал ему в письмах практические советы по устройству в столице.

В те же самые дни, когда молодой Мамин только что встретился с Серебренниковым, из поездки на Урал возвратился один из активных народников — С. С. Синегуб. В Невьянске и Екатеринбурге он установил связь с местными народническими группами, о чем рассказывает в талантливо написанных «Воспоминаниях чайковца». В Екатеринбурге ему поручили доставить в Петербург, в коммуну земляков, исключенного из гимназии участника кружка Андреева. В воспоминаниях он пишет: «В тот же день разыскали мы с Андреевым екатеринбургскую коммуну, в который были Серебренников, Короваев, Распопов, Дьяконов и один из старых наших екатеринбургских друзей Шамарин»²¹. С. С. Синегуб разговорился с Серебренниковым (инициалы которого он не указывает) и узнал от него много интересного...

Надо думать, что Синегуб в «Записках чайковца» и Д. Мамин в письме к родителям говорят об одной и той же коммуне. Во-первых, студенческих коммун было не так уж много, чтобы можно было допустить простое совпадение фамилии организатора, во-вторых, и по Синегубу, и по

²⁰ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., д. 76, ч. 2, 1873, л. 114—114 об.

²¹ С. Синегуб. Записки чайковца. М.—Л., «Молодая гвардия», 1929, стр. 30.

Мамину,— это коммуна уральцев, а самое главное, почти все другие лица, названные видным народником, ведут нас в круг маминских знакомых пермяков. В. Распопов и Н. Дьяконов кончили ту же Пермскую семинарию вместе с Серебренниковым²². О Дьяконове как своем товарище писатель упоминает в письме к матери 10 сентября 1881 года в связи с хлопотами о восстановлении в Петербургском университете²³. Жили они с К. Шамариным, бывшим учеником Уральского горного училища и участником екатеринбургского народнического кружка, активным и в ходе дальнейшей истории народничества²⁴.

Но С. Синегуб рассказывает в основном о Серебренникове. Этот приятель Мамина-Сибиряка, оказывается, начал работу, в которую позднее включился и кружок «чайковцев»: пропаганду среди рабочих. Серебренников вел занятия с рабочими-ткачами Аббакумовым, Шубиным и Гр. Крыловым, которые собирались в «коммуне» два раза в неделю. Он пожаловался Синегубу, что не может ответить на некоторые вопросы рабочих, и с удовольствием принял предложение Синегуба «взять обучение на себя». Тут же в коммуне в ближайшую субботу Серебренников и Синегуб встретились с рабочими. «Первый вечер знакомства,— вспоминает автор «Записок чайковца»,— прошел у нас в горячих разговорах на темы, нас одинаково глубоко занимавшие, которые были тою нашей болью, о которой мы не могли не говорить»²⁵.

Двое из рабочих, с которыми занимался Н. Серебренников, оставили в истории народнического движения заметный след. И. Аббакумов и Гр. Крылов, тесно связанные с кружком «чайковцев», одними из первых рабочих-пропагандистов отправились для агитации среди крестьян в деревню. Особенно высоко ценили народники Григория Крылова. Член кружка «чайковцев» Н. Чарушин, рассказывая о работе среди рабочих, в первую очередь называет

²² Разрядный список учеников Пермской духовной семинарии за 1870/71 учебный год. «Пермские епархиальные ведомости», 1871, стр. 366—369. Вл. Распопов вышел из V класса, Н. Дьяконов — из IV.

²³ Рукописное отделение Библиотеки им. В. И. Ленина, ф. МС 1/3. Письмо к А. С. Маминой от 10 сентября 1881 г.

²⁴ О нем см.: Я. Рябинович. Екатеринбургский революционно-народнический кружок (1871—1875). Ученые записки Пермского государственного университета, т. 17, вып. 4, 1961.

²⁵ С. Синегуб. Записки чайковца, стр. 35.

Аббакумова и Гр. Крылова — «как натуры страстные и глубоко уверовавшие в освободительные идеи».

С участниками этой коммуны, близкой к «чайковцам», встретился и Мамин. С помощью ее членов, как будет видно дальше, он познакомится с другими кружками.

Сближение писателя с народническим движением шло и по другому руслу. Проследить это помогают «Агентурные донесения о наблюдении за политическими настроениями студентов Петербургской медико-хирургической академии». Сохранились они в архиве III отделения. В толстой пачке филерских записок затерялся листок, написанный четким почерком и подписанный литерой «Ж». Датировано донесение 30 октября 1872 года. Из него мы узнаем вещи весьма интересные. Вот этот документ.

«Студент МХА Андрей Григорьевич Остроумов проживает на Петербургской стороне по Б. Дворянской улице в доме № 16, у кухмистра Кузьмина, в кв. 6, где занимает для себя комнату, там же столуется. В той же квартире живут товарищи его, медицинские студенты: 1. Казимир Дрезженевич, 2. Владислав Годлевский, 3. Дмитрий Наркисов Мамин»²⁶.

Мы узнали не только с кем встречался будущий писатель в Петербурге, но и с кем он жил. Первым назван Андрей Остроумов, который, собственно, и привлек внимание жандармов. Кто же он? Как выясняется, Андрей Остроумов тоже бывший пермский семинарист. Вышел он из семинарии в 1871 году и был теперь студентом второго курса. Оппозиционный характер семинариста Остроумова был отмечен Маминым в черновых набросках повести из семинарского быта, задуманной им, очевидно, еще в Перми²⁷. Писатель перечисляет действующих лиц, группируя их, и на полях записывает прототипы героев — это все фамилии семинаристов разных классов, учившихся в семинарии одновременно с Д. Н. Маминым. В группу «свободных россиян» он заносит фамилию семинариста Медиокритского и, расшифровывая, какой реальный характер стоит за предполагаемым литературным образом, на полях приписывает: Остроумов.

Андрей Остроумов учился в семинарии именно в эти годы. Интересно, что в качестве прототипа другого персо-

²⁶ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 1336, л. 50.

²⁷ ЦГАЛИ, ф. 316, оп. 1, ед. хр. 51, л. 23.

нажа — Епинета Мухина — из тех же «свободных россиян» указан Смородинцев, сыгравший большую роль в жизни П. П. Бажова.

«Свободный россиянин» Андрей Остроумов и в Петербурге, как видно, остался «свободным», вызывая естественную заинтересованность жандармов. Интерес этот, по видимому, имел основания. Когда студенты в следующем году двинулись «в народ», вместе с другими выбыл из академии и Остроумов.

Как можно видеть, сразу же после приезда в столицу Мамин-Сибиряк встретился с людьми, стоящими близко к движению народников 70-х годов. Он не прошел мимо увлечений своих семинарских приятелей. Гул революционного прибоя был им услышан. Занятия наукой и возможности, которые здесь открывались, мечты о литературном труде не заслонили от него живых веяний общественной жизни.

4.

Молодой студент испытывал желание поделиться своими первыми столичными впечатлениями. Девятнадцатого сентября 1872 года Мамин написал письмо родителям²⁸, поверив им мысли, возбужденные новыми встречами, новыми веяниями, открывшимися горизонтами. Но письмо не было отослано. Может быть, автор письма почувствовал опасность доверить почте рассуждения о современном политическом движении. Возможно, он опасался быть неправильно понятым в семье, несмотря на демократизм родителей. Так или иначе, но, закончив изливание волнующих его мыслей и чувств, он внизу дописывает: «Предположил это письмо не посылать, а написать и послать другое. Так и сделаю». Так он и поступил. Другое письмо было написано, но в нем он не стал касаться общественной жизни столицы. В этом, другом, письме он передает впечатления от Петербурга — города науки, взвешивает возможности, какие дает столица для приобретения специальности.

Черновик неотосланного письма, очевидно, все же казался Мамину важным, содержащим существенные мысли, вызванные сближением с общественным движением 70-х годов. Писатель сохранил его и берег целые десятилетия.

²⁸ ЦГАЛИ, ф. 316, оп. 1, ед. хр. 117, лл. 8—9.

Не только в словах, но и в интонациях, подчеркивая отдельные слова и выражения, Д. Н. Мамин в письме пытается передать высокое чувство Родины и понимание столь же высоких задач человека, переполнявшее сердце и ум юного «семидесятника».

«Петербург — середина земли русской», — с этого несколько парадоксального тезиса начинается неотправленное письмо молодой уралец. Впрочем, следующие слова разъясняют, как это понимать: «Из Петербурга можно далеко видеть вперед... Здесь можно узнать свою Родину больше, чем в других местах». Вот как! Пройдет год, и петербургская молодежь отправится узнавать свою народную Россию, познавать Родину на Волгу, на Украину, в села и деревни. А пока Д. Мамин передаст общее настроение кружков «самообразования», формирующихся среди студенчества. Эти кружки вырабатывали общие воззрения, в свете которых можно было бы понять нужды страны. Они с жадностью искали правильную революционную теорию. Узнать свою Родину — означало понять, как она развивается, что в ней хорошо и что плохо, а понять можно было только осознав общие законы ее развития. Потому-то «здесь можно узнать Родину больше, чем в других местах».

Народничество 70-х годов стремилось установить преемственность в развитии революционной теории. Оно опиралось не только на традиции русской революционной мысли, но и на революционные идеи, идущие с Запада. И об этом пишет Мамин. Он говорит в письме: «Здесь, папа, точка соприкосновения с Западом Европы, здесь ты не только читаешь, но слышишь, чувствуешь то, чем веет с этого Запада. Мы не только имеем возможность получать из первых рук те идеи и мысли, которые пропущены нашим правительством, но и те, которые не пропущены им (подчеркнуто Маминым. — И. Д.). А это много значит при нашем теперешнем положении».

Студент-уралец чувствует себя частью целого коллектива, отсюда и эти многозначительные «мы», «наше положение». Выделяет он в письме значение личного общения и знакомства с революционными теориями, «не пропущенными правительством». Объясняя, чем же привлекает Запад, будущий писатель говорит: «Там жили и живут паши учителя», снова многозначительно подчеркивая последние слова. О каких же учителях говорит Мамин? Как и его современники, он имеет в виду длительную ре-

волюционную традицию и столь же длительное влияние западных социалистических идей.

Живыми были впечатления недавних событий Парижской коммуны. Только что вышел первый том «Капитала» Карла Маркса в переводе на русский язык. Как раз в те дни, когда Мамин подал заявление о приеме его в Медицинскую академию, «Новое время» опубликовало большую статью об этом великом произведении. Все значение гениального труда в России 70-х годов понять еще не могли, но интерес к нему в народнических кружках был велик. Известна была в России и деятельность Первого Интернационала.

Среди революционной социалистической молодежи пользовалось популярностью имя Лассалья. Зачитывались романом Шпильгагена, прототипом героя которого был этот человек. Студент Медико-хирургической академии Сергей Голоушев в письме к матери, сообщая об успехах немецкого рабочего движения, пишет: «В Германии в настоящее время громадное движение в рабочем сословии. Основанный Лассалем общий германский рабочий союз, как наиболее распространенная организация того сословия, и много других обществ одинакового направления считает своих членов сотнями тысяч»²⁹.

Внимание студентов привлекал также роман Швейцера «Эмма». Много спорили об идеях анархиста Прудона. Часть молодежи, увлекавшаяся вопросами социологии, изучала Герберта Спенсера.

К числу учителей, живших на Западе, Мамин мог отнести и Дарвина, и Фогта, и Моллешота, и Ляйеля, и многих других материалистов-естествоиспытателей. Но с этими книгами он познакомился еще на уральских золотых приисках.

Мамин в письме родителям подчеркивает, что он знакомится с мыслями, не пропущенными цензурой. Следовательно, он ведет речь о революционных и социалистических идеях, проникновению которых из-за рубежа действительно всемерно препятствовали власти. Но тем не менее Россия, как указывает В. И. Ленин, во второй половине XIX века обладала «таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет все-

---

²⁹ «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. 1. М., «Наука», 1964, стр. 161.

мирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире»³⁰.

Во второй половине письма развиваются мысли, вокруг которых разворачиваются споры в кружках студентов-семидесятников.

Мамин-Сибиряк говорит о науке и ее месте в обществе. Он против науки для науки. «Как бы ни были велики те знания, которые возможно получить здесь, — читаем в письме, — они все-таки могут остаться мертвым капиталом». По его мнению, необходимо, прежде всего, заняться вопросом, какие знания нужны народу, «насколько эти знания в данную минуту необходимы, насколько применимы они к той жизни, где приходится их применять». Он замечает, что противоречие между научными знаниями и возможностью их применения на благо людей определяется общественными условиями. Вслед за этим идет напоминание об обязанности интеллигенции отдать исторический долг народу. Знать требования жизни — значит знать нужды народа. «Здесь можно узнать, — делится своими соображениями Д. Н. Мамин, — не только общее направление настоящей жизни, но и то, что особенно интересует известный класс общества, что этому классу нужно, какие его потребности, нужды, надежды».

Не под влиянием ли разговоров с рабочими в «коммуне» Серебренникова родились эти мысли? Впрочем, в письме скорее отражается общее настроение студенческой молодежи. А настроение было — изучать нужды народа через освоение революционных теорий, ибо многим из этих людей казалось, что сам народ не в состоянии осознать и тем более сформулировать свои нужды.

Одна из народнических газет «Неделя», выступавшая в защиту понятия, что мужицкие нужды самым лучшим образом понимают сами мужики и что они, а не интеллигенты должны определять, куда идти России, — не встречала сочувствия в среде революционных народников 70-х годов.

Движение «в народ» меньше всего определялось желанием «поучиться у народа». Одни хотели просветить его, сблизившись с ним, открыть ему глаза на возможные пути избавления от бед и зол социального угнетения, другие — поднять его на бунт. Пока же в «кружковой» пери-

---

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 8.

од познание народных нужд связывалось с широкими дискуссиями о его положении, с выработкой общих теоретических основ движения.

5.

В 1872/73 учебном году знакомство с участниками народнических кружков не помешало Д. Н. Мамину успешно закончить занятия и сдать все экзамены. Впрочем, в этом году вся молодежь училась достаточно прилежно, ибо в знании видела ключ к будущей деятельности. Но следующий год складывался уже по-иному.

Началась энергичная подготовка к хождению «в народ», занятия были заброшены. О. Аптекман характеризует события следующим образом: «Движение среди молодежи растет, все повышаясь. Я такого движения среди молодежи не припомню в другое время. Новые кружки вырастают в большом числе. Параллельно с этим возникают и развиваются сходки»³¹.

К сожалению, письма Д. Н. Мамина за эти годы не сохранились. Среди нескольких тысяч писем есть и более ранние, и более поздние, отсутствует лишь переписка за 1873 и 1874 годы. Скорее всего, письма этих лет не дошли до нас не случайно, а были уничтожены либо в 70-е годы отцом, либо в эпоху реакции 80-х годов самим писателем. Надо думать, что в письмах 1873—1874 годов, при всей осторожности Мамина, были какие-то мысли, обнаружение которых «властями предержажими» могло принести неприятности. Сохранилось несколько ответных писем Н. М. Мамина, но и они относятся к концу 1874 года, когда в переписке стала господствовать тема литературного труда. Правда, и в этих письмах есть косвенные указания на то, что будущий писатель все же держал отца в курсе новостей общественной жизни. Продолжая неизвестный нам разговор, Н. М. Мамин пишет сыну в самом начале 1875 года: «Не думай, наш милый, что мы живем только одними животными инстинктами... мы такие же члены своего маленького общества, сочувствуем всем его нуждам, разделяем его радости и горе, мы не отделяем себя от людей образованных, мы готовы бы идти вместе с ними,

---

³¹ О. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х годов по личным воспоминаниям, стр. 65.

готовы следить за всеми движениями и проявлениями прогресса»³².

Вероятно, если бы тема сочувствия к передовому движению времени в письмах писателя не звучала, приведенная выше тирада не могла иметь места. Об этом же свидетельствуют и другие замечания Н. М. Мамина. В письме 12 июня 1874 года Наркис Матвеевич жалеет, что не увидит сына летом, так как тот не приедет на каникулы. Ему же хотелось с ним «поспорить». Очевидно, некоторые воззрения молодого Мамина пошли вперед от достаточно неясного реализма, гуманного сочувствия народу и веры в науку, в просвещение, в торжество справедливости, т. е. от тех общих принципов, которые были близки старшим Маминим. В письме сыну, долго молчавшему осенью 1876 года, Наркис Матвеевич сетует: «А ты тут думай: жив ли он, не в крепости ли, не в Сибири ли, не на каторге ли...»

Зная по печати о политических процессах, он не исключает возможности какого-либо участия сына в движении, а это снова ведет к мысли о том, что будущий писатель не был далек от передовых студенческих кругов.

Обстоятельства идейной жизни писателя в 1873/74 учебном году приходится восстанавливать только по косвенным данным. Связи Д. Н. Мамина с народническими кружками в это время не прекратились. В 1873 году в Петербург приехала участница екатеринбургской народнической группы Е. Солонинина. Она поступила на женские курсы при Медико-хирургической академии. В дальнейшем она стала одним из выдающихся врачей на Урале. В воспоминаниях о ней Н. Васильева и Н. Белозерской говорится, что Е. П. Солонинина в столице «со всей пылкостью даровитой натуры окунулась в водоворот идейной жизни тогдашней... молодежи». Н. Васильев пишет об ее участии в кружках, где часто произносилась фраза: «Чем хуже, тем лучше», т. е. в тех народнических группах, которые возлагали надежду на народное восстание, пронескающее из самой тяжести положения крестьянства, обманутого и разоренного реформой 1861 года. Е. П. Солонинина была, как пишет Н. Васильев, «одним из талантливых ораторов на студенческих сходках»³³. Естественно,

³² ЦГАЛИ, ф. 316, оп. 1, ед. хр. 91. Письмо от 2 января 1875 г.

³³ «Памяти врача Е. П. Серебренниковой». Сборник. Пермь, 1897, стр. 4.

что она познакомилась с Н. Серебренниковым через своих екатеринбургских знакомых, живших с ним в одной коммуне, а через него и с Д. Н. Маминым. О знакомстве Е. П. Солониной-Серебренниковой с будущим писателем говорит в своих мемуарах «Из жизни людей семидесятих годов» известный деятель народнического движения 70-х годов тагильчанин Н. И. Сергеев³⁴.

Академия была захвачена общим порывом, и в этих условиях шло стремительное вызревание людей, примкнувших к движению. Как быстро формировались взгляды молодежи в 1873/74 году, видно по переписке Сергея Голоушева с матерью. Эта переписка С. Голоушева представляет тем больший интерес, что он входил в так называемый «кружок артиллеристов», тесное знакомство с которым обнаруживается в раннем романе Д. Н. Мамина.

В переписке студента-медика отчетливо различаются ступеньки, по которым восходила мысль народников-практиков в 1873/74 году.

В октябре 1973 года Сергей Голоушев еще ведет беседы с матерью о предметах, непосредственно не связанных с политикой. Но уже здесь он говорит о том, что пропаганда словом, даже голос сатирика Щедрина, — это «голоса, вопиющие в пустыне»³⁵.

В ноябре в письме появляется тема отношения интеллигенции и народа: «Надо стать ближе к народу, — пишет Голоушев. — В нем лишь самом надо искать сил и возможностей освобождения, как из-под гнета внешнего, правительственного, так и из-под гнета неразвитости»³⁶. Пока еще вопрос о путях и средствах освобождения ему не ясен. Но уже 29 декабря он советует матери прочитать книгу Вермореля «Деятели революции 1848 года», чтобы взглянуть на революцию «без предубеждения»³⁷. Появляется идея революционного насилия как неизбежного орудия социальных перемен. Однако об этом говорится пока в плане историческом и теоретическом. В январе же четко формулируется антагонистический характер отношений

---

³⁴ Рукописное отделение Пушкинского дома, ф. 266, оп. 2, № 497, л. 20.

³⁵ ЦГАОР, ф. 112, оп. 2, ед. хр. 726, л. 30.

³⁶ «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. 1, стр. 161.

³⁷ ЦГАОР, ф. 112, оп. 2, ед. хр. 726, л. 54.

современного самодержавного государства и народа. «Государство,— пишет Сергей Голоушев,— при настоящих условиях... это целая система, построенная привилегированными классами для эксплуатации так называемого народа, которого никогда и никто не подразумевал, называя государство»³⁸. Характерно, что в его тетради рядом с выписками из Вермореля появляется конспект первых глав «Капитала» К. Маркса³⁹. Через одиннадцать дней Голоушев уже смело раскрывает перспективы кровавой революции угнетенных. В письме от 26 января мы читаем: «... можно ли ждать рабочим массам откуда бы то ни было улучшения своего положения? Нет у них надежды ни на кого, кроме самих себя. Они принуждены будут выдержать страшную борьбу, быть может, прольются реки крови, но они победят рано или поздно в этой борьбе, потому что все-таки сила на их стороне»⁴⁰.

Третьего февраля он приходит к выводу, который его обязывает ко многому: «Всякий человек, не обративший свою деятельность, не отдавший ее совершенно на служение народу, является непременно паразитом и вором»⁴¹. Иного решения, кроме немедленного движения «в народ», после этого быть уже не могло. С. Голоушев так и сделал. Он бросил академию, уехал вначале в Уфимскую, а потом в Вятскую губернию. В августе 1874 года он был арестован, отсидел в тюрьме пять лет, был судим по «процессу 193-х», затем снова участвовал в революционном движении, эмигрировал.

Из писем Голоушева хорошо видна эволюция идей, волновавших очень многих студентов Медико-хирургической академии.

Без влияния горячих сходов, обсуждения вопросов в кружках, среди товарищей, без общения с бурно жившим тогда студенческим коллективом ни Голоушев, ни даже более последовательные революционеры-организаторы не смогли бы пройти в такое короткое время весь путь формирования революционно-народнической мысли. Д. Н. Мамин был подхвачен общей волной возбуждения. Об этом

---

³⁸ «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. 1, стр. 163.

³⁹ ЦГАОР, ф. 112, оп. 2, ед. хр. 546, л. 3.

⁴⁰ «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. 1, стр. 165.

⁴¹ Там же.

можно судить по тому, что он разделил судьбу большей части студентов-медиков. Весной 1874 года многие студенты академии «ушли в народ». Выбыло 193 человека. Но даже среди тех, кто остался в академии, многие настолько были увлечены идейным движением, что забросили занятия и остались на второй год. Из однокурсников Мамина на второй год осталось 100 человек. Из 74 ветеринаров, принятых на I курс в 1872 году, 27 человек покинуло академию, а 24 осталось на повторное обучение на том же, т. е. втором курсе. Среди этих последних был и молодой уралец.

Родители аккуратно высылали ему деньги, обеспечивающие студенческое существование. Способности его были хорошими, умение учиться выработано еще в семинарии. Специфика занятий в академии не помешала ему сдать на первом курсе все экзамены и зачеты. А в 1874 году он, наоборот, не сдал ни одного экзамена и рассчитался с академическими долгами только к весне 1875 года. Пренебрежение учебными занятиями, очевидно, было вызвано общественными увлечениями, владевшими почти всей студенческой молодежью, кроме «аристократов, зубривших науку» в предвидении карьеры.

Об общественных увлечениях свидетельствует и официальное отнесение Д. Н. Мамина к числу «неблагонадежных». Летом 1874 года, когда он жил в Парголово вместе с товарищем по семинарии и академии П. П. Псаломщиковым, он был подчинен негласному полицейскому надзору «за пение возмутительных песен»⁴².

Отношение к революционерам 70-х годов со стороны Д. Н. Мамина отчетливо выразилось в письме к отцу, написанном в сентябре 1875 года. Получено оно было в Висиме 28 сентября. В августовском письме Н. М. Мамин постарался вызвать сына на разговор об отношении его к судебному процессу по делу В. М. Дьякова и А. И. Сирякова. По этому делу также привлекались студенты Медико-хирургической академии В. Н. Вячеславов и В. П. Ельцов. Группа В. М. Дьякова, студента Петербургского университета, вела пропаганду социалистических идей на заводе Чешера и среди солдат одного из полков. На суде Дьяков и Сиряков отказались от защиты и

---

⁴² А. Шилов и М. Карнаухова. Деятели революционного движения, т. II, вып. 3. М., 1931, стр. 875.

смело заявили о своих социально-революционных убеждениях.

Будущий писатель комментирует процесс следующим образом: «В предыдущем письме, папа, вы много распространялись насчет дела Сирякова и Дьякова, забывая две вещи: 1. что можно даже своими ошибками принести великую пользу, 2. что лежачего не бьют»⁴³. Примечательна высокая оценка даже неудавшегося революционного дела. Ни цели революционеров, ни суть воззрений этих людей не встретили осуждения Д. Мамина, хотя после окончания процесса и вынесения приговора (они были приговорены к тюремному заключению) Мамин с горечью замечал, что молодые социалисты были «мечтателями», «непрактичными людьми», что страдают они за свою «ребяческую, наивную, даже глупую неосмотрительность»⁴⁴. Д. Мамин, как можно судить, способен высоко оценить активную работу по подготовке социальной революции в стране, когда даже ошибки выступивших могут принести пользу. Но он видит крупные недостатки в самой пропагандистской и организаторской работе. Указание на непрактичность в реализации революционной идеи и на неосмотрительность, которая действительно видна в деле этих юношей, не могут опорочить содержания их подвига, его значения.

В раннем романе, создававшемся в годы студенческой жизни писателя, один из героев называет революционеров «мечтателями», повторяя, таким образом, слова Мамина в его письме к отцу. В ответ на это девушка тургеневского типа, которой автор явно любит, горячо говорит, что она ставит этих людей «на высокий пьедестал», ей кажется, что она недостойна их.

В свете этих реплик положительной героини понятие «мечтатели» наполняется не столько отрицательным, сколько положительным содержанием.

Мамин был в курсе передового общественного движения, хотя и не принимал в нем непосредственного участия, не был членом какой-либо организации.

Он выбрал путь писательства, для него это было такой же формой служения народу, как и прямое участие в движении. Он, очевидно, несколько скептически относился к

---

⁴³ Рукописное отделение Библиотеки им. В. И. Ленина, ф. МС, 1/5.

⁴⁴ Там же.

конкретным теориям народнического революционного действия. Считать вслед за бакунистами народ готовым к революции он не мог. Тагильская стачка 1874 года, о которой будущий писатель мог знать только по слухам, совсем не походила на бунт в анархическом духе. Мамин, по всей вероятности, не отрицал лавровской идеи о долге интеллигенции, но практика Урала, где интеллигенция не играла той роли, которая позволяла бы питать иллюзии о ее надклассовой функции, также по-иному ставила вопрос об историческом долге народу. По этим же обстоятельствам он не мог увидеть в интеллигенции силу, которая может совершить революцию для народа. Хождение в народ его не привлекло, участие в кружках заговорщического типа было неприемлемым. Впитывая воздух времени, Мамин формировался вместе со своими революционно настроенными товарищами-одноклассниками, но служить обществу он хотел иначе.

6.

Соприкосновение Д. Н. Мамина-Сибиряка с народничеством 70-х годов и его идеями отразилось — и притом очень полно — в большом романе, который он писал в студенческие годы. Это роман «Семья Бахаревых» — один из ранних вариантов широко известного романа «Приваловские миллионы», сохранившийся в рукописи, датированной 1878 годом⁴⁵. Начало работы над ним Мамин относит к 1873 году. В «Автобиографической записке», говоря о времени пребывания в Петербурге, писатель сообщает о репортерской работе, о публикации рассказов и повестей в мелких журналах, о своих неудачных попытках проникнуть на страницы передовых органов печати и заключает: «Такие неудачи, однако, не мешали начинающему автору высиживать большой роман «Приваловские миллионы», который с небольшими перерывами писался около десяти лет»⁴⁶. В автобиографическом романе «Черты из жизни Цепко», к которому Мамин-Сибиряк сам отсылал интересующихся его жизнью в Петербурге 70-х годов, писатель

---

⁴⁵ ГАСО, ф. 136, оп. 1. ед. хр. 3.

⁴⁶ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч. в 10 тт., т. 10, стр. 196.

не раз говорит о работе своего героя, двойника автора, над большим идейным романом.

После возвращения на Урал в 1877 году Мамин продолжал шлифовать студенческие черновики «Семьи Бахаревых» и в апреле 1878 года послал рукопись на суд одного из толстых журналов. Роман не был принят. Работа над ним продолжалась, но произведение получило новое название — «Каменный пояс». Этапы работы над романом выяснены в книге Е. А. Боголюбова «Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка». Ученый приводит многие страницы из ранней редакции романа. Но общий тезис о том, что Д. Н. Мамин-Сибиряк был далек от народнического движения, не позволил автору содержательной работы о творческой истории одного из значительных романов Мамина-Сибиряка увидеть связь идейной проблематики этой вещи с идейным движением эпохи. Точнее, мысли, содержащиеся в «Семье Бахаревых», связывались им с проблематикой «Приваловских миллионов», романа, сформировавшегося уже в другой идейной атмосфере, в другую пору, после разгрома «Народной воли». Е. А. Боголюбов, рассматривая «Семью Бахаревых» лишь в отношении к более позднему роману, включившему ряд действующих лиц студенческого романа, не обратил внимания и на то, что рукопись в 1877—1878 годах не создавалась заново. В дело шли черновики и заготовки студенческих лет, о чем свидетельствует, между прочим, механический монтаж отдельных листов, при котором в местах стыков получились явные пропуски. Роман не переписывался целиком, а редактировался, и, следовательно, в нем зафиксированы искания студенческой поры. Как правильно пишет Е. А. Боголюбов, уральский колорит в нем выражен слабо. Но ведь это правильное наблюдение — еще одно из доказательств, что роман написан был в целом не на родине, а в Петербурге.

В рукописи «Семья Бахаревых» и следует искать, что же из народнической мысли было воспринято Д. Н. Мамин-Сибиряком, как относился он к движению в целом, к каким выводам приходил.

«Семья Бахаревых» — роман об идейных исканиях интеллигенции и ее попытках практической работы на благо народа. В нем рельефно выступает характер неустоявшейся, ищущей, противоречивой мысли народника. В этом одном из первых произведений Мамина сосуществуют воззрения современников, еще не вылившиеся в систему. Это

объясняется не только литературной неопытностью писателя, но и отсутствием у него самой четкой позиции, которая соответствовала бы какой-либо из идейных систем, характерных для народничества 70-х годов. Впрочем, недостаток этот был присущ многим современникам Мамина. Н. В. Шелгунов, один из идейных руководителей «Дела», в 1873 году писал, что у современного интеллигента «нет и не может быть цельного, неразорванного характера», ибо «душа его похожа на беспорядочный склад самых разнообразных противоположностей».

Как ни парадоксально, но время безусловного господства представлений о силе разумной, критически мыслящей личности было вместе с тем временем наибольшего распространения эклектики, «разорванности» мысли. Смещение понятий, стремление примирить непримиримые положения и вместе с тем известный максимализм требований характеризовали не только идейные поиски в среде практиков движения, но, по словам Ф. Энгельса, и самую теоретическую мысль народничества.

Почвой такого «причудливого сочетания идей» было необычайно большое разнообразие форм социальной жизни России, не освободившейся еще от пережитков крепостничества и в то же время идущей по пути развития капитализма, делающей в этом направлении большие шаги. Поэтому не приходится удивляться, что в романе Мамина даже в воззрениях одного героя можно встретить пеструю путаницу мыслей. И все же эти мысли характерны для ищущей среды народников, отражают истинный ход идейного развития молодежи 70-х годов.

Мы уже говорили об отношении Мамина-Сибиряка к революционному подвигу студентов Сирякова и Дьякова. Высокая оценка революционно-героической личности, героической хотя бы в потенции, находит самое яркое выражение в романе «Семья Бахаревых». В образе Вадима Николаевича Батманова интересно сочетание романтизирующего эмоционального начала и почти натуралистической реальности, ведущей к прототипу.

Батманов — сильный характер, из категории инициаторов и вожаков рахметовского типа. Мамин относился к нему с нескрываемой симпатией. Это «хороший, честный человек, но он не во время родился», а потому томится в бездействии. Писатель, заканчивая роман после неудачи хождения в народ и накануне новой революционной ситу-

ации 1879 года, не видит реальных возможностей непосредственного революционного действия.

Батманов живет на золотом прииске на Урале, но пребывание его здесь не связано с поисками «революционной почвы», с желанием сблизиться с народом. Его возможности раскрываются в романтизирующих авторских определениях. «Это был огонь, но какой смелый, сильный, благородный огонь», — говорит о нем писатель. Люди, подобные Батманову, «приходят в мир по какому-то исключительному капризу природы, благодаря которому общее течение человеческой истории иногда превращается в бурный поток, ниспровергающий все на своем пути. Это люди несокрушимой железной энергии, герои величайших исторических событий, идеальные проповедники грандиозных нравственных систем». «Величайшими историческими событиями» в народнических кружках называли революции, «грандиозные нравственные системы» — это системы воззрений, которые формулировали социалистические идеалы. Именно так рассматривал свою задачу В. Берви-Флеровский, создавая «Азбуку социальных наук». Общественное устройство казалось функцией той или иной нравственной концепции, а не наоборот.

Отдаленными прототипами революционера и социалиста Батманова можно считать участников хорошо знакомого Мамину по академии «кружка артиллеристов», где сошлись слушатели Медико-хирургической академии и Михайловского артиллерийского училища. Один из героев романа, уважительно относящийся к Батманову, доктор Толмачев, вспоминает, что он познакомился с Батмановым «тогда еще молоденьким, но уже серьезным артиллерийским офицером, участвовавшим в общественной жизни того студенческого кружка», к которому принадлежал в то время и он.

«Кружок артиллеристов», по данным следствия, в связи с «процессом 193-х», возник в 1873 году. Воспитанники артиллерийского училища Антонов, Теплов, Усачев и Нефедов еще в 1872 году начали посещать квартиру отставного поручика Е. Е. Емельянова, где встречались с С. Кравчинским и Л. Шишко, ранее окончившими то же самое Михайловское училище. В феврале — марте 1873 года они вышли из училища и поступили в Медико-хирургическую академию, где учились вместе с приехавшими из Оренбурга Голоушевым, Аронсоном и Щиголевым.

Батманов у Мамина не повторяет биографии кого-либо из известных участников кружка, но представляет собирательный образ. В романе он — артиллерийский офицер в отставке, уже участвовавший в военной кампании. Но сейчас он мечтает об иной войне — народной войне за свободу: «Вот встает тихий синий Дон, за ним поднялось и забушевало Поволжье, дальше встрепенулось орлиное казацкое гнездо на Днестре, и полетели орлята во все стороны, поднимая и далекий Яик, еще более далекие Соловки, и старый Волхов, и привольную богатую Кубань, и угрюмую глубокую Каму».

Как можно заметить, в самом перечислении этих «гнезд» ожидаемого народного возмущения отражается характерное для Бакунина и многих, находящихся под влиянием его идей, упование на то, что массовые стихийные восстания могут вспыхнуть именно в тех местах, где они возникали некогда на протяжении всей истории. Так, В. Дебагорий-Мокриевич, один из активнейших участников «хождения в народ», писал: «По нашему убеждению, на Волге, Доне и Днестре сохранилось в народе более революционных традиций, чем в Средней России, так как самые крупные народные движения происходили на окраинах: пугачевщина была на Волге, бунт Стеньки Разина — на Дону, гайдаматчина — на Днестре. Мы полагали, что где один раз происходило революционное движение, там оно легче могло возникнуть во второй раз»⁴⁷.

Выражены мечты Батманова в такой поэтической форме, которая свидетельствует о несомненной авторской симпатии к этому типу революционера.

Однако тот же Батманов в спорах с другими героями романа высказывает некоторые критические соображения о возможности революции. Прежде всего, он при всех своих революционных мечтах полагает, что «если на что-нибудь и можно надеяться, то это исключительно на какой-нибудь сильнейший толчок извне». Далее говорится, что он опасается революции, так как в условиях России она может быть революцией буржуазной, направленной на удовлетворение интересов дельцов. Здесь Мамин сумел схватить существенную черту взглядов народников 70-х годов, боявшихся, что революция может оказаться не соци-

---

⁴⁷ В. К. Дебагорий-Мокриевич. Воспоминания, СПб, 1906, стр. 28.

алистической, а буржуазной, как оно неизбежно и было бы в тех условиях.

Критически относится писатель к чрезмерной поглощенности Батманова общей идеей, при которой живая жизнь, люди, их судьбы, психология — все это представляется ему лишь малоинтересными деталями, частностями, не имеющими большого значения.

Девушка тургеневского типа говорит в романе Батманову: «Ты слишком горяч, ты слишком много живешь в области своих идей и планов, ты слишком энергичен, а потому почти совершенно не обращаешь внимания на жизнь и совершенно не замечаешь людей».

Протест писателя в «Семье Бахаревых» вызывает и теория «вызревания» сил, опирающаяся на понятие социального детерминизма концепция борьбы с основой народных бед и несчастий, а не с самими бедами и несчастьями. В теориях, излагаемых в романе Любавиным, слышны отзвуки представлений, которые сложились в студенческой среде о позициях кружка Гинзбурга, кружка «лавристов».

Любавин для раскрытия своей мысли прибегает к аналогии: «В лазарете вас поразит масса страданий. Броситься ли помогать им, или идти к здоровым людям, чтобы предупредить неизмеримо большее количество страданий. Последнее, говорит нам рассудок, часто безжалостный в своих выводах и заключениях, и я со своей стороны предпочитаю повиноваться ему, потому что моя помощь отдельным больным не искупит общего зла и бесследно пропадет в общей массе зла, все равно, если бы я принес умирающему от жажды несколько капель воды».

Ему возражает героиня, которая близка автору: «С только что высказанными вами истинами нельзя не согласиться, но у этих высоких истин только один недостаток, именно, под их прикрытием свободно может проходить всякая подлость, всякая несправедливость, потому что в силу этих истин можно целую жизнь ровно ничего не делать, утешая себя тем, что в мире все идет последовательно к лучшему...» Личная воля, труд, который помогает движению вперед, признаются писателем важными факторами исторического развития в период между революционными ситуациями. Хотя рядом встречаются очень знакомые по высказываниям участников народнических кружков положения о бесплодности всех паллиативных мер. Доктор Толмачев в романе говорит: «Бедность, бедность

непроходимая, а ты ему капельки должен выписывать, когда ему нужно прописать света, воздуха, тепла, хлеба». Сравним эти слова литературного персонажа с подлинными словами С. Голоушева, члена «кружка артиллеристов», который в одном из уже упоминавшихся писем к матери писал, что «все болезни, порождаемые безобразиями этих условий (условий, в которых живет трудящийся народ.— И. Д.), останутся в общем неизлечимыми, сколько бы сил ни потратили самые честные доктора»⁴⁸. Д. Аитов, член того же кружка, на допросе по «процессу 193-х» также говорил, что деятельность медика не может уничтожить бедствия народа⁴⁹.

В письме к родным 26 июня 1875 года молодой писатель говорит о месте техника, врача, ветеринара в обществе, о сравнительной ценности их труда. По поводу врачебной деятельности он высказывает взгляды, чрезвычайно близкие тем, которые мы встречали у С. Голоушева и Д. Аитова. Он пишет: «Деятельность врача сводится именно к помощи всему человечеству, но здесь один недостаток: врач лечит больных, он учит людей, как предупредить их (т. е. болезни и т. д.) и пр. пр., но все это здание возводится на песке и постоянно разрушается малейшим дуновением, поелику советами и рецептами общественных язв никто еще не вылечил. Я здесь под общественными язвами разумею, главным образом, с одной стороны, круглое невежество, а с другой — бедность. Врач еще может быть полезен своими советами зажиточным людям, которые могут обойтись и без него; тем же людям, которые особенно нуждаются в помощи врача, т. е. бедным, — врач помочь не в силах и очень понятно почему: врач должен прописывать на своих рецептах денег, хлеба, одежды, воздуха, отдыха и пр. пр.»⁵⁰.

Вопрос о роковом заколдованном круге, в котором вращается жизнь труженика, ставится Маминым и в романе.

Значительное место в спорах, ведущихся в «Семье Бахаревых», занимает вопрос о путях развития страны и о кулачестве. Писатель сознает, что кулачество — неизбеж-

---

⁴⁸ Революционное народничество 70-х годов XIX века, т. 1, стр. 167.

⁴⁹ В. Базанов. А. Ливанов и его трактат «Что делать?». — «Русская литература», № 3, 1963, стр. 116.

⁵⁰ Рукописное отделение Библиотеки им. В. И. Ленина, ф. МС 1/5.

ное следствие развития буржуазных, эгоистических начал в жизни современной ему деревни: «... чуть начал богатеть (мужик. — И. Д.), глядишь, из него первейший кулак и делается. Да еще какой кулак-то. Все село по миру пустит, и чем больше богатеет, тем больше в нем эта жадность растет...» — говорит в романе доктор Толмачев. Его наблюдения поддержаны и Приваловым. Герой хочет «сесть» на землю, но невольно задумывается над тем, «что ожидает его в будущем», а ожидает его, как он полагает, сопротивление «организованного сонма сыromятных дельцов, почище архипрославленных дельцов столичных». Борьба с бедностью и неразвитостью — задача интеллигенции, но возникает дилемма: «Мужик беден — он и хорош», а как только он начинает богатеть, так становится кулаком. Идеи общинного социализма под влиянием фактов буржуазного развития деревни у Мамина, как видно, подвергаются критике.

В романе нашли отражение взгляды революционной демократии 60-х годов, которые лежали в основе многих идейных построений народнической молодежи — семидесятников. В некоторых взглядах Батманова, вызывающих положительную авторскую оценку, можно заметить почти прямое повторение взглядов Чернышевского на реформу 1861 года. По мнению Батманова, либеральные полумеры, какими являются земства, гласные суды лишь помогают прикрывать истинную антинародную сущность общественного устройства, мешают видеть ее. «Крепостное право, — говорит он, — было гораздо лучше всех этих полумер, потому что зло было прямо злом, без всяких заплат и красивых слов».

Вряд ли Мамин был знаком тогда с «Прологом пролога». Роман вышел за границей в издании «Вперед» только в конце мая 1877 года, когда писатель уже выехал на Урал. Текст «Пролога пролога» через Муравского, снявшего копию в 1870 году, и через Г. Успенского и Г. Лопатина был передан П. Л. Лаврову за границу еще в 1874 году. Слова Чернышевского, вложенные в уста Батманова, могли попасть в роман только потому, что Мамин слышал столь трезвое и верное определение реформ в каком-либо из тех народнических кружков, к которым он был близок.

В романе отразилось и стремление молодежи сблизиться с народом, быть ему полезным, и разочарование при ближайших встречах с ним, ибо реальный народ — Иваны,

Петры, Дарьи — оказывались куда сложнее и противоречивей, чем народ в идеальном смысле слова. Доктор Толмачев, подводя некоторые итоги, говорит в «Семье Бахарева» об этой оторванности интеллигенции от масс: «Нет, бедный наш народ — несчастный народ, и мы его не знаем, и он совершенно справедливо не признает нас».

Мамин-Сибиряк видит основу этого непонимания и в буржуазном развитии деревни, и в искусственности, «мертворожденности» стремления интеллигенции «опуститься» до «меньшего брата». Практическая жизнь рядом с народом, какую ведет Вера Бахарева, без иллюзий, без преклонения — жизнь, в которой уделяется внимание конкретным нуждам мужиков, баб и детей, — программа ряда действующих лиц романа.

Как правильно говорил в свое время А. М. Горький, Мамин-Сибиряк не может быть уложен в прокрустово ложе народничества. Однако это не должно мешать видеть реальные взаимоотношения писателя с революционными народниками 70-х годов и с народническими группами более позднего времени.

Глубокое уважение к «идеалистам» — семидесятникам, к революционно настроенным разночинцам отразится позже в ряде произведений зрелого Мамина: в «Сестрах», «В худых душах», неопубликованном рассказе «Догорели огни» и других. Неуклонное капиталистическое развитие деревни, не оставляющее надежд на общинное ее переустройство, также будет волновать Мамина-Сибиряка в рассказе «Все мы хлеб едим» и в романе «Приваловские миллионы». Его полемика с народниками 80-х годов была подготовлена хорошим знанием тех вопросов, тех социальных проблем, которые волновали передовое движение в 70-е годы. Именно под воздействием этого движения складывалось мировоззрение писателя. Влияние уральской действительности с ее противоречиями и остротой рабочего вопроса определяло критическое отношение писателя ко многим сторонам народничества, его трезвый взгляд на многие проблемы, с которыми он столкнулся в Петербурге.

Мамин-Сибиряк стал писателем «социально зорким». Эта зоркость сделала все его творчество подлинно демократическим, позволила ему создать правдивые произведения, в которых столь рельефно выступила жизнь большого промышленного края страны и его людей.

В «ОБЩЕСТВЕ РЕПОРТЕРОВ»

Весной 1874 года Д. Мамин впервые решается высказывать в письмах к родным заветную мысль о литературном труде. Его письма до нас не дошли, но, судя по ответу Наркиса Матвеевича, Дмитрий Наркисович пока еще стесняется заговорить о призвании полным голосом и выдвигает в пользу литературных занятий, как ему кажется, наиболее убедительные для родителей аргументы: писательский труд может обеспечить материально. Отец не отвергает самой перспективы, но говорит о ненадежности литературной деятельности в качестве источника существования. Он пишет о необходимости серьезной подготовки, длительного труда, для того чтобы человек мог вступить на путь писательства. «Без этих же необходимых условий лучше не совать суконного рыла в калашный ряд, если не хочешь отдать себя людям на посмеяние и поругание», — заключает он письмо¹.

Летом 1874 года в связи с литературными планами и замыслом перейти на медицинское отделение академии, что требовало подготовки к экзаменам, Мамин впервые не поехал на каникулы домой. Вместе с приятелем по Пермской семинарии, тоже студентом-медиком, П. П. Псаломщиковым он поселился на даче в Парголово.

Осенние проверочные испытания для перехода на медицинское отделение сдать не удалось. В семье переживают это, но поддерживают «неудачника» и совстуют повторить попытку на будущий год. Очевидно, Мамин весьма успешно убеждал родителей в преимуществах медицинского образования перед ветеринарным, так как Наркис Матвеевич согласен даже на перевод сына в Москву и рассматривает пребывание в академии на «ветеринарии» как временную меру, как подготовительный этап. Он даже не опечален тем, что сын остался на второй год на том же курсе. «Не огорчайся, наш дорогой, — пишет он, — если еще год пропадет»².

Сын же, увлеченный работой над большим романом «из целой серии романов на манер Рюгон-Макаров Золя»³, не очень переживает свои академические неудачи. Перед ним вырисовывается иной путь общественного служения,

¹ ЦГАЛИ, ф. 316, оп. 1, ед. хр. 91. Письмо от 12/VI 1874 г.

² Там же. Письмо от 21/XI 1874 г.

³ Д. П. Мамин-Сибиряк. «Волчий хлеб». — «Развлечение», 1886, № 2.

путь литературный. Но пока ради призрачной, хотя и увлекательной возможности стать писателем он не может покинуть академию. Жить же на скудные средства, посылаемые отцом, очень трудно. Летом этого года в предвидении расходов на обучение младшего сына в гимназии родители уменьшили суммы переводов в Петербург, судя по отношениям в семье, вероятно, с согласия самого Дмитрия Наркисовича. Все это заставляло срочно заняться поисками заработка. Случайная встреча помогла решить материальный вопрос и во многом определила на ближайшее трехлетие жизнь Мамина. Судьба свела его с членами первого в Петербурге объединения газетных репортеров. «Я не подозревал, что в моей жизни это был самый решительный шаг», — писал Мамин в романе «Черты из жизни Пепко»⁴.

В этом автобиографическом романе детально рассказано обо всех событиях, связанных с участием писателя в ежедневной прессе, где он нашел себе заработок. Факты, приведенные там, достоверны, имеют документальный характер⁵.

Открывается роман встречей героя, имеющего многие черты автора, с «литератором из мелкотравчатых» П. П. Селезевым. Этот опустившийся человек сводит его с газетными репортерами, собирающимися в трактире на Симеоновской улице. Мамин-Сибиряк называет участников репортерской «академии»: Фрей, Молодин, Степановский, с ними же бывает книготорговец с Апраксина рынка Спиридон Редькин.

Все эти лица имеют прототипы. Об «академии» репортеров имеются сведения в других, до последнего времени не известных источниках, помогающие достаточно полно раскрыть журналистское окружение писателя в 1874—1877 годах. В этом сообществе Мамин получил постоянный, хотя мизерный и неустойчивый заработок газетного репортера. Что же представляла собой «академия», изображенная в романе «Черты из жизни Пепко» и сыгравшая в судьбе писателя большую роль?

Передовая статья воскресного приложения к газете «Сын отечества» за 20 июня 1876 года называлась интри-

---

⁴ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч. в 8 тт. Т. 7, ГИХЛ, 1955, стр. 35. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы.

⁵ П. В. Бывков. Д. Н. Мамин-Сибиряк. — В кн.: Д. Н. Мамин-Сибиряк, ПСС, изд-во Маркса, 1916, т. 1, стр. VIII.

гующе: «Короли репортеров». Она была направлена против Юлия Осиповича Шрейера и Николая Ивановича Волокитина.

Выпад начинается с напоминания о печальной судьбе бедного литератора И. А. Рождественского, который умер в нищете, подвергаясь хищнической эксплуатации со стороны организаторов репортерской артели. Главари артели, говорится в статье, сами спосятся с редакциями газет, распределяют работу между своими сотрудниками, сами доставляют материалы в большое количество изданий и, получая довольно высокий гонорар, расплачиваются с «литературными илотами» нищенски. По подсчетам «Сына отечества», Шрейер и Волокитин получают до пятидесяти рублей в день. Своим же сотрудникам они «уделяют» всего около 150 рублей в месяц, что составляет 40—50 рублей на каждого. «Литератор из мелкотравчатых» П. П. Селезнев, познакомивший героя романа «Черты из жизни Пенко» с группой репортеров, — это, очевидно, и есть Иван Александрович Рождественский. Соотношение между ними — соотношение типа и прототипа. «Академия» Фрея в романе — в жизни общество репортеров, руководимое Шрейером и Волокитиным. Положение Рождественского совершенно аналогично положению Селезнева в «академии». Он несчастный, спившийся человек, сохраняющий тем не менее высокое представление о задачах писателя, о его просветительской роли. Рождественский, как и Селезнев в романе, умирает ранним летом через год после знакомства с Маминым.

В некрологе, напечатанном в газете «Сын отечества» 2 июня 1876 года, приведена горькая жалоба маленького писателя: «Работы у меня много, но что это за ужасная работа! Я доставляю рефераты для пяти газет, но имею дело не прямо с редакторами, а с посредниками, играющими в печати такую же роль, какую играют скупщики и кулаки в крестьянстве. Скупщики получают 5 и 4 копейки за строку, а платят мне 3—2½». Авторы заметки в «Петербургском листке» (1876, № 105) и в «Сыне отечества» (1876, № 124) рассказывают о незаурядном прошлом этой жертвы социального недуга⁶. И. А. Рождественский перевел весьма популярную в ранних народнических кру-

---

⁶ См. также некрологи: «Неделя», 1876, № 15; «Иллюстрированная газета», 1876, № 25.

гах книгу Вермореля «Деятели революции 1851 года». Он участвовал в «Искре» Курочкина. В 1869 году он выпустил книгу в защиту Н. А. Некрасова — «Литературное падение гг. Антоновича и Жуковского. Дополнение к материалам для характеристики современной русской литературы»⁷.

Слова Селезнева в «Чертах из жизни Пепко» о высоком назначении искусства отражают революционно-демократические традиции, сохранившиеся в душе и воззрениях И. А. Рождественского. Селезнев говорит в романе Попову: «Да, помните, что литература священна... гори правдой, не лукавствуй и не давай камень вместо хлеба... Маленький у тебя талантик, крошечный, а ты еще пуще береги эту искорку, ибо она священна». Рождественский же в своей книге, словно продолжая эту мысль «литератора из мелко-травчатых», пишет: «Если литератор не преследует того, чтобы сеять слова истины везде, при всяком удобном случае, на малой и на большой арене, а пишет лишь для вашего препровождения времени или же для одного гонорара — он является литературно нечестным человеком»⁸. Мамин вкладывает в уста Селезнева также строки из стихотворения Некрасова «Калистрат», подчеркивая связь нового знакомого Попова с кругом «Отечественных записок». Вот этот человек, случайно попавшийся на пути писателя, и свел его с литературной богемой семидесятых годов, живущей «волчьим хлебом».

В «Чертах из жизни Пепко» группа эта рисуется как содружество журналистов, хотя и раздираемое конкурентной борьбой. В жизни же то, что называлось в романе «академией» Фрея, было артелью для более удобной эксплуатации необеспеченных интеллигентов, стремящихся найти «свой хлеб» при помощи газетной работы. Мы уже говорили о статье в «Сыне отечества». Несколько иная оценка «академии» дается в агентурном донесении III отделению «собственной его величества канцелярии»⁹. Неизвестный пишет 19 мая 1875 года: «В Петербурге обра-

---

⁷ О выступлении И. А. Рождественского в защиту Некрасова см.: Литературное наследство, тт. 51—52. Некрасов, т. II, стр. 480—481.

⁸ И. Рождественский. Литературное падение гг. Антоновича и Жуковского. Дополнение к материалам для характеристики современной русской литературы. СПб, 1869, стр. 35.

⁹ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 2166, л. 1.

зовался в недавнее время кружок весьма вредных личностей под названием «Общество репортеров».

Создание «общества» неизвестный агент относит к зиме 1874—1875 годов. «Зимой этого года Волокитинская шайка только возникла», — предполагает он. Это достаточно хорошо согласуется с тем, что говорится в романе, хотя агент III отделения, очевидно, заметил «общество» не в первый момент его организации.

Е. А. Боголюбов, много сделавший для установления фактов писательской биографии, убедительно доказал, что отчет о заседании Энтомологического общества, напечатанный в газете «Русский мир» 15 января 1875 года, соответствует по содержанию и характеру той первой корреспонденции, о которой говорится в «Чертах из жизни Пепко». На этом основании он утверждал, что начало газетной работы Мамина относится к январю 1875 года. Но Мамин в романе точно устанавливает время встречи с «академией» Фрея в сентябре. В записной книжке писателя, хранящейся у Б. Д. Удинцева, среди названий очерков, которые в будущем составили «Черты из жизни Пепко», один называется «4 сентября». Эта дата находит некоторое подтверждение в семейной переписке. В письме отца от 8 ноября говорится: «Приятно знать, что ты можешь заработать себе пропитание своим трудом»¹⁰. Корреспонденция из Петербурга в Висим едет около двух недель, следовательно, отец отвечает на октябрьское сообщение сына.

Что речь идет именно о литературных заработках, подтверждается письмом, ушедшим из Висима в Петербург 21 ноября. В нем Наркис Матвеевич интересуется делами редакции, на которую работает сын. Отвечая на письмо Мамина от 27 ноября, он говорит: «Нам очень приятно за хороший выбор, сделанный тобой в репортерстве»¹¹. Наконец, в автобиографии, написанной от третьего лица, писатель сообщает: «В Петербурге, когда пришлось перейти на «свой хлеб», он три последних года перебивался работой в газетах и мелких журналах»¹². На «свой хлеб» он должен был перейти с осени 1874 года: именно в это время высылка денег из дома была прекращена. За май — август

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 316, оп. 1, ед. хр. 91. Письмо Н. М. Мамина.

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 316, оп. 1, ед. хр. 91. Письмо Н. М. Мамина от 2/1 1875 г.

¹² Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч. в 10 тт., т. 10, стр. 196.

было послано родителями всего 35 рублей, 13 сентября — 10 рублей и 27 октября — 15. Далее до конца года переводов не было, как и в начале 1875 года. Только к экзаменам весной 1875 года ему было выслано 30 рублей¹³.

Очень возможно, что на первых порах молодому репортеру доверяли лишь хронику о заседаниях обществ, сообщения о предстоящих заседаниях, о выходе научных трудов и т. п. С января же он начал давать отчеты, в которых полностью излагались доклады и прения по ним. Естественно, что начало такой вполне самостоятельной работы оставило яркий след и отмечено в эпизоде романа «Черты из жизни Пепко».

Организатором «общества» в донесении агента III отделения назван Николай Иванович Волокитин. О знакомстве Мамина с ним говорится в воспоминаниях Ф. Ф. Фидлера¹⁴. В архиве писателя сохранилось письмо Волокитина, в котором он 25 февраля 1878 года по-приятельски сообщает о состоянии дел с публикацией неизвестных нам рассказов Мамина и приглашает его в Петербург¹⁵.

Жандармский агент пишет, что к «Волокитинской шайке пристало уже несколько медицинских студентов». Что «общество» репортеров и «академия» Фрея — одно и то же, свидетельствует и такой факт: агент говорит, что волокитинская группа «собирается в портерной у Симеониевского моста». В романе «академия» встречается в трактире и портерной у Симеониевского моста.

О Волокитине, как об организаторе газетной богемы, сообщает биограф Мамина-Сибиряка П. В. Быков. Он рисует его человеком невысоких моральных качеств: «Это был своего рода типик. В молодости он писал рассказы в разных газетках, однажды сфабриковал письма Гумбольта, донес на одного из литературных либеральных деятелей, был презираем, работал у рыночных книжников, утопал, и в 70-х годах вынырнул в качестве хроникера»¹⁶. Однако некоторые другие материалы дают возможность представить фигуру Волокитина не столь одноцветно. Это был

---

¹³ ЦГАЛИ. Тетрадь с расходами Н. М. Мамина за 1874—1877 гг.

¹⁴ Ф. Фидлер. Литературные силуэты. Д. Н. Мамин-Сибиряк (машинописная копия в фондах Свердловского литературного музея), л. 63.

¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 316, оп. 1, ед. хр. 86.

¹⁶ П. В. Быков. Д. Н. Мамин-Сибиряк. В кн.: Д. Н. Мамин-Сибиряк, ПСС, изд-во Маркса, 1916, т. 1, стр. VIII.

человек, как кажется, незаурядный, ставший жертвой времени.

Родился он в 1832 году в семье московского купца, учился на медицинском факультете Московского университета, но вынужден был уйти с 4-го курса из-за разорения отца, что не позволило внести ему очередной платы за слушание лекций¹⁷. Начал он свою деятельность как ботаник-любитель, напечатал несколько статей, за которые получил медаль Московского общества естествоиспытателей¹⁸. Затем он сотрудничал в журнале «Учитель». Владея иностранными языками, занимался переводами для этого журнала. В некрологах отмечается также его деятельность по поддержке и развитию женского профессионального образования¹⁹. В 1867 году вместе с книготорговцем с Апраксина рынка Е. И. Екшурским начал выпускать газету «Петербург», как он объясняет в письме начальнику III отделения, под фиктивной редакцией подполковника Петрова. Из-за ссоры с Екшурским издание газеты прекратилось на седьмом номере. III отделение отказало Волокитину в просьбе воздействовать на Екшурского или предоставить трехсотрублевую дотацию²⁰. Эпизод этот характеризует и беспринципность Волокитина, и нравы, которые складывались в уличной прессе на рубеже 60-х годов.

С помощью Екшурского Волокитин издал несколько небольших книжечек. Как беллетрист он был вполне на уровне Апраксина двора и потребителей его литературы. В 70-е годы он нашел себя как опытный репортер и, по словам некролога в «Волжском вестнике» (1893, № 24, 26 января), зарабатывал 300—400 рублей в месяц. Умер же он от чахотки «буквально нищим» 18 января 1893 года.

В романе «Черты из жизни Пепко», однако, в качестве патрона «академии» на первый план выдвинута другая фигура: тот самый «король репортеров» Ю. О. Шрейер, которого называл «Сын отечества» в ка-

---

¹⁷ Д. Языков. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Русские писатели и писательницы, умершие в 1893 году. (Сб. отд. рус. языка и слов. ИАН, т. 95, № 3).

¹⁸ «Новое время», 1893, № 6066. По поводу этих статей он переписывался с М. Н. Погодиным (Всес. библ. им. В. И. Ленина, ф. П, оп. 11, к. 7, ед. хр. 48).

¹⁹ «Новое время», 1893, № 6066.

²⁰ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 2059.

честве главы этой газетной богемы. Говоря о Фрее в романе, Мамин писал, имея в виду, очевидно, молнии, которые метал против Шрейера «Сын отечества»: «На его голову сыпались самые тяжелые обвинения, его упрекали чуть не в воровстве, ему устраивали неприятные сцены, и он все выносил, оставаясь на своем посту». Вероятно, возникшая по инициативе Волокитина «академия» вскоре практически стала возглавляться Шрейером, человеком более широкой культуры, чем Волокитин, и более опытным газетчиком. Шрейер совершенно очевидный прототип Фрея в романе «Черты из жизни Пепко». Фрей ходит в обычном костюме, но все зовут его полковником. Он корректен, выдержан, знает три языка, он дает писательские советы герою романа. Мамин в «Чертах из жизни Пепко» очень сочувственно рисует его и говорит: «Лично я с особым удовольствием вспоминаю о нем, как о человеке, который так просто отнесся ко мне с первого раза и так до конца». Что же за человек прототип Фрея?

Юлий Осипович Шрейер родился в 1835 году, был воспитанником Московского II кадетского корпуса. В качестве офицера 6-й полевой артиллерийской бригады он участвовал в обороне Севастополя²¹. В 1859 году, продолжая военную службу, он открыл первую телеграфную станцию в России (в Вильно) и был награжден за это бриллиантовым перстнем. В 1860 году выступил с циклом «Виленских писем» о выдающихся писателях Польши: Крашевском, Ходзько, Сыркомле и др.²². В 1864 году Шрейер принимал деятельное участие в работе учредительного комитета по делам Царства Польского. Написал несколько историко-статистических статей, перевел со своими примечаниями «Историю польского народа» Генриха Шмидта²³. Некоторое время он был председателем цензурного комитета в Варшаве. Такое близкое участие в деятельности ответственных правительственных учреждений не мешало ему иметь несколько либеральный образ мыслей и даже попасть на заметку III отделения. Хозяин дома, в котором жил Шрейер в 1863 году, сразу после его отъезда обнаружил оставленную рукопись «крамольного содержания», которую он представил шефу жандармов.

---

²¹ «Новости и биржевая газета», 1887, 5 февраля.

²² «Петербургский листок», 1887, 4 февраля.

²³ «Новости и биржевая газета», 1887, 5 февраля.

Рукопись эта — не что иное, как литографированные статьи из «Колокола» А. И. Герцена²⁴.

В 1870 году Шрейер корреспондировал с фронта франко-прусской войны, в 1871—1873 годах был редактором-издателем газеты «Новости»²⁵. После четырехмесячного ареста по жалобе какого-то обиженного домовладельца был вынужден газету с 1 января 1874 года передать в другие руки²⁶.

По прежней государственной службе он был статским советником²⁷. Длительная же служба в армии, сохранившаяся военная выправка и сравнительно недавнее участие в войне, хотя бы в качестве корреспондента, очевидно, давали повод называть его полковником, переводя чин по гражданскому ведомству на язык военной иерархии чинов. Как видно, хорошее знание языков Фреем имеет соответствие в способностях полиглота, которыми обладал Шрейер, переводчик и корреспондент из-за рубежа.

Умер «известный всему Петербургу» Юлий Осипович Шрейер 3 февраля 1887 года. Как сказано в некрологе, скончался он от «меланхолического состояния», что, несомненно, было следствием того же алкоголизма членов репортерской «академии», который свел в могилу И. А. Рождественского, довел до чахотки Н. И. Волокитина.

По этому поводу как раз в те дни, когда Мамин был репортером, во «Внутреннем обозрении» сентябрьской книжки журнала «Дело» Н. В. Шелгунов писал: «Очень может быть, что и беспорядочная жизнь причина преждевременной смерти литературных рабочих: но ведь... беспорядочную жизнь ведут только те, кому не на что устроить порядок»²⁸.

П. В. Быков писал: «Литературные друзья, которым Мамин рассказывал подробности о тяжелых условиях работы тогдашней газетной богемы, дивились необычайной энергии тех немногих работников, которые вырывались из

---

²⁴ ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп. 1863, ед. хр. 97, ч. 41.

²⁵ Н. М. Лисовский. Русская периодическая печать 1703—1900 гг. СПб, 1915.

²⁶ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 2151.

²⁷ А. Е. Кауфман. Из журнальных воспоминаний.— «Исторический вестник», 1912, октябрь.

²⁸ «Дело», 1875, № 9, стр. 150.

омута газетной богемы. «А больше спивались», — добавлял Дмитрий Наркисович»²⁹.

Организация репортеров, в которой состоял Мамин-Сибиряк в середине 70-х годов, была интересным, хотя и очень противоречивым по своей сущности явлением. Это была профессиональная группа, которая помогала развивающимся русским буржуазным газетам хорошо поставить информацию и хронике. При своем возникновении в 1874 году «общество» обслуживало три-четыре газеты. Агент III отделения называет «Русский мир», «Биржевые ведомости», «Новости». С «Биржевыми ведомостями» была также связана «Вечерняя газета»³⁰. Позднее же, в середине 1876 года, как указывает И. И. Успенский в своем выступлении против Шрейера и Волокитина, услугами репортерской группы пользовалось девять газет³¹.

Конечно, информация в газете мыслилась Шрейером и его друзьями в духе буржуазного объективизма и предпринимательских интересов. Их целью было обеспечить чтение, отвечающее вкусам всех потенциальных подписчиков газеты. В. Г. Короленко в «Истории моего современника» указывает, что «король репортеров» Юлий Шрейер часто заимствовал сведения у полиции, «которая через него и освещала события». Так «беспартийность» и «объективность» оказывались лишь прикрытием политической беспринципности и сервилизма. Объявляя о продолжении издания «Недели» в 1873 году, тот же Шрейер возводил беспринципность в программу. Идея «уличной» газеты, рассчитанной на удовлетворение вкусов «покупателей», для России была новой. Это вызывало законные протесты со стороны передовой демократической печати, хотя и понимавшей исторические причины неизбежного появления «торговой литературы».

Репортерская работа Мамина начиналась, таким образом, у самых истоков буржуазной предпринимательской прессы в России.

«Малая пресса» 70-х годов зачастую строилась руками некогда передовых людей, но не столько они, будучи идейно нестойкими, формировали ее лицо, сколько она подчи-

---

²⁹ Д. Н. Мамин-Сибиряк. ПСС, изд-во Маркса, т. 1, стр. VIII.

³⁰ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 2166.

³¹ «Сын отечества», 1876, № 25.

няла их мелочным заботам улицы, ее требованиям, привычкам, эстетическим и нравственным представлениям.

Впоследствии знакомство с закулисными вождями и чаяниями сотрудников такой «уличной» газеты пригодилось Мамину. Материалы наблюдений были использованы им в работе над романом «На улице».

Маленькая организация «мелкой газетной сошки», как иногда именовал писатель «академию» Фрся, в известной мере защищала ее интересы в борьбе с издателями газет, склонными по всем законам политической экономии доводить заработок своих работников до минимума. Монопольное положение и «солидность» организации хроникеров обеспечивали и бесперебойность и оперативность в получении материала, чего не могла достичь каждая отдельная газета, опирающаяся на услуги собственного репортера.

Но помимо этого общества, получить работу в газете было весьма трудно, почти невозможно, и это давало возможность держать литературных рабов в «ежовых рукавицах», поддерживая их в тяжелые минуты грошовыми авансами, постоянно напоминая о непрочности связи с газетами и т. д. Автор уже упоминавшейся статьи в «Сыне отечества» писал, что заработок поденщиков Шрейера и Волокитина — около 40 рублей в месяц. Мамин в романе «Черты из жизни Пепко» определяет его в 30 рублей. Очевидно, как и в романе, репортерский кружок в связи с небольшими масштабами прессы, пользующейся услугами этой группы, состоял из 4—5 необеспеченных интеллигентов, не считая организаторов и того «литературного коммерсанта», который был готов эксплуатировать тех и других.

Мамин в романе «Черты из жизни Пепко» в качестве такой акулы рисует Спиридона Редькина, которого рекомендует следующим образом: «Выбился в люди из офеней-книгонош, а теперь имеет лавчонку с книгами, делает издания для народа и состоит при собственном капитале». Этот Спирька появляется в тяжелый для «академии» момент приостановки газеты, где преимущественно печатались репортеры. Мамин говорит о нем: «Спиридон Иваныч Редькин был типичным дополнением «академии». Он являлся в роли шакала, когда чуял легкую добычу... Заказывая романы, повести, сборники и мелкие брошюры, он вопрос о гонораре оставлял «впредь до усмотрения»... Под рукопись выдавался такой микроскопический аванс, что

даже самая скромная бактерия, наверное, умерла бы с голоду. Остальные деньги следовали по напечатанию и тоже выдавались аптекарскими дозами. Платить наличными деньгами Спирька терпеть не мог и вытягивал жилы мелкими подачками...» Будучи жмотом и выжигой в отношении с литераторами-поденщиками, он вместе с тем оказывался щедрым, когда дело касалось угощения. Все эти внешние признаки и черты характера ведут к одному прототипу, реально существовавшему в маминском окружении, — книготорговцу из Апраксина двора Елисею Ивановичу Екшурскому, связанному с Волокитиным еще с конца 60-х годов.

Екшурский выразительно нарисован хорошо знавшим старых книжников Н. Свешниковым в статье «Петербургские книгопродавцы-апраксинцы и букинисты»³². Екшурский, как и Редькин в романе, вначале букинист-мешочник, а затем владелец лавочки в Апраксином дворе. «Сметливый и достаточно развитый человек», он «сделался издателем разной мелочи»; «давал поручения составлять песенники, сонники»³³, различные гадательные книжки и мелкие повести и рассказы с интересными заглавиями». Любовь Екшурского к необыкновенным названиям отражена в реплике Редькина: «Ты мне, полковник, оборудуй роман, да чтобы заглавие было того, позазвонистей». О подобных издателях с Апраксина рынка с тревогой писало «Дело» в статье «Книгопродавцы в бегах»³⁴. Далее Н. Свешников пишет о жадности Елисея Екшурского и вместе с тем о его готовности «не скупиться на угощение» нужным людям, причем он «раскошелывался уже на десятки рублей». Совпадает даже такая мелкая деталь: по словам Свешникова, Екшурского «товарищи книжники в глаза и за глаза называли Елесея», Редькина в романе запросто кличут по имени.

Этот человек не мог сыграть сколько-нибудь значительной роли в жизни Мамина, но знакомство с ним открывало еще один уголок русской жизни: и природную талантливость, способность простого человека к развитию, и дух наживы, который определен отношениями и определяет сам направление, в каком используется талант.

³² «Исторический вестник», 1897, № 7.

³³ Ср. слова Спиридона Редькина в романе: «...мне нужно поправить два сонника» (VIII, 69).

³⁴ «Дело», 1876, № 2, II отд., стр. 189.

«Шакалы» нового, буржуазного Петербурга шли рядом с литературной богемой. Екшурский, кстати, сам оказался жертвой стяжания и скупости. В 1891 году он был убит своим двадцатидвухлетним сыном, которому отказал «в сравнительно небольших средствах для открытия своей торговли»³⁵.

Что же получил Мамин от встречи с «обществом репортеров», как его называли «власть предержажие», или с «академией», как называет его писатель? Как мы уже говорили, он познакомился с закулисной стороной уличной прессы, которая делалась руками шрейеров. Мамин имел возможность познакомиться с духом этой прессы и делами таких реакционных газет, как «Русский мир», который даже неразборчивым «Сыном отечества» был отнесен к числу «дурманистых». «Дело» называло «Русский мир» «птенцом гнезда Каткова», т. е. союзником архи-реакционных «Московских ведомостей». Конечно, такое знакомство могло оказаться опасным. Уличная пресса более или менее отчетливо сознавала и стыдливо или с бесстыжей наглостью признавалась в продажности, рассматривая журналистскую работу как разновидность «промышленности», «коммерции». Если в представлении многих печать еще оставалась наставницей жизни, а демократические журналы и выполняли по-прежнему эту роль, то за кулисами малой прессы было ясно видно, как буржуазно-капиталистическая среда диктует свою волю газетам, как издатели ищут путей не к читателю-другу, а к читателю-покупателю, не брезгуя никакими средствами.

Примечательно, что в период бурного развития капиталистического хищничества в России осознание «торгового» характера прессы даже не возмущает некоторых ее представителей. Позднее эта связь с требованиями рынка будет лицемерно маскироваться. В 70-е же годы, когда капиталистическое хищничество отличалось в России почти первобытным бесстыдством, газеты говорят об этом не стесняясь. Литературный обозреватель «Санкт-Петербургских ведомостей», доказывая преимущество газетной прессы над ежемесячной журналистикой, в сущности амнистировал ее продажность, чем вызвал ядовитую эпиграмму в «Деле»³⁶. «Новости» же приводят слова одного

---

³⁵ «Новое время», 1891, № 5578.

³⁶ «Дело», 1876, № 11, стр. 466.

из деятелей французской бульварной прессы: «Мы, журналисты, — куртизанки: кто желает пользоваться нашими милостями, должен за них платить»³⁷. Какая блестящая иллюстрация к ленинскому положению о зависимости искусства, литературы и печати в буржуазном обществе «от подкупа, от денежного мешка»!

Сталкиваясь с газетами, Мамин приближался к той «улице», которая все властнее заявляла о себе везде, в том числе и в литературе. Он был поставлен перед новыми кругами жизни, где господство стихии и случайности, остро ощущаемое, повышало интерес ко всему конфликтному, напряженному, острому. Все это определило появление некоторых образов, тем и проблем его творчества.

Демократизм, близость к революционно настроенным студентам Медико-хирургической академии, высокое представление о писательском пути помогли Мамину сохранить себя как гражданина и писателя. Помогло и то, что Мамину была отведена для систематического освещения в газетах область русской науки — та сфера жизни, которая была все же наиболее удалена от грязи и накипи буржуазного быта. Сама работа репортера в этой области не требовала ни особой изворотливости, ни нравственного безразличия, ни политической беспринципности. Писатель должен был посещать публичные лекции и заседания ученых обществ и давать отчеты о них.

При всей зависимости науки от потребностей капиталистического развития страны она все же не была тогда ареной острых столкновений и четкого размежевания сил. Сами деятели науки, безусловно, размежевывались, и очень сильно, но происходило это преимущественно в сфере непосредственной политики и на страницах журналов. Так было с П. Лесгафтом, К. Тимирязевым, И. Сеченовым и другими. Мамин не мог считать появление своих репортажей о русской науке на страницах даже реакционных газет, таких как «Русский мир», чем-то предосудительным. Е. А. Боголюбов во многом очень детально и правильно рассказал о «Русском мире» и нашел аргументы, оправдывавшие участие в нем Мамина³⁸. Но он не знал, что Мамин, в сущности, не был сотрудником одной определенной газеты и, вероятно, даже не сталкивался с редакционным

³⁷ «Новости», 1875, № 278, 10 октября.

³⁸ Е. А. Боголюбов. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка. Вып. 1. Пермь, 1944, стр. 22—34.

аппаратом «Русского мира». В романе говорится, что отчеты о заседаниях передавались непосредственно Фрею в трактире у Симсопиевского моста. Тот же способ передачи материалов в газету указывает агент III отделения, сообщая о волокитинской группе. Он пишет: «Агенты Волокитина ежедневно приносят ему сведения преимущественно в портерную у Симсопиевского моста по Фонтанке...»³⁹. Конечно, «Русский мир» входил в число отъявленно реакционных газет вместе с «Московскими ведомостями» Каткова и «Гражданином» Мещерского, но отчеты Мамина не отражали даже в самой малой мере какую-либо особую точку зрения газеты на вопросы науки. Реакционная печать, очевидно, еще не учуяла там крамолы, да и русское общество привыкло, что наиболее острые вопросы современного научного знания обсуждались не в ученых обществах, а на страницах боевых демократических журналов.

В беседе с Ф. Ф. Фидлером в 1893 году Мамин-Сибиряк назвал в числе газет, где он сотрудничал в юности, кроме «Русского мира», еще «Новости» и «Петербургский листок»⁴⁰. Действительно, в этих газетах также систематически печатались сообщения о жизни научных учреждений. Однако надо все же представлять, что для самого Шрейера нужна была какая-то определенная база, с которой надо было начинать. Такой газетой, которая получала материал от «общества» репортеров в первую очередь, был «Русский мир». В романе Мамин говорит о «Нашей газете» — псевдониме, как доказал Е. А. Боголюбов, «Русского мира». Здесь сотрудничает его герой.

«Чтобы быть репортером, — как писал один из птенцов русской буржуазной прессы, — надо иметь много ловкости и пронырства, чтобы не сказать наглости и нахальства»⁴¹. Но мы уже сказали, что это малопорядочное качество не требовалось там, где заседали ученые конклавы.

Вопрос о том, как повлияли на Мамина репортерские занятия, решается не просто. В романе о своих отчетах с научных заседаний он говорит иронически. Ироническое

---

³⁹ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 2166.

⁴⁰ Ф. Фидлер. Литературные силуэты. Д. Н. Мамин-Сибиряк (машинописная копия в фонде Свердловского литературного музея, л. 63).

⁴¹ «Сын отечества», 1876, № 25.

отношение к «научным» отчетам, которые изготовлялись недоучившимся студентом, — следствие трезвой оценки зрелым писателем такой деятельности. Но биографы Мамина вместе с автором романа склонны недооценивать того, что дали встречи с русской наукой молодому писателю. Вряд ли стало бы возможным превосходное знание русской истории, экономики, горного дела, юридических казусов, которое с такой силой обнаружилось в публицистике Мамина 80-х годов, без того очень целеустремленного, сосредоточенного и внимательного отношения к занятиям ученых обществ в России, к чему обязывала его репортерская работа.

Отец Дмитрия Наркисовича в письме от 11 апреля 1875 года правильно заметил пользу, какую принесет сыну присутствие на ученых заседаниях. «Счастье доставило тебе занятие приятное и полезное для ума, даже можно надеяться, что это занятие широко развернет твой разумный взгляд на умственную и практическую деятельность многих образованных личностей, между которыми, вероятно, встретишься тебе люди деловитые, передовые, о которых приятно будет вспомнить и которые невольно могут иметь полезное влияние на твою умственную и деятельную сторону жизни». Правда, Наркис Матвеевич возлагал надежду на встречу с передовыми людьми, на Мамин же воздействовали не столько отдельные встречи с выдающимися деятелями науки (их было относительно не так много, и не так часто крупные ученые выступали с докладами), сколько знакомство с наукой вширь, с обилием вопросов, встающих перед ней. Перед ним за три года репортерских занятий прошла уже достаточно расчлененная наука, вынесенная на публичное обсуждение. Он привыкал видеть в научных вопросах вопросы общественные, волнующие многих людей, принимающих участие в обсуждении их. Отражением новых веяний был сам факт систематической публикации пространной информации о науке. Писарев, вероятно, был бы доволен, видя, как на страницах газет пропагандируется реалистическое мировоззрение. Тенденция времени была настолько сильна, что захватывала порой даже такие реакционные газеты, как «Русский мир».

Возвратимся к вопросу об иронии. Прав ли Мамин, именно так освещая в романе «Черты из жизни Пепко» репортерские занятия, связанные с наукой? Во-первых,

если присмотреться к содержанию работы научных обществ в 1875—1876 годах, то можно понять, что во многих вопросах, обсуждаемых ими, Мамин был компетентен как студент-медик. Во-вторых, на этих заседаниях он знакомился с вопросами, которые не могли оставлять его равнодушным как заводского человека, да еще работающего над романом об истории Урала. В-третьих, даже беглые «наскоки» в различные области науки со временем приводили к все более глубокому пониманию ее проблем и способствовали формированию скептического и даже отрицательного отношения к «казенной» инженерной экономике или юридической квазинауке.

Репортерские занятия давали Мамину очень большой материал. Вот, например, по каким вопросам, обсуждавшимся в январе и феврале 1875 года в ученых обществах, помещалась информация в газетах, где сотрудничал Мамин. Будем считать, что его первый большой отчет о заседании энтомологического общества, как считает проф. Е. А. Боголюбов⁴², был напечатан 15 января. (До этого он, очевидно, давал лишь небольшую информацию типа хроники.) На другой же день, то есть 16 января, в «Русском мире» печатается изложение доклада Козина «О лирических песнях русского народа», а 17 января краткий отчет об обсуждении в комитете Общества содействия русской промышленности и торговле записки Екатеринбургского городского головы Нурова в защиту южного направления Сибирской железной дороги. Мимо этого вопроса вряд ли прошел уралец Мамин. 18 января печатаются отчеты сразу о трех заседаниях, в том числе о сообщении К. А. Тимирязева в обществе естествоиспытателей. На заседании Русского географического общества 17 января будущий писатель мог услышать доклад Г. Потанина, известного исследователя и общественного деятеля, о рукописи по истории «киргиз-кайсацкой орды». В номере газеты за 20 января сообщается о «собеседовании в Русском техническом обществе», где рассуждали «об аппарате для хода поездов», о заседаниях общества садоводов и лесного общества. Газета дает также отчет о реферате Дубровского в Педагогическом обществе на тему «О развитии понятий». В Русском техническом обществе 23 января обсуждался вопрос об успехах развития маши-

---

⁴² Е. А. Боголюбов. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка. Вып. 1, Пермь, 1944, стр. 30.

ностроения в связи со строительством железных дорог в России.

К проблемам, связанным со строительством Сибирской железной дороги, в обсуждение которых была втянута почти вся пресса, Общество содействия развитию русской промышленности и торговли возвращалось 23 января и 1 февраля. Здесь Мамин мог слышать выступление инженера Богдановича, будущего строителя горнозаводской железной дороги, Полестики, издателя «Биржевых ведомостей», тоже инженера, экономистов Скальковского, Шилова и других. Все это за один месяц газетной работы. Как видно, та сторона жизни Петербурга, которая оказалась в сфере систематических наблюдений репортера Мамина, была достаточно интересной, события следовали здесь уплотненно. Громадная эрудиция, просвечивающая во всем творчестве писателя, несомненно, закладывалась здесь, на заседаниях ученых обществ, где «умные люди так мило спорили о самых мудреных вещах, как просто банковские кассиры считают сотни тысяч и миллионы. За каждым приводимым фактом стоял многолетний упорный труд, за каждой счастливой мыслью целая история, за ученой идеей — преемственность идей».

Конечно, Мамину приходилось знакомиться и с темными закулисными сторонами науки. В романе «Черты из жизни Пепко» он говорит: «Мое репортерство открывало мне изнанку этой русской науки и тех лилипутов, которые присосались к ней с незапамятных времен», «я попал на самые боевые пункты этой ученой трагикомедии». Да, изнанка была, и трагикомедия тоже. Россия страдала и от развития капитализма, и от недостаточного его прогресса.

Коренные вопросы социально-экономического развития страны в то время рассматривались не в ученых ареопагах, не в «императорских» обществах, а на страницах журналов. В естественных науках, наряду со смелыми, обгоняющими свое время открытиями, было много бескрылого эмпиризма, пустого копания в мелочах, застоя мысли, неприкрытого стремления составить себе ученое имя, ничего не дав обществу. Все это открывалось Мамину и в большой мере формировало его самостоятельные критические взгляды на положение науки. Репортерские занятия обогащали не только знанием научного мира, его забот и его людей. Они приучали к наблюдательности и неистребимому любопытству к человеку, которое рождает-

ся в столкновении все с новыми и новыми людьми, обязывающему к размышлениям о их словах и делах.

В беседе с корреспондентом «Журнала журналов» уже на склоне дней Мамин-Сибиряк с удовлетворением вспоминал о своей газетно-журнальной юности: «Я прошел тяжелую репортерскую школу, и земной ей поклон. Она дала мне, прежде всего, знание жизни с ее подноготной, умение распознавать людей, несмотря на их репутацию, страсть окунаться в самую гущу повседневности, где на дне можно найти такие «жемчужины», что сам Лев Толстой подскочил бы от восторга»⁴³.

Репортерство приучало иметь дело с фактом, быстро схватить его, зафиксировать и постараться увидеть его внутренний смысл. Занятия в газетах привлекали внимание ко всем материалам прессы, что тоже не могло не обогащать будущего писателя. С подлинной жизнью капиталистического Петербурга Мамин встретился по-настоящему тогда, когда прошла уже большая полоса жизни в близких контактах с передовой молодежью 70-х годов, с ее идеями, мыслями, настроениями. Недаром Мамин в письмах к родителям в 1875 году, когда он уже почти год проработал в газетах, писал о большом городе, как городе социальных контрастов, утешая отца, который тяготился жизнью в глухом заводском поселке.

Встреча с большой жизнью была подготовлена, Мамин внутренне решил, что «литература для него — специальность, специальность не по исключительным занятиям, а по складу головы»⁴⁴. Писательский интерес к людям, соединенный с возможностью широких контактов с ними, не мог не принести плодов.

1965

---

⁴³ А з. Обрывки вслух.— «Журнал журналов», 1916, № 33, стр. 9.

⁴⁴ ЦГАЛИ, ф. 316, оп. 1, ед. хр. 91. Письмо Д. П. Мамина отцу от 10 октября 1875 г.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗМА МАМИНА-СИБИРЯКА

Литературная судьба Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка, писателя-реалиста с ярким самобытным художественным дарованием, складывалась как-то странно.

Он выступил как зрелый писатель в самом начале 80-х годов, и лучшие журналы того времени, хранившие демократические традиции предыдущих десятилетий, охотно предоставили ему свои страницы. Его высоко оценил М. Е. Салтыков-Щедрин, назвавший «Золотуху» Мамин «прекраснейшими очерками золотопромышленности на Урале». В провинциальном литераторе он увидел человека, близкого своему журналу по идейным и художественным принципам, и торопил его с присылкой новых произведений.

Без преувеличения можно сказать, что Мамин-Сибиряк открыл читателям России Урал. В своих произведениях он развивал лучшие традиции передовой русской литературы. Он стремился показать читателям, как тесно связаны судьбы людей, их душевные свойства, их нравственные понятия с социальным развитием страны. Его книги рождали мысли о несостоятельности общественных отношений, которые мешают людям быть счастливыми. В произведениях Мамина-Сибиряка читатели встречались с полными сил людьми труда, душевно щедрыми, жаждущими простора и воли. Не случайно в трудовой среде уже тогда ценили Мамина-Сибиряка. По воспоминаниям старого деятеля Коммунистической партии Ф. Ф. Сыромолотова, одного из активных помощников Я. М. Свердлова в период революции 1905 года на Урале, рабочие говорили о Мамине: «Наш он писатель, потому что пишет о нас... Почитаешь его, так прямо светлеешь: душа человек»

И все-таки при жизни писатель не получил настоящего, видимого для всех признания. Ни темы, ни образы, ни вопросы, которые он ставил в своих книгах, не стали предметом страстных споров критиков и публицистов. По существу, критика в течение долгих лет замалчивала Мамин. О нем почти ничего не писали, когда он был уже автором хорошо принятых читателями уральских романов и большого цикла рассказов, которые в 90-е годы привлекли внимание В. И. Ленина.

Позднее о Мамине-Сибиряке заговорили, признавая не-

сомненную талантливость и художественную оригинальность его произведений, но и тогда его творческие достижения не были поняты и приняты буржуазно-либеральной и народнической критикой, настолько они не укладывались в привычные схемы. Респектабельный интеллигентский журнал «Вестник Европы» в 1913 году наиболее четко сформулировал мысль о «непохожести» этого писателя на других. По мнению критика Е. Колтоновской, Мамин-Сибиряк, «своеобразный писатель и самобытный, стихийный талант, был по природе чужд основному духу русской литературы, и путь его прошел в стороне от тех граней, в которых проложено ее главное русло». Демократизм писателя, несомненный для всех, и его столь же очевидный реализм не укладывались в те формы, которые казались тогдашним критикам единственно законными, «правильными».

Большевистская «Правда» в некрологе предсказывала, что полное понимание Мамин-Сибиряка наступит тогда, когда появятся «новый читатель и новый критик», то есть с изменением социально-политических условий. Газета была глубоко права. Только в советское время творческое наследие Мамин-Сибиряка было по-настоящему оценено.

Но вместе с тем надо подчеркнуть, что очень трудно дать суммарную характеристику очень изменчивого, чрезвычайно «подвижного» творчества писателя, чутко отражавшего движение времени. Все попытки обобщенного определения особенностей его как писателя ведут обычно к самому широкому и достаточно неопределенному указанию на его демократизм и реализм, в которых он следовал лучшим традициям передовой русской литературы. Такое определение, слов нет, верно. Но оно не помогает понять «непохожесть» писателя на других демократов и реалистов, не приближает нас к верному осознанию его вклада в художественное познание дореволюционной русской действительности.

Сам Мамин-Сибиряк чувствовал необходимость новых мерок для критической оценки того, что он пишет. В связи с выступлениями рецензентов, не понимавших особенностей художественного осмысления жизни писателем, он говорил: «Жизнь творит все новые и новые формы», а «критика бессильна освободиться от прежних рамок и категорий». В искусстве же «все сильное и жизненное должно быть оригинальным — это закон, его же не преjdeши».

Маминское представление о непрерывном обновлении искусства, вытекающем из начал самой жизни, относится не только к сменяющим друг друга писательским поколениям. Для творчества самого Мамина-Сибиряка характерно постоянное изменение авторского художественного сознания, хорошо видимое движение жанровой формы романа, находки и утраты в области очерка и рассказа и т. д. Такая текучесть художественных открытий писателя делает трудным суммарное определение реалистического метода Мамина и заставляет выделить для детального анализа тот начальный период, когда его творческие принципы только складывались, когда лишь намечались возможные линии дальнейшего развития, когда писатель завоевывал себе место в русской журналистике и литературе.

Анализ рассказов, с которыми писатель выступил в 1881—1883 годах, позволяет определить исходную точку развития художественных принципов Мамина-Сибиряка, в дальнейшем видоизменяющихся, но сохраняющих свою основу.

Реализм Мамина-Сибиряка складывался в новых обстоятельствах экономического и социального развития России. Нельзя не вспомнить известную ленинскую характеристику социального мира, отразившегося в творчестве Мамина-Сибиряка. В. И. Ленин указывал: «В произведениях этого писателя рельефно выступает особый быт Урала с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения, с «добросовестным ребяческим развратом» «господ», с отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России»¹.

К сожалению, у многих авторов работ о Мамине-Сибиряке ссылка на ленинское высказывание не сопровождается углубленным анализом особенностей изображения писателем действительности. Еще меньше обращается внимания на методологическое значение ленинского анализа социальной психологии, проходящего через все главы книги «Развитие капитализма в России», хотя легко заметить, что в ленинской оценке творчества Мамина-Сибиряка

---

¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3, стр. 488.

ряка на первый план выдвинуто именно отражение в его произведениях социально-психологических последствий общественно-экономического развития страны и народа.

Между тем при характеристике обстоятельств, в которых развивалась литература 80-х годов, недостаточно говорить лишь о политической реакции и кризисе народнического сознания. Несомненно, что то и другое накладывало сильный отпечаток на литературное творчество. Глубинными же основаниями развития русского реализма, сдвигов в его характере были процессы социальные, сложные и динамичные, ведущие к дифференциации все расширяющихся читательских групп. Развитие буржуазных отношений повышало чувство личности, значение собственной ориентации этой личности в обществе и собственных ценностных шкал. Территориальная неравномерность капиталистического развития, многообразие форм этого процесса, испытывающего самое сильное воздействие пережитков крепостничества, поддерживаемых политической системой, — все это вело к появлению таких новых видов реалистического художественного освоения мира, которые народническая критика воспринимала как отход от революционно-демократических традиций.

Наиболее чуткие представители литературы и литературной критики еще в 70-е годы чувствовали признаки «обособления», когда «всякий откладывает все, что прежде было общего в мыслях и чувствах, и начинает с собственных мыслей и чувств»².

Понижение внимания к общим, «генерализующим мыслям», объяснялось во многом тем, что народническая мысль оказалась несостоятельной в условиях возникающей новой социальной войны, идущей на смену войне с крепостничеством, а политическая теория, целиком определяемая новой социальной ситуацией, еще не возникла в России.

Разумеется, в передовой литературе речь шла не об отказе от определенности воззрений, не об утверждении буржуазного объективизма, а о новых формах, в которых существовало само мировоззрение, о повышении в нем роли «исследовательского», собственного, сопоставляющего, вопрошающего сознания. Вследствие этого также уг-

---

² Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. X, изд-во Маркса, 1895, стр. 97.

люблялось понимание вариантности, особенностей социального развития в различных районах России, развивались этнографические исследования, получил распространение жанр очерков об определенных районах (Немирович-Данченко, Максимов, Нефедов, Малахов, Белов, Лохтин и многие другие).

Поворот в литературе был широким и захватывал самые различные направления, среди которых выделялась линия глубоко демократическая, формировавшая своеобразие нового реалистического искусства.

Как и у Чехова, мы не найдем у Мамина-Сибиряка широкой концепции, предшествующей творческому акту, которая объединяла бы и подчиняла себе жизненный материал, группировала бы его и выстраивала в определенные, как бы заранее заданные, сюжеты. Эти два писателя близки по вниманию к голосам самой жизни, по подлинному многоголосию произведений. Разумеется, все это не позволяет отождествлять столь различных художников. Мамин и Чехов видели разные стороны жизни и видели их различно. Различными были и те «социально-педагогические влияния» (М. Горький), под воздействием которых сложился каждый из указанных писателей, сформировались жизненные их позиции.

Как известно, Мамин впервые появился в литературе еще в середине 70-х годов, выступив на страницах «Сына отечества» И. И. Успенского и «Кругозора» В. П. Ключникова. Начиная автор попытался напечатать повесть «Мертвая вода» в «Отечественных записках», но Салтыков-Щедрин ответил: «Мы таких вещей не принимаем». Между тем в 1883 году «Мертвая вода» после незначительных переделок, получив название «Максим Бенелявдов», была опубликована «Делом». В 70-х годах объективное повествование о лицах, не относящихся ни к одной из обычных для передовой литературы категорий: угнетающих, угнетенных, искателей правды,—казалось чем-то выходящим за рамки искусства. В 1883 году это же повествование, хотя и в другом журнале, но близком по направлению «Отечественным запискам», принимается безоговорочно, настолько оно соответствует духу времени, характерно для развивающегося нового направления.

Изменился за это время не писатель. Изменилось, расширившись, а отчасти сдвинувшись, поле самой литературы. Именно потому второе, уже зрелое вступление писате-

ля в литературу в 1882 году было достаточно легким. Его рассказы почти одновременно приняли «Устой», «Дело», «Русская мысль», чуть позднее «Отечественные записки», где были напечатаны очерки «Золотуха», а через несколько месяцев «Бойцы». Некоторые трения возникли лишь с «Вестником Европы», который почувствовал в новом писателе «дух Золя», чем вызвал резкую реплику Мамина о жизненной, а не литературной основе своего творчества. Но и здесь в 1883 году был напечатан его рассказ «В худых душах».

Рассказы Мамина-Сибиряка начала 80-х годов охватывают широкий круг жизненных явлений своеобразного края России, каким был Урал, с развитой промышленностью, во многом сложившимися буржуазными отношениями, с сильнейшими остатками крепостничества, пропитывавшими все поры новых порядков.

Очерки «В камнях» («Дело», 1882, № 3), «Золотуха» и «Бойцы» («Отечественные записки», 1883, № 2 и 7, 8) открывают читателям сложную жизнь уральских рабочих, рисуют антагонизм угнетенных и эксплуататоров, знакомят с характером и условиями труда, с социально-бытовым фоном уральской действительности.

Если в первом очерке о сплаве караванов по реке Чусовой «В камнях» процессы труда, борьба человека с природой рисуются изолированно от социальных явлений, проблем социальной жизни, то в «Бойцах» разворачивается самая широкая картина столкновения социальных интересов. Рядом с рабочими-сплавщиками, с разоренными крестьянами, с ограбленными «инородцами» появляются выразительные фигуры «хозяев жизни», представителей компании «Нептун», приказчиков, включаются картины «добросовестного ребяческого разврата» господ.

Повесть «На рубеже Азии» («Устой», 1882, № 3—5), очерки «Старатели» («Русская мысль», 1883, № 1, 2), рассказ «Максим Бенелявдов» («Дело», 1883, № 2, 3) вели читателей в другой круг социальных явлений. Они вводили тему быта «средних» слоев населения.

Такие люди пока оставались вне пределов острого интереса литературы, несмотря на попытки Н. Г. Помяловского утвердить их право на внимание литераторов. Они появлялись в художественных произведениях, но только как почва, производящая разночинцев, стремящихся к свету и деятельности, или в качестве массы, страдающей

и заслуживающей сочувствия, или как представители среды, выделяющей типы комические. Все эти отношения писателя и среды предполагали четкое разграничение уровней, на котором стоят изображаемые лица с одной стороны и автор — с другой. У Мамин-Сибиряка автор сосуществует со своими героями, живет с ними одной жизнью. Разумеется, он понимает действительность глубже, чем его герои, но не морализирует по поводу представлений о жизни, сложившихся у них. Он раскрывает структуру обстоятельств, породивших такие представления. Процесс жизни рисуется в обычном своем движении, в столкновении разнородных социальных элементов, вступающих в новые связи и отношения, обнаруживающих новые антагонизмы.

Деревне Мамин-Сибиряк в это время посвятил лишь один рассказ — «Все мы хлеб едим», именно деревне, а не крестьянству. Он и здесь показывает столкновение различных сил, старых и новых, изменения, захватывающие все стороны деревенской жизни.

Целая картина складывается из самостоятельных эпизодов и моментов жизни совершенно различных людей, живущих в одной деревне. Здесь и кулак Шептун, и «змея от антиллерии», обманувший крестьян во время реформы, и поп «богатющий», и его сын, живущий «трудами рук своих». Бывший студент, организатор трудовой артели интеллигентов, очень быстро распавшейся, женится на дочери того самого врага крестьян, который не дает им вздохнуть. Живущие по соседству башкиры тоже втянуты в сложные отношения с крестьянами. Именно «пестрота», разноречие, контрасты являются у Мамин признаков современной деревни.

В годы, отмеченные многочисленными попытками народников рассмотреть «положительные стороны» общинного хозяйства, Мамин-Сибиряк полным голосом говорил о необратимости процессов социально-экономического развития деревни. Зауральские села, не знавшие по-настоящему крепостного права, представляли хороший материал для анализа новых капиталистических отношений, складывающихся в деревне. Нарисованная в рассказе картина состояния деревни убеждала читателя в том, что «опрошение» и жизнь «трудами рук своих», о которой мечтает сын попа Лекандра, — далеко не главные вопросы в деле контакта народа и интеллигенции.

Рассказ «В худых душах» — своеобразный отклик на размышления Салтыкова-Щедрина в очерке «Чужой толк», завершавшем журнальную публикацию его цикла «В среде умеренности и аккуратности». Великий сатирик писал в этом очерке, что литература недостаточно обращает внимание на «современные семейные драмы». Это драмы тех семей, из которых выходят революционеры (Щедрин по понятным причинам называет их здесь «увлекающимися», «действующими лицами» «стенографических отчетов» о «драмах»). Он хотел, чтобы писатели перенесли бы мыслью к «анонимным», без речей изнемогающим лицам.

Мамин-Сибиряк и показал, как «дуновение ужаса» реакции «заставляет анонимных людей анонимно истекать слезами и кровью».

Семья сельского попа из Зауралья как бы представляет интеллигенцию 80-х годов в ее раздробленности на различные социальные группы. В динамическом сжатом повествовании о судьбах детей сельского священника, живущего в смятении и страхе, Мамин-Сибиряк сумел показать не только мертвящее влияние политической реакции, но и процесс социально-классового самоопределения интеллигенции. Показал он и несостоятельность народнических иллюзий о надклассовости интеллигентного деятеля.

При всем разнообразии содержания маминские рассказы этого периода имеют однородную или близкую художественную структуру. Обращает на себя внимание специфика жанровых определений, даваемых писателем своим вещам: «Из путешествия по реке Чусовой», «Люди и нравы в Зауралье», «Из жизни на Урале», «Страничка из жизни Урала», «Очерки захолустного быта», «Очерки приисковой жизни» и т. д.

Подобные жанровые определения акцентируют интерес к самому объекту повествования, подчеркивая круг жизненных явлений, входящих в поле зрения писателя. Само понятие очерка также несло в себе представление о реальной действительности. Множественное число — очерки — означало стремление указать на своеобразие сюжета, состоящего из ряда относительно самостоятельных повествований; очерков явлений, очерков лиц, которые в совокупности выстраиваются в общую картину «захолустного быта», как в «На рубеже Азии», «весеннего сплава на реке Чусовой», как в «Бойцах», «приисковой жизни», как в «Золотухе», и т. д. Эти произведения, отчетливо отделяв-

шиеся в творчестве самого писателя от таких очерков в точном смысле слова, как «С Урала», «От Урала до Москвы», представляют как бы срезы жизни.

Поражает обилие и разнообразие социальных типов, сосуществующих в сюжете. В каждом выражается одна из сторон социального состояния или процесса, действительно характерного для Урала. Каждый как бы разыгрывает свой особый сюжет, который совершенно не обязательно влияет на сюжет другого персонажа.

В повести «На рубеже Азии» развивается самостоятельная событийная линия жизни семьи попа Обонполова, пересекающаяся с такой же линией семьи богатея попа Марка, отдающего дочерей по очереди сластолюбивому архимандриту Иринарху, смотрителю духовного училища. Рядом история семьи просвирни Луковны, у каждого из членов которой, как и у самой Луковны, в сущности совершенно особый сюжет. Дочь Олимпиада, с бунтующей молодой кровью, отдается местному кулаку-старосте, потом выходит замуж за писаря Меркулыча, его травят «нечестной» женой, он кончает жизнь самоубийством. Олимпиада становится купчихой. Сын Кинтильян, беспутный, так и кончает жизнь, отморозив руки и ноги в пьяном виде. Старший сын Сергей за счет громадных лишений всей семьи становится доктором, но все ему чуждо на родине, да и яркое солнце не греет его. Вымотавшийся на студенческих хлебах, а затем в обстановке нервной и напряженной жизни города, он умирает. Апполон Обонполов, коварно «обласкавший» Иринархом, став мужем его любовницы, спивается и гибнет. Судьбы некоторых (например, Агнии) оборваны, мы о них ничего не узнаем до конца. Эти сюжеты объединяются лишь потому, что они включены в один поток жизни, входят в поле зрения наблюдателя, которым здесь сделан младший Обонполов, еще подросток. Вместе с тем они в совокупности дают широкую картину истинного процесса социальной жизни, как она отражается в судьбах людей, в самой структуре их характеров.

Если герои Достоевского и Толстого, по определению автора книги «Реализм всегда и сегодня» Б. Бурсова, — люди, «поглощенные построением своего сознания», то персонажи первых произведений Мамина — как это ни странно звучит — даже не сознают своего сознания. Зато у читателя складывается все более глубокое понимание

того хаотического и отчужденного существования, которое тяжело ложится на души и судьбы людей; наши читательские впечатления, поначалу словно бы раздробленные, постепенно выливаются в осознание враждебности для людей сложившихся отношений. Как будто люди живут друг с другом в нормальных отношениях, проявляют интерес к другому человеку, но за всем этим кроется расчет, равнодушие, порождаемые жестокой практикой хищнического общества. Люди оказываются средством для других: средством карьеры, средством потешить пьяную своевольную натуру старшины, средством «изящной» жизни и прочее. Ни один из частных сюжетов сам по себе не приводит к выводу о несовместимости того уклада бытия, который является как бы естественно сложившимся, с минимальными требованиями справедливости, но все сюжеты, вместе взятые, ведут к определенной оценке.

Ненормальность течения «нормальной» жизни обнаруживается в катастрофах, трагедиях, в том, например, сколько несчастий сваливается на голову работавшей всю жизнь не покладая рук Луковны.

Столь же трагично складывается жизнь у многих персонажей «Золотухи». Распадается крепкая трудовая семья старателя, прозванного Губернатором, его красавица дочка становится паломницей управителя. Пьянство разваливает семью другого рабочего — Зайца. Драматична судьба интеллигента Ароматова. Внешний комизм этого образа лишь подчеркивает трагичность его участи. Участники ограбления народа тоже имеют свои сюжеты. Объединяет их участие в «добросовестном ребяческом разврате», но у каждого своя жизнь, в которой не меньше, чем в коллективных кутежах, проявляются общие закономерности буржуазного развития, развития в формах азиатских, с использованием того прямого цинического ограбления «рабов», которое осталось на Урале в наследство от крепостничества.

Тоскует в маленьком, мелком и хищном мире прекрасная, но сильная характером Евмения («Старатели»). Ее манит туда, где кипит жизнь, где університеты, театры, молодежь, иные чем на Старом заводе, интересы. Но, попав на столичную сцену, она становится содержанкой; то яркое, манящее, что тянуло к себе, оказывается на поверку лишь утонченной формой все того же хищнического отношения к людям как к вещам, с чем она встречалась

дома, на Урале. Евмения, больная чахоткой, возвращается на родину. Она находит приют у раскольничьей начетчицы, непримиримой к миру «антихриста», но по-человечески любящей эту несчастную девушку.

В таком построении сюжета отражаются особенности самого социального бытия в условиях тогдашних общественных отношений. С одной стороны, у каждого человека свои заботы, своя вера, свои трудности, свои трагедии, свои радости, жизнь строится в замкнутых семейных ячейках, в замкнутых судьбах отдельных лиц. Но вместе с тем организация общества такова, что мы на каждом шагу видим наглые вторжения сильных и богатых в судьбы простых людей. Порой они вторгаются в чужие жизни лишь мимоходом, для развлечения, но и этого достаточно, чтобы сломать человеку судьбу.

Почти во всех рассказах мы встречаемся с повествователем. Формально отграничение жизненного материала определяется полем его зрения. Как правило, повествователь — местный человек, не впервые встречающийся хотя бы с некоторыми из своих героев. Разумеется, подчеркивание жизненной достоверности и включение рассказчика в плоскость самого рассказа отнюдь не должны свидетельствовать о тяготении автора к натурализму. Писатель с уважением относится к людям из народа, прислушивается к их суждениям, иронизирует по поводу «подвигов» господ и прихлебателей их, размышляет о жизни. В его раздумьях проявляется свой уровень понимания действительности, но он не выдвигает это понимание в качестве единственного и все объясняющего. Так, в «Золотухе» суть отношений между рабочими и хозяевами рельефно выступает как бы из перекрестных «показаний» повествователя, Бучинского, старателей Губернатора и Зайца, из множества деталей, на первый взгляд, не ведущих, не развивающих сюжета: из судьбы губернаторовой Насти, «плача» несчастной приисковой женщины, из эпизодов, рассказанных пьяными «хозяевами», и др.

Постепенно складывается и критерий оценки жизни: для писателя это прежде всего интересы тех, кто трудится, создает богатства. Эти труженики голодают, страдают с малых лет только для того, чтобы неумные, дикие, грязные люди могли предаваться шумному разгулу. Критерий этот тем убедительнее, что он не выдвинут вперед, не сформулирован в виде тезиса. Собственное сознание чи-

тателя «дорабатывается» до выводов. Они именно выводы в том смысле, что извлечены из образного восприятия самого потока жизни. Созерцая разрозненные, сменяющие друг друга картины, сопоставляя, следуя за рассказчиком из одного «этажа» жизни в другой, читатель сам добывает истину и ценность. «Препарированность» действительности автором словно бы минимальна. Процесс жизнедеятельности социального организма берется в «натуре», но тем больше обостряется зрение наблюдателей этой жизни — читателей, в хаосе, в случайном, в неразберихе противоположностей получающих возможность разглядеть основу движения действительности. Таков социологический реализм Мамина-Сибиряка.

Автор не выступает в качестве человека, определяющего программу общественного развития. Он заставляет видеть сложность и вместе с тем структурную закономерность социального процесса, выражающегося в положении и судьбах героев. В его репликах и даже значительных по объему рассуждениях мы не встречаем «интеллигентного самомнения», о котором говорил Ленин в применении к народникам 80-х годов. Сами интеллигенты в этих рассказах не выступают в качестве «третьей» силы. Они такие же участники социального процесса. Они включены в трудовую жизнь, но не являются носителями какого-либо качественно особого сознания.

Ни доктор Сергей Павлович, выходец из семьи просвирни Луковны в повести «На рубеже Азии», ни учитель Лекандра в очерке «Все мы хлеб едим», ни учительница Евмения в «Старателях» или Ароматов в «Золотухе» по существу не вносят ничего в жизнь народа. «Упрощающийся» Лекандра пашет землю, разводит пчел, отринул университет, не хочет жить на средства отца-попа, но в деревне, придушенной безземельем и опутанной кругом «змеем от антиллерии», бывшим помещиком, он не возмущается и не протестует, не вносит никаких проектов «улучшения» мужицкой жизни. Даже предложение его невесты завести показательную ферму он отвергает, насмешливо заявляя, что такая ферма нужна мужикам не больше, чем школа плавания для щук.

Сергей Павлович, получивший образование на последние гроши бедной Луковны, чувствует себя на родине чужим, он включен в другую систему отношений, на другом уровне. Близкие только раздражают этого интеллигента.

Ароматов — фигура трагическая. Полный каких-то высоких размышлений и проектов, любитель искусства, он в данной конкретной системе отношений годится лишь в шуты загулявших «хозяев», от народа же бесконечно далек.

Только в повести «Сестры», написанной в те же годы, но при жизни не напечатанной, заводские интеллигенты рисуются несколько иначе. Впрочем, здесь они тоже разделены по своей социальной ориентации. Часть из них выражает интересы рабочей массы. Когда Гаврила Степаных, интеллигент из рабочих, ставший заводским механиком, говорит, что заводовладелец, «кутила и мот губит такие отличные заводы», то здесь звучит голос представителя трудовой массы, возмущающейся господской бесхозяйственностью, так как от этого страдают интересы самих рабочих. Епинет Мухоедов пытается утвердить чувство социальной общности у рабочих, но сам он остается послушным воле хозяев заводским служащим. А рядом действует равнодушная ко всему, кроме собственного обогащения, супружеская чета молодых врачей.

Видимо, в такой урезанной функции интеллигенции у Мамина-Сибиряка отражается то реальное явление уральской действительности, которое отмечал В. И. Ленин.

Мамин-Сибиряк показывает, как включение в процесс производства, крупного по масштабам, патриархального по характеру, делает интеллигента обязательным участником эксплуатации, что не только исключает иллюзии о надклассовости, но заставляет выбрать, на каком же из социальных полюсов стоять.

Отсюда, видимо, и идет маминское представление о социальной дифференциации интеллигенции и скептицизм в отношении народнических проектов и народнического понимания деревни.

Попадающие в поле зрения повествователя лица поражают нас скульптурной завершенностью и выразительностью. Несмотря на их обилие, каждый персонаж запоминается как определенное лицо и вместе тип. Мамин-Сибиряк рассматривал типическое как проявление внутреннего закона существования, который заметнее не в среднем, массовом, обычном, а в наиболее ярком или находящемся в кризисной ситуации, позволяющей полно вывиться сути человека. Поэтому у него тип всегда предстает в виде яркой индивидуальности. В очерках «С Ура-

ла» Мамин заметил: «Типов тут не оберешься; бери кисть и рисуй... Если столичная жизнь обезличивает и обесцвечивает людей, то Урал в смысле типичности является неиссякаемым источником — что-то сказочное и невероятное творится кругом»³.

Мамин-Сибиряк не очень интересуется развитием своих персонажей. Обычно они показываются лишь в различные моменты проявления их неизменной личности, характерных черт, постоянных, устойчивых, обнаруживающих структурные связи со средой, с различными сторонами социального бытия.

Сюжет рассказа не столько развивается, сколько течет, подчинен смене наблюдений, встреч повествователя. Очерки «В камнях» или «Бойцы» имеют сюжет, соответствующий последовательности сплавных операций. В повести «На рубеже Азии» он также подчинен лишь порядку отдельных наблюдений Кира Обонполова да течению реального времени. В таком текучем сюжете, естественно, главное внимание сосредоточено не на развитии жизни, а на проявлении в самом ее процессе новых черт личности, новых сторон народного бытия, на завершении портретов лиц и социальных групп.

Стремление понять личность как социальную величину приводит автора к очень важным выводам. Он относит добрые начала в личности человека к тому трудовому коллективу, который определяет участие каждого в общем деле. Способность талантливо, с душой, «одним плечом» выполнить работу, требующую к тому же тонкой сообразительности, развитой наблюдательности, выработанных навыков, подымает сплавщика Савоську над социальными обстоятельствами, в которых он принижен, беден, развращен. Проявляются иные качества его незаурядной личности.

Трудовой коллективный опыт и нравственные нормы, выработанные в труде, служат основой того положительного в личности человека из народа, что вспыхивает со всей силой в критические минуты перед лицом опасности, как это мы видим в «Бойцах».

Мамин далек от идеализации «артельных» начал. Он видит в золотоискательской артели не столько социаль-

---

³ «Новости и биржевая газета», 1884, № 107. См. также нашу публикацию в журнале «Урал», 1967, № 8, стр. 144.

ную клеточку, в которой вырабатывается «общность интересов», сколько просто трудовой коллектив, образовавшийся естественно, так как в одиночку работать невозможно. Несомненно, что условия труда в больших слаженных заводских коллективах, наблюдаемые Маминым с детства, и отражаются в своеобразной оценке трудовой основы характера и в трезвом взгляде на общинные начала.

Большую роль в рассказах писателя играет пейзаж, который всегда дается в сопоставлении с социальной жизнью. Неурядице социальной жизни, однако, противопоставлена не гармония природы, а законсообразность ее существования. Природа выступает как точка приложения душевных сил человека, хозяина земли. Это ярко проявляется в таких вещах, как «Лес», «На шихапе», «Бойцы», «Золотуха» и многих других.

Признание ценности коллективного трудового и социального опыта находит выражение в «многоголосии» рассказов, в предоставлении слова рассказчикам из народа. Вспомним хотя бы такой шедевр устного рассказа на основе народной поэтики, как повествование героя «Бойцов» Савоськи о своей жизни.

Еще до того, как этот сплавщик начал говорить о себе, писатель наблюдает его в самых различных жизненных обстоятельствах. Савоська поворачивается к нам контрастными сторонами своего характера. В конце очерка герой, который по мере знакомства с ним все ближе и ближе становится читателю, открывает душу, повествуя о себе. Перед нами раскрывается очень цельный человеческий характер, вызывающие уважение нравственные представления народа, глубокая и поэтическая любовь, в которой бездна истинной человечности.

Рассказана необычная жизнь обычного рядового человека. Но силой искусства воссоздается и типический характер, и типические обстоятельства его жизни. Рассказ Савоськи воспринимается во многом как чисто фольклорный, как сказ. В нем мы видим очень характерное сочетание бытовой детализации с поэтической приподнятостью, не дающей сказу сойти на уровень плоского бытописательства. В нем отчетливо выражена общая нравственная оценка человека, нравственные критерии человеческих отношений, характерные для рабочих сказов и сказов Бажова, очень тонко почувствовавшего специфику мысли и поэзии рабочих Урала. Любовь бажовских героев

очень напоминает любовь-дружбу, всю чистую атмосферу отношений Савоськи к семье.

Одной из художественных особенностей народных сказов Мамин-Сибиряк считал особую речитативную интонацию. В очерке «Аверко» он говорит, что отлившиеся в стереотипную форму рассказы о разбойниках ведутся «былинным речитативом». Эмоциональная организация речи естественно ведет к некоторой ритмической упорядоченности. В рассказе Савоськи постоянно встречаются такие речитативные, народно-сказочные интонации. Вот он рассказывает, каким был в молодости, и мы слышим почти песенную ритмизацию и образность: «Высокий, в крыльцах широкий, из себя молодец, хоть куда повернуть». Или о жене: «Эх, хороша была девушка Аннушка, бариц, а вышла замуж — еще стала краше да лучше».

В дальнейшем такие рассказчики будут выступать в очерках и рассказах «Гроза», «Клад», «В болоте», «На шихане». Драматизм их историй во многом определяется законами народной эстетики и поэтики. Сила, размах, здоровье — эстетизируются, устный рассказ строится по законам фольклорной поэтики, тяготеющей к острому драматизму, к типизации в необычном, к масштабности повествования об обычном, рядовом⁴.

Писатель не старается «упрятать» свою точку зрения, умышленно скрыть ее. Этого нет нигде. Но она, как угол зрения, позволяющий многое увидеть, постепенно складывается в лепке самих образов и характеров. Если материала достаточно и разнородные картины уже сложились в целое, Мамин-Сибиряк может включить в текст четкие публицистические формулы, которые в целом для него, для его рассказов и очерков не характерны. Напомню его формулу в рассказе «Все мы хлеб едим», где выражено антинародническое понимание крестьянства: «Современная деревня представляет арену самой ожесточенной борьбы, на которой сталкиваются самые противоположные элементы, стремления, инстинкты. Перестройка, если позволено так выразиться, классической деревни с семейным патриархатом во главе и с общинным устройством в основании совершается на наших глазах, так что можно

---

⁴ См. нашу статью «Настоящее народное поэтическое слово». — «Урал», 1962, № 11.

проследить во всей последовательности это брожение взбаламученных реформой элементов».

И все же появление таких авторских размышлений не позволяет полностью сблизить Мамина с такими писателями, как Глеб Успенский. Мамин не ставит целью мучительно доискаться истины, его личность не включена в горячий и временами прямо горячечный поиск этой истины. Он хочет обострить взгляд читателя, затронуть его душу, дать направление его анализу, но активность читателя не подавляется его собственными решениями и выводами.

Рассказы Мамина-Сибиряка представляют новый этап в развитии реализма, по-разному проявившийся в творчестве многих писателей. В своих рассказах он не столько разговаривал о жизни, сколько учил читателя «разговаривать с жизнью», разбираться в ее сложностях, во многом опираясь на принципы народной трудовой морали и эстетики.

Художник приучал читателей, отправляясь от единичного, стоящего перед взором, находить его внутренние законы, находить путем своеобразного соучастия в процессе жизни «те пружины и внутренние мотивы, которые заставляют этот мир радоваться и плакать, мучиться и наслаждаться» («Все мы хлеб едим»). Здесь есть определенное сходство с тем подходом к исследованию жизни, который был характерен для Глеба Успенского, хотя различие их творческих методов было велико.

Разумеется, было бы ошибочным думать, что отсутствие в рассказах Мамина-Сибиряка публицистически обнаженных решений объяснялось какой-то «индифферентностью» писателя или недостаточной эрудицией в социально-политических вопросах. Нет, Мамин был человеком, стоящим на уровне современного ему знания, науки, политических интересов времени. Его записные книжки свидетельствуют о том, что по ряду вопросов экономики, истории, горного дела, философии знания его превосходили осведомленность многих других писателей. На страницах этих книжек встречаются наброски и конспекты, связанные с чтением Шопенгауэра и Гартмана, Куно-Фишера и Кавелина, Ушинского и Прудона, массы статей из «Горного журнала» и книг по русскому искусству. У него есть интересные размышления об отставании критики от литературы, заметки по эстетике. Это был достаточно широко образованный человек.

Своеобразие позиции Мамина-Сибиряка, хорошо уловленное Лениным, проявилось во всем его творчестве. В книгах писателя мы встречаемся с выражением некоторых общих закономерностей в развитии реализма, связанных с повышением ценности воззрений каждой отдельной личности. Анализ особенностей реализма Мамина-Сибиряка помогает нам глубже понять связи его произведений с жизнью, яснее увидеть те глубинные жизненные источники, которые питали его творчество.

1969

ПЕРМСКАЯ СОТРУДНИЦА НЕКРАСОВСКИХ ЖУРНАЛОВ

Имя писательницы Анны Александровны Кирпищиковой, сотрудничавшей в передовых демократических журналах 60—70-х годов, незаслуженно забывается.

Дочь крепостного, свидетельница тяжелой и бесправной жизни рабочих в крепостную эпоху, лишь в зрелом возрасте получившая свободу, она вошла в ряды тех писателей, которые отстаивали интересы демократических масс в условиях буржуазно-дворянского государства.

Честную правду о народе несли первые рассказы писательницы, посланные на суд Н. А. Некрасова, который увидел в женщине с далекого Урала, не получившей никакого образования, честного человека и художника, достойного занять место на страницах «Современника» — лучшего журнала тех лет. Позднее она печаталась в «Отечественных записках», преимущественно связанных с закрытым правительством «Современником».

Близость Кирпищиковой к народу и передовым журналам эпохи не была случайной. Вся ее жизнь — это путь демократического писателя, вышедшего из народа, связанного с ним, с его интересами, надеждами и чаяниями.

Анна Александровна Кирпищикова родилась 2 февраля 1838 года в Полазнинском заводе на Каме. Ее отец Александр Григорьевич Быдарин был крепостным служителем Абамелек-Лазаревых, которые владели громадным лесным и заводским округом по Каме. Крепостной, кончивший заводскую школу, он из простых писцов в конторе дослужился до места управителя завода. А. А. Кирпищикова не получила никакого систематического образования. Грамоте ее научила мать, да в возрасте 12 лет она брала уроки у ученика заводского училища.

Лучшими учителями будущей писательницы были книги и народ, среди которого она, крепостная по рождению, жила с детства. Простые люди, талантливые в труде, бы-

щиеся в нужде, ненавидящие свое бесправие, дали ей первые жизненные уроки. Она видела тяжелую «огненную работу», слышала трудовой гул большой фабрики, проникаясь глубоким чувством уважения к труженикам, любовалась силой и ловкостью мастеровых, ворочающих в огне тяжелые крицы. Для нее это были близкие люди, жизнь которых текла у нее на глазах, их беды и радости волновали девушку.

С детства Кирпищикова много читала. Она воспитывалась на передовой русской литературе. Ее демократическое мировоззрение формировалось сочинениями В. Г. Белинского и «Колоколом» Герцена, стихами Некрасова и произведениями Салтыкова-Щедрина.

В феврале 1854 года, едва ей исполнилось 16 лет, А. А. Кирпищикова вышла замуж за крепостного учителя заводской школы, человека передовых взглядов, большого ценителя литературы. Он стал ее учителем и советчиком. Но жить на учительское жалование было тяжело, а помощь, которую оказывал Кирпищиков рабочим в их борьбе против заводладельцев, привела к увольнению с работы. Это еще более осложнило материальное положение семьи.

Первый свой рассказ «Антон Григорьевич Мережин» Кирпищикова написала в 1864 году и, отослав его, по совету мужа, в «Современник», с трепетом ждала ответа. Рассказ был принят и напечатан в 1-й книжке журнала за 1865 год. В том же году, лишившись работы в Чермозе, Кирпищиконы переехали в Пермь, где им пришлось вести трудную, полную лишений жизнь. Сразу же после переезда А. А. Кирпищикова направила в «Современник» новый рассказ — «Порченная» и начала работу над повестью «Как жили в Куморе», предназначавшейся для того же журнала. Но наступление реакции привело к закрытию боевого органа революционной демократии, и повесть была напечатана в «Отечественных записках».

А. А. Кирпищикова была вынуждена помогать мужу содержать семью: к 25 рублям, которые получал муж, она прирабатывала еще 10—15 рублей в месяц, занимаясь шитьем. В семье, несмотря на нужду, жил интерес к передовой мысли, к науке. Отрываясь от швейной машинки, Кирпищикова читает Бокля, Салтыкова-Щедрина, Некрасова. Но писательская деятельность в эти годы глохнет. Для нее не остается времени. Надо воспитывать троих де-

тей. Лишь после окончания гимназии старшей дочерью положение семьи улучшилось, и Анна Александровна вновь возвратилась к творческой работе, хотя и теперь писать приходилось урывками. К 1876 году ею была написана большая автобиографическая трилогия, состоящая из повестей «Прошлое», «Недавнее» и «Двадцать пять лет назад». Рукопись была послана М. Е. Салтыкову-Щедрину в «Отечественные записки». Великий сатирик одобрительно отозвался о новых произведениях писательницы. В 1876 году в декабрьской книжке «Отечественных записок» было напечатано «Прошлое». В августе 1877 года в журнале появилась и вторая часть трилогии — «Недавнее».

Улучшившееся материальное положение позволило Кирпищиковой в августе 1877 года первый раз в жизни поехать в Москву и Петербург. Здесь Кирпищикова встретила с Салтыковым-Щедриным, который принял ее очень тепло, но возвратил рукопись очерка «Двадцать пять лет назад», так как по цензурным условиям ее нельзя было напечатать, не навлекая тяжелых репрессий на журнал.

В «Отечественных записках» в декабре 1878 года были напечатаны очерки горнозаводской жизни «Петрушка Рудометов».

Открывая первую частную газету на Урале «Екатеринбургская неделя», редактор П. К. Штейкфельд пригласил Кирпищикову сотрудничать в ней. Однако за девять лет в газете было напечатано лишь два рассказа писательницы, хотя послала она их туда в общей сложности около десятка. Слишком противоречили ее рассказы общему направлению газеты, которая, прикрываясь «для приличия» флагом оппозиции, на деле служила интересам заводчиков. Только в 1888—1890-х годах, уже при новом редакторе, «Екатеринбургская неделя» напечатала возвращенную Салтыковым повесть «Двадцать пять лет назад», рассказы «Горькая доля», «Из-за куска хлеба» и повести «Катерина Алексеевна» и «К свету и жизни».

В 1902 году 64-летней писательнице удастся выпустить в издательстве Дороватовского и Чарушникова свою первую книгу, где были собраны повести и рассказы. Вторая книга вышла в 1909 году.

Писательница жила еще долго. Она умерла на 90-м году жизни, 17 июня 1927 года в Перми. За год до смерти,

в мае 1926 года, ее деятельность была отмечена Пермским университетом и газетой «Звезда». Престарелая писательница, основной темой творчества которой был народ, увидела, с какой теплотой и любовью относится к ее заслугам новый советский читатель, тот свободный человек, во имя которого трудилась она на русской литературной ниве.

Салтыков-Щедрин, анализируя творчество Решетникова, увидел в том трезвом реализме, с каким раскрывается в его книгах жизнь трудового люда, отражение самих условий существования народа. Писательницей нового демократического лагеря показала себя в своих произведениях и Кирпищикова. В рассказах и повестях о жизни народа, рабочей массы она выступила соратницей своего земляка и современника Решетникова, с которым вместе вошла в лучшие передовые журналы тех лет.

В первых рассказах Кирпищиковой «Антон Григорьевич Мережин» и «Порченая» ярко выразилась демократическая точка зрения автора.

Сказовая форма рассказа «Антон Григорьевич Мережин» (повествование ведется от лица деревенской старухи) позволяет автору естественно передать не только житейские события, но и характер отношения народа к этим событиям. При этом Кирпищикова не прибегает к стилизации деревенской речи. Передавая речевой стиль представителя народной массы, Кирпищикова говорит естественно, в той манере, которая была усвоена ею с детства.

В рассказе показана одна из темных сторон крестьянской жизни — снохачество. Героиня его Варвара подвергается преследованиям свекра, кулака и деспота. Но Кирпищикова рисует не только темноту, невежество, бесправие. Она показывает, что в Варваре сильно чувство достоинства, чести. Стойкость этой простой женщины, отказавшейся подчиняться обстоятельствам, убедительно говорила читателю о тех родниках живых сил, которые существуют в народе.

Второй рассказ — «Порченая» — также посвящен тяжелому положению женщины в деревне. Героиня рассказа ждет из солдатчины мужа, любя его, мечтая о встрече с ним, томится от одиночества. Горе ее усиливается трагической смертью ребенка. Но приходит муж, ставший чужим. Он пьет, изменяет жене. Любовь в душе женщины

сменяется ненавистью. Но ни мужу, ни окружающим не понятны ее чувства. Семейная жизнь в этом темном царстве строится не на любви, а на хозяйственном расчете. Поэтому окружающим кажется странным поведение героини. Стремясь объяснить ее поведение, исходя из привычных представлений, они приходят к выводу о том, что она «порченная». Рассказ заканчивается гибелью героини в лесу, где она заблудилась, стараясь уйти от безысходной тоски, сознавая невозможность изменить положение.

В образе «порченной» отразились те же самые тенденции развития русской жизни, которые так ярко выступили в «Грозе» Островского, — пробуждение естественного стремления вырваться из сковывающих и уродующих человека отношений крепостничества, из «темного царства» домошроевской морали и быта.

Эти два рассказа строились на материалах жизни деревни, знакомой Кирпищиковой с детства. Тема жизни заводских мастеровых зазвучала в следующих произведениях писательницы — повести «Как жили в Куморе» и напечатанных позднее в «Отечественных записках» очерках горнозаводской жизни «Петрушка Рудометов».

Большая повесть из заводской жизни «Как жили в Куморе» вводила в литературу новые типы — рабочих крепостного завода. Актуальность повести определялась тем, что «реформа» на уральских заводах не уничтожила полностью прежней системы эксплуатации. Таким образом, можно сказать, что Кирпищикова в повести стремится показать не столько изжившее себя историческое прошлое, сколько настоящее — хотя события, развертывающиеся в этом произведении, рядом признаков привязаны к 40—50-м годам. Рабочие в повести еще не поднимаются до осознания единства классовых интересов и понимания угнетения как системы, но их ненависть к насилию, самоуправству, произволу управителей и приказчиков верно передана чутким автором-реалистом.

Заглавие повести определяет ее композицию. Автор свободно вводит в повествование различные эпизоды «жизни в Куморе», связывая их в нескольких сюжетах, имеющих самостоятельное значение, но объединенных единством героев.

Кричный мастер Набатов, добрый по натуре человек, узнав о том, что его дочь забеременела от приказчика, зверски избивает ее. Умирает ребенок, рожденный изуве-

ченной Натальей, гаснет и умирает она сама. Набатов потрясен. Он страдает оттого, что сам свел дочь в могилу. Но главным виновником он считает приказчика Чиждова, своевольного, властного, пользующегося своим положением. Ненависть кипит в Набатове. Он поднимается до понимания общего антагонизма интересов рабочих и хозяев.

На пожелание племянника Гриши — «Пусть бы поскорее убрали приказчика Чиждова» — Набатов отвечает со злобной иронией: «Недостаток у нас в рабочих бывает, а в начальниках никогда».

Гриша любит Груню, внучку старика Савелия. Но Чиждов, погубивший Наталью, теперь преследует Груню. Ненависть к Чиждову поднимается и в Грише, от которого приказчик старается избавиться. Из кричной фабрики он переводит его в конюхи, а когда другой приказчик за взятку живыми стерлядями снова возвращает его в завод и ставит подручным к лучшему мастеру Набатову, Чиждов возводит клевет на Гришу, заковывает его в кандалы и отправляет на дальний Алакшинский рудник.

Набатов готов расправиться с Чиждовым. Но приказчик из-за служебных неприятностей неожиданно кончает жизнь самоубийством. Видимо, писательница хотела этим как-то оборвать неразрешимо острый конфликт. Повесть кончается женитьбой молодой пары, для которой Набатов стал родным отцом. Гриша и Груня мечтают о честной, достойной трудовой жизни.

В повести очень точно очерчен образ кричного мастера Набатова, переживающего сложную душевную драму. Он выступает в защиту общих интересов рабочих в их столкновении с Чиждовым из-за введения работы по воскресеньям. Он смело говорит приказчику, бросившемуся на рабочих с кулаками: «Молод ты еще толчками-то нас кормить, мы не за тем пришли». И его стремление к мести переходит с личной почвы на общественную. В последующем разговоре с Гришей он обнаруживает понимание, что дело не в одном «плохом» приказчике. Он говорит обо всем начальстве: «Ишь, варнаки, хомутаются над нами всячески, готовы из нас жилы-те вытянуть, не то ли, что чего», «Кровь ведь они нашу пьют... В работе морят словно скотину, да еще и девкам-то нашим житья от них нету».

Писательница проникновенно рисует, как гнев на дочь, связанный с потерей надежды породниться со «служи-

тельским классом», сменяется жалостью к ней. Настоящая отцовская любовь порождает ненависть к такой системе отношений, при которой «они», хозяева, делают с рабочими что хотят. Кирпищикова в 60-х годах прошлого века не могла, конечно, увидеть иных, развернутых форм протеста, но, раскрывая психологию тружеников, она весьма убедительно нарисовала процесс постепенного формирования сознания рабочих, еще не сложившихся в класс. Этот процесс осложнялся особенностями капиталистического развития на Урале, где рабочие были и после 1861 года привязаны к заводу крошечными участками земли, что создавало иллюзию некоторой независимости, возможности жить не одним только заводским трудом. Кирпищикова еще не понимала, что это была иллюзия, выгодная лишь заводладельцам, и, отражая сознание патриархальных рабочих масс, вместе со своими героями Гришей и Груней мечтала о соединении заводского труда с работой на своей земле.

Во вводных эпизодах, связанных с пребыванием Гриши на Алакшинском руднике, куда он был сослан, Кирпищикова анализирует крепостническую экономическую систему, показывая, что она враждебна не только массе народа, но и интересам национального развития страны.

В рассказе «Петрушка Рудометов» рисуется жизнь уральского рабочего люда в 70-е годы. Рудничный рабочий Петрушка Рудометов в начале рассказа — добрый, трогательно наивный бедняк, страдающий от нищеты, от сознания, что эта нищета препятствует его счастью. Петрушка начинает пьянствовать, ища забвения в вине. Желая как-то выбиться, встать вровень с другими и в то же время удовлетворить свою страсть к охоте, он крадет ружье. Перед ним открывается возможность прирабатывать охотой. Но пьянство все больше и больше затягивает его. Рушится избушка, единственная его собственность, и уходит на дрова предприимчивому соседу. Беды сыплются на голову несчастного. Хозяин ружья поймал Петрушку и обвинил его в воровстве. Сейчас же ему были приписаны и другие преступления, случившиеся на заводе. Рабочий попал в тюрьму. Он возвращается на родину больной, измученный тяжелой рудничной работой и острогом, одинокий. Петрушка умирает, мечтая о лучшей жизни, стремясь перед смертью вздохнуть полной грудью, почувствовать свежий запах леса, увидеть широкие родные просторы.

Типические явления тяжелой безрадостной жизни, уродующей человека, правдиво раскрываются писательницей. Она показывает, что добрые чувства человека гибнут в атмосфере рабства, бесчеловечной эксплуатации, бессердечия, основанного на власти собственности. В ненапечатанной главе рассказа была трогательная деталь: Петрушка помогает дьякону украсть сено с общественного луга за единственную награду: тот должен сыграть Петрушке на скрипке. Своекорыстию дьякона противопоставлялась бескорыстная любовь рабочего к искусству.

В 1876 году писательница начала печатать в «Отечественных записках» цикл автобиографических повестей под общим заглавием «Из записок управительской дочери». Последняя, третья часть воспоминаний «Двадцать пять лет назад» по цензурным условиям смогла быть опубликована только через 12 лет на страницах «Екатеринбургской недели» (в 1889 году). В повестях этих много живых воспоминаний детства и юности.

В воспоминаниях, написанных на высоком уровне художественности, Кирпищикова развивает две основные темы: тему формирования разночинной интеллигенции из крепостных и тему положения рабочих. В той части воспоминаний, которые относятся к ее ранним годам, Кирпищикова рисует восприятие жизни девочкой, хотя и крепостной, но принадлежавшей к семье «служителей», своего рода крепостных интеллигентов.

В главе «Пожар на резной» писательница создает образ старика инвалида, сторожа, оказавшегося невольным виновником пожара. Избитый приказчиком, он бросается в огонь, чтобы спасти свой зипун, и погибает. Мы видим бесправное положение рабочих, примитивизм их сознания, еще подчиненного патриархальным представлениям. Девочка знакомится и с трагедией девушки из «служителей», кончившей жизнь самоубийством из-за того, что она «связалась» с «мастеровым». Противоречия живого чувства и косных норм отношений между людьми заставляют ее задумываться.

В одной из глав повести «Прошлое» писательница рисует картину «бунта» рабочих в крепостную эпоху. Много наивного патриархализма в этом выступлении, и кончается оно тоже патриархально: рабочие «из уважения» к управителю принимают за работу. Но стремление их защитить свои интересы коллективным отказом от работы

уже знаменательно. В крепостном рабочем Киришицкого видит черты глубокой человечности, любви к детям, трудовую энергию, силу сопротивления темной жизни.

Становится старше наблюдающая жизнь героиня записок, обостряется и восприятие ею действительности. Эпизоды трудной и бесправной жизни рабочих формируют сознание будущей деятельницы демократического движения.

Наибольший интерес представляет последняя часть записок — «Двадцать пять лет назад», рисующих время непосредственно после реформы 1861 года.

Писательница присутствует при разговоре двух мастеровых. В этом разговоре вскрывается грабительский характер реформы и несколько наивное еще представление рабочих о своих правах и гуманности заводладельца. Речь идет об уставной грамоте — основном документе, который определял новые отношения рабочих к заводчику. Покося и усадьбы свои мастеровые должны «выкупить» у заводладельца. Это никак не укладывается в патриархальном сознании мастеровых, еще готовых апеллировать к началам вечных истин и добродетели, к здравому смыслу. Писательница убедительно показывает, что единственный смысл реформы и заключался в ограблении освобожденных, в создании такой армии труда, которая была бы вынуждена искать приложения сил на любых условиях, предложенных «барами», сохранившими все преимущества.

Вспоминая о крепостническом прошлом, старики рассказывают о времени, когда рабочих сажали на цепь, заковывали в колодки. Девушка, героиня записок, хочет думать, что теперь, после реформы, ничего подобного нет. «Но теперь-то ведь этого не делает никто?» — спрашивает она деда и слышит в ответ: «Чего не делает? Все то же делают, чего и было. Колодки и рогатки сожгли, а кулак-то ведь остался, — упрямо повторял дедушка. — Ты думаешь, что съездил наш управляющий за границу, на выставку, — так стал гуманный! Это только слово к нам залетело по ветру».

Такова оценка реформы, не оставляющая никакого сомнения в характере мировоззрения автора. Дальнейшие эпизоды борьбы поверенного мастеровых Первушина, умершего в царской тюрьме, раскрывают единство интересов управителей-заводчиков и правительства, становится ясно,

что рабочим неоткуда ждать помощи. И в непосредственной связи с этим писательница рассказывает о том, как группа крепостных интеллигентов организовала в 1863 году на заводе «Общество вольности». Деятельность этого тайного общества — одна из ранних попыток пропаганды революционных изделий среди рабочих Урала.

В последней части трилогии писательница рисует дальнейший рост и формирование новой демократической интеллигенции, воспитывающейся на идеях революционной демократии. Кажется, она единственная в русской литературе составила яркую картину того, как отражалось в глухой провинции, в заводском округе, демократическое движение 60-х годов.

Прекрасно зная среду, сама пройдя такой же путь формирования трудовой демократической идеологии, Кирпищикова раскрывала и новые человеческие эмоции, психологию честных демократических деятелей второго этапа русского освободительного движения.

Повесть «К свету и жизни», рассказы «Из-за куска хлеба», «Горькая доля» и «Катерина Алексеевна», как и самые первые произведения Кирпищиковой, посвящены судьбе женщины в тяжелых условиях буржуазно-крепостнического общества.

Из-за куска хлеба батрачит обиженная жизнью и людьми Федосья, гнет спину на кулака, пользуясь его «благоденностями» в виде рваной кофточкой или стоптанных башмаков. Встреча с таким же одиноким, изувеченным на работе Степаном определяет ее дальнейшую судьбу. Она чувствует, что может рассчитывать на его помощь, и смело выступает против кулацкой эксплуатации, отказываясь безмолвно повиноваться тем, кто ее грабил. Выйдя замуж за Степана, Федосья уходит с ним в город. Эта пара пополняет ряды городского пролетариата. Рост возмущения даже самой забитой части населения — женщин — отмечает в рассказе писательница. Она правильно рисует и пути формирования пролетариата России из среды полумастеровых-полукрестьян, порывающих с прежними местами крепостнического прикрепления и уходящих в широкий коллектив рабочих, не знающих территориальной замкнутости.

Большой интерес представляет вводный эпизод рассказа, посвященный недавнему крепостническому прошлому. Степан Калиныч «помнил, как горько плакала его тетка

о своем сыне, служившем в лакеях и променянном помещиком на пару собак. Помнил, как за этих же самых собак, посланных в имение из Москвы с другим служащим, тот чуть не угодил в солдаты. Помнил и сам читал бумажку, привезенную им из Москвы управляющему, где было написано: «Посылаю в имение пару собак хорошей породы и с ними одного скота. О собаках позаботиться, чтоб был приплод, а скота пустить на подножный корм, потому что негодяй».

Рассказ «Горькая доля», социально менее острый, интересен как попытка раскрыть психологию женщины, стремящейся к свободе, самостоятельно строящей свою судьбу.

Психологический характер носит рассказ «Катерина Алексеевна», напечатанный в 1892 году. Здесь социальная тема звучит сильнее, чем в предыдущих рассказах. Драматичнее события, связанные с «незаконной любовью» управительской дочери к крепостному. Сильный и своевольный характер женщины, борющейся за свою любовь, нарисован убедительно и живо и свидетельствует не об угасании, а о росте таланта писательницы.

Последняя повесть Кирпищиковой «К свету и жизни» посвящена становлению характера молодой одинокой девушки — учительницы. Эта повесть неудачна в композиционном отношении, да и во всех отношениях она значительно слабее других произведений писательницы.

Не все равноценно в творческом наследии Кирпищиковой. Но лучшие ее рассказы и повести и сегодня представляют для нас интерес. Среди других писателей-демократов, сотрудников «Современника» и «Отечественных записок», А. А. Кирпищикова занимает небольшое, но заслуженное место рядового бойца передовой демократической литературы 60—80-х годов.

ГЛАЗАМИ ЧЕСТНОГО СВИДЕТЕЛЯ

А. Погорелов — литературный псевдоним Алексея Сергеевича Сигова, талантливого писателя-уральца, печатавшегося в столичных журналах 1890—1900 годов.

А. С. Сигов родился 10 февраля 1860 года в Перми. Отец его был крепостным Всеволожских, владевших несколькими заводами на Каме, и работал конторщиком, а затем правителем дел в Майкорском заводууправлении.

Детство писатель провел в захолустных заводских поселках и в Красноуфимске, где отец его занимал тогда должность мелкого служащего уездного земства. Десяти лет Сигов начал учиться во втором классе городской школы, а в 1875 году перешел во вновь открытое Красноуфимское реальное училище. С 1878 года будущий писатель продолжал образование в Пермском реальном училище. Здесь он не только содержал себя, давая уроки ученикам младших классов, но и помогал семье.

Мировоззрение Сигова складывается под воздействием раннего народничества. Захваченный стремлением к освобождению народа, он едет в Петербург — центр общественного движения 70-х годов. Сигов учится в институте гражданских инженеров уже после разгрома правительством революционной организации народников, в условиях жестокой политической реакции. Несмотря на это, он устанавливает связи с остатками партии «Народная воля», в частности с известным поэтом П. Ф. Якубовичем-Мельшиным, и ведет революционную работу среди студенчества.

В 1883 году Сигов уехал из Петербурга, спасаясь от полицейского преследования, и поступил на работу техником в городе Балахне Нижегородской губернии. В декабре того же года он был арестован и заключен в печально знаменитую Пугачевскую башню в Нижнем Новгороде. Здесь он провел 8 месяцев. Из-за отсутствия улик дело его было прекращено, репрессии ограничились высылкой на родину под надзор полиции.

Последующая двадцатилетняя работа в земстве, связанная с постоянными разъездами по деревням и заводам Урала, дала Сигову большой материал для его литературного творчества. Писатель часто выступал защитником рабочих и крестьян в их земельных спорах с заводоуправлениями и пользовался популярностью как ходатай по делам бедняков.

Творческая деятельность Сигова началась в 1895 году, когда в журнале «Русская мысль», где печатались А. П. Чехов и молодой А. М. Горький, был опубликован первый его рассказ «Мрак» под псевдонимом А. Погорелов, который с тех пор становится постоянным. В 1897 году в том же журнале напечатан рассказ «Среди ночи».

С 1899 года произведения А. Погорелова публикуются в народническом журнале «Русское богатство». У него устанавливаются дружеские связи с В. Г. Короленко, занимавшим в журнале более прогрессивную демократическую позицию, чем другие руководители «Русского богатства». В этом журнале писатель помещает большой роман «Перед грозой», отмеченный В. Г. Короленко в статье «О сложности жизни». Далее следуют повесть «Омут» (1900), рассказы и очерки «Мохов» (1901), «Впотьмах» (1902), «Аликаев камень», «Тишина» (1905), «Мать» (1906).

В 1900 году рассказ «Мрак» и роман «Перед грозой» были выпущены отдельной книгой в издании С. Дороватовского и А. Чарушникова.

В 1905 году Сигов переехал в Петербург, рассчитывая закрепить литературные связи. Служба в уральском земстве стала невыносимой, так как радикальные элементы в нем преследовались. В столице писатель, чтобы прокормить семью, вынужден поступить на службу в тарифный отдел акционерных страховых обществ.

Отрыв от уральской действительности, которая давала материал для творчества, перегруженность на службе, новая историческая обстановка, в которой писатель не мог разобраться, — все это привело к тому, что творческая деятельность его после революции 1905 года прекратилась.

В 1917 году издательство «Задруга» предприняло выпуск собрания его сочинений. Но вышел только первый том. Он был отпечатан в типографии Московского Совета.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию писатель встретил совсем больным. Он умер от рака легкого 19 января 1920 года в Ставрополе.

В литературе 90-х годов, когда в нее вошел А. Погорелов, реалистическое искусство вело борьбу с декадентством. И А. Погорелов с первых же шагов выступает как писатель-реалист. Хотя некоторые идеи народничества, близкие автору, иной раз мешали остроте его зрения и снижали силу и яркость изображения им действительности, однако реалистический художественный метод, верность боевым, общественным традициям предшественников, живое внимание к жизни позволили Погорелову занять место среди демократических писателей того времени. Ему оказалась недоступной революционная теория марксизма, он не понял исторической роли пролетариата. И все же резкая критика писателем социально-политических порядков вливалась в общий поток борьбы против самодержавия и капитала в период нарастания революции 1905 года.

В сравнительно небольшом литературном наследии писателя отчетливо выделяется несколько основных тем, действительно важных для периода 1895—1905 годов. Одной из главных тем, в разработке которой А. Погорелов продолжает Мамина-Сибиряка, была тема развития русского капитализма. Он разрабатывает ее в романе «Перед грозой», в очерке «Мохов», написанном в одно время с «Молохом» Куприна. Значительное внимание А. Погорелов уделяет разоблачению самодержавно-полицейского произвола и политической реакции, что также характерно для многих его современников. Обе эти темы были тесно связаны с темой народа и интеллигенции. Погорелов настойчиво пытался осмыслить положение интеллигенции в современном ему обществе, определить ее гражданскую ценность.

Само заглавие одного из первых его рассказов — «Среди ночи» — символично. Русская интеллигенция, о которой идет речь, живет в мрачное для нее время, когда кругом ночная тьма. Аллегоричен и заключительный пейзаж — рассвет, разгоняющий мрак.

Во многих произведениях Погорелов обнажает несостоятельность народнических представлений о ведущей роли интеллигенции в истории. Сам писатель, несомненно, рассматривал свое творчество как призыв к идейному и нравственному обновлению «культурного слоя».

Погорелов рисует заводскую уральскую интеллигенцию на новом этапе исторического развития. Когда-то в произведениях Кирпищиковой был показан процесс формирования демократической интеллигенции, связанной с народом и по происхождению, и по бесправному положению. В творчестве Погорелова мы встречаемся с потомками интеллигентов 60-х годов. Эти люди стали по существу одним из звеньев цепи, сковывающей народ. Их деятельность антигуманна. Правда, от своих отцов они унаследовали добрые мысли о народе, но мысли эти ни к чему не обязывают и никуда не ведут, лишь изредка заставляя «болеть их совесть».

В рассказе «Мрак» инженер Псалтырин, управляющий заводским округом, чувствует раздвоение между «идеалами» и настоящей своей жизнью. Он сам в минуты самоанализа говорит: «Везде одно и то же: грабеж, насилие, без стыда, без совести, без малейшей жалости к человеку... Я тоже ведь честный человек потому только, что, живя как тунеядец и паразит, не украл ни одной копейки с грубостью и наглостью мелкого вора». Связанность буржуазного интеллигента практикой капиталистической эксплуатации, обусловленность его действий не идеальными представлениями о «разумной норме», а местом в обществе, раздираемом противоречиями, изображена в рассказе с незаурядной художественной силой. Этот человек хоть изредка еще чувствует угрызения «больной совести».

В романе «Перед грозой» дается другой вариант такого интеллигента. Земский агроном, либерал Толмачев, прodelывает эволюцию от защиты «справедливости, добра, народных интересов» к прямому предательству, озлоблению против народа. Он становится земским начальником горнозаводского округа и послушным орудием в руках управляющего. Такое классовое «самоопределение» буржуазной интеллигенции — живо схваченное писателем явление действительности. Но А. Погорелов придает этому явлению слишком большое значение. Стараясь понять причины превращения «честного» Толмачева в бесчестного помощника тех, кто угнетает народ, он растягивает заурядную историю на целый роман. Личность же героя ничтожна, его помыслы и действия мелки.

Положительный образ интеллигента Чагина, сохранившего свою оппозиционность по отношению к капиталистическому хищничеству и самодержавию, — не удался По-

горелову. Марксист Салмин, в том же романе, обрисован как энергичный, знающий, целеустремленный человек. Но писатель, не понимавший марксизма, приписал ему циничное отсутствие заботы о нуждах рабочих, деятельность лишь во имя отдаленных целей.

В романе встречаются яркие эпизодические образы: крупный буржуа Смолин, деревенские ходоки, губернатор. Особенно живо воспроизведены сцены заводской жизни, в которой автор замечает новое — стремление рабочих к смелому, самостоятельному решению вопросов жизни.

В рассказе «Аликаев камень», напечатанном в 1905 году, Погорелов изображает инженера Конюхова как человека, вполне осознающего свою враждебность народу и лишь маскирующегося лживыми разговорами о единстве интересов мастеровых и заводчиков.

Интеллигент Кленовский, «помогающий народу», совершает предательство, спасая собственную жизнь, а затем становится прокурором. В качестве положительного героя в рассказе выведен слабовольный, уставший, бездействующий Светлицын. В этом образе нет ни последовательности, ни логики: человек, не имеющий в начале рассказа почти никаких убеждений, в конце становится чуть ли не единственным носителем идейности и порядочности. Правда, в рассказе есть еще одно эпизодическое лицо, в котором намечен тип новой марксистской интеллигенции, последовательно отстаивающей народные интересы. Это Катя, погибшая в ссылке. Но этот образ не играет в сюжете почти никакой роли.

После революции 1905 года А. Погорелов делает попытку нарисовать образ революционера в рассказе «Мать». Но идейно-политическое содержание деятельности сына-революционера почти не раскрыто. Писателя здесь интересует мать, ее самоотверженная любовь к сыну и к правде, во имя которой она благословляет его на подвиг. Неопределенность революционного подвига, представление о неизбежности гибели лучших накладывают на рассказ отпечаток эскизности, недосказанности, неполноты мысли, объясняющейся недостаточно ясным пониманием новой пролетарской революционности.

Для писателя Погорелова характерно стремление нарисовать широкую картину экономического и политического положения народа в условиях буржуазного общества. Он показывает, что рабочие и крестьяне Урала ограб-

лены сворой хищников, связанных общими интересами и круговой порукой. В рассказе «Мрак» решение вопроса о выделении погорельцам леса на постройку новых домов оказывается невероятно сложным, так как на народном несчастье хотят нажиться и смотритель завода Голубев, и старшина, а управляющий заводом инженер Псалтырин целиком находится в их руках.

В романе «Перед грозой» раскрывается механизм двойной эксплуатации уральских мастеровых. Они получают ничтожную плату, и, кроме того, их обсчитывают, продают им продукты втридорога. Потрясающие картины разорения обезземеливаемых бывших заводских крестьян нарисованы Погореловым в рассказе «Впотьмах». Рассказ «В глуши» раскрывает угнетение деревни кулаком.

Все эти картины не составляют композиционного центра произведений. Это связано с тем, что народ чаще всего выступает лишь в качестве объекта авторского сострадания, а главное внимание уделяется интеллигенции. Однако в ряде рассказов Погорелов показывает рост возмущения рабочих, формы их коллективного, энергичного отпора хозяевам. В рассказе «Впотьмах» — это осада рабочими дома управляющего. В романе «Перед грозой» заводские мастеровые выносят на сходе решение убрать управляющего. Они торжественно вывозят из завода ненавистного администратора на тройке разномастных кляч с шутовски наряженным кучером. В «Аликаевом камне» рабочие справляются с заводской администрацией, которая при помощи полиции арестовала было представителей, выделенных коллективом для переговоров.

А. Погорелов показывает организованные коллективные действия рабочих, но он не видит в рабочем классе силы, способной к исторической борьбе против капитализма, силы, которая сметет строй порабощения. Народнические идеи мешают ему видеть это. Погорелов в своих произведениях повествует о том периоде, когда русская буржуазия утверждала себя не только экономически, но и в качестве политической реакционной силы.

Художественно законченный образ кулака-мироеда, превращающегося в крупного капиталистического дельца, писатель нарисовал в очерке «Мохов». Все махинации этого дельца находят юридическое и «нравственное» оправдание со стороны интеллигентов, пресмыкающихся перед его богатством.

Новый тип буржуа раскрывается Погореловым и в большой повести «Омут». Купец Бутылин всю жизнь подчинил целям наживы. Это стремление привело к распаду его семьи. Сын Бутылина стал босяком, опустившимся человеком, совершенно чуждым интересам отца. В повести герой показан в момент, когда по ряду обстоятельств он, подобно горьковскому Фоме Гордееву, начинает критически воспринимать окружающую действительность. Это дает возможность писателю создать глубоко типические картины жизни буржуазного общества, жизни страшной, гнусной и мерзкой. Погорелов, конечно, не считает, что купец-самодур способен переродиться. Нетипическая, исключительная ситуация используется писателем для острого критического анализа исторически значительных процессов жизни, хотя критика действительности ведется и не с позиций передового революционного класса.

В композиционном отношении повесть «Омут» оказалась несовершенной. Писатель не смог отобрать материал, так как четкая идейная задача у него отсутствовала.

Талант Погорелова был незаурядным. Он умел видеть людей в связи с явлениями социально-политической жизни. Он хорошо воспроизводил разнообразные психологические состояния героев и создавал индивидуализированные портреты, запоминающиеся, выражающие суть характера. Актуальной была тематика его произведений. Но Погорелов постоянно испытывал давление не изжитых до конца народнических идей. Это ограничивало его возможности, приводило к известной недоговоренности, композиционной рыхлости его произведений, нечеткости самих художественных образов. Тем не менее писатель-реалист не мог целиком подчиниться фальшивым доктринам. Живая жизнь была сильнее. Критика Погореловым капитализма, самодержавия, буржуазной интеллигенции помогала пониманию истинного направления исторического развития. Эта критика и сегодня помогает советскому читателю, сравнивая прошлое и настоящее, с особым чувством гордости ощутить величие новой, социалистической эпохи.

ПИСАТЕЛЬ ГОРЬКОВСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

«Болят душа за злую русскую жизнь, за людей, что бьются во мраке сотни лет, за дорогие идеалы, что растоптаны бывают. Хочется мучительно света, счастья народного, солнца и борьбы за грядущее», — так писал о том, что волновало его до боли сердечной, Александр Гаврилович Туркин, один из несправедливо забытых провинциальных литераторов конца XIX — начала XX века.

Эти слова хорошо выражают демократическую позицию писателя-реалиста, одного из тех писателей, которые после революции 1905 года группировались вокруг А. М. Горького. В рассказах А. Туркина из жизни уральских рабочих, крестьян, заводской интеллигенции отразились многие особенности развития Урала, своеобразие его «особого быта» в эпоху первой русской революции.

1.

Александр Гаврилович Туркин родился 23 февраля 1870 года в поселке Верхне-Уфалейского завода на Южном Урале.

Этот завод, построенный еще в середине XVIII века, известный наряду с другими большими заводами Урала, в то время находился в состоянии застоя. Пережитки крепостничества тормозили дальнейшее развитие производства.

Большой заводской поселок Верхний Уфалей, каким он сложился раньше, таким и оставался без больших перемен до конца XIX века. По-прежнему около громадного заводского пруда лепились маленькие домики мастеровых с большими огородами, с хлевами. От заводских строений широкие зеленые улицы взбирались на пригорки, стремились к темным лесам, что со всех сторон окружали поселок. Оттуда везли в больших коробах черный древесный уголь. Круглый год катились к прожорливым доменным печам двухколесные дощатые тележки с бурой рудой. Из

кирпичных строений фабрики доносился неумолчный шум паровой машины, тяжелые вздохи старых мехов, дающих дутье печам, равномерный гул прокатного стана.

На заводских работах было занято до тысячи человек. Техника была самой примитивной. Смена продолжалась двенадцать часов. Мастерские страдали и от тяжелых условий труда, и от необеспеченного существования, и от постоянной тревоги за дальнейшую судьбу, и от бескультурья.

Впрочем, некоторые технические усовершенствования на заводе все-таки вводились. Для этого требовались более грамотные рабочие, и заводоуправление ничего не имело против того, чтобы земство открывало начальные школы. Так, в Верхнем Уфалее в 1872 году была открыта школа. Здесь и получил начальное образование Александр Гаврилович Туркин, внук крепостного мастерского, сын мелкого заводского служащего Гавриила Филипповича Туркина.

В 1882 году, двенадцати лет, Туркин начал свою трудовую жизнь, став рассыльным в конторе завода. Как раз в тот год Уфалейские заводы, принадлежавшие наследникам Губина, после ряда махинаций перешли в руки акционерной компании. Судьба этих заводов была описана Маминым-Сибиряком в романе «Приваловские миллионы».

Дядя Александра Туркина был нотариусом в Челябинске. Он взял племянника к себе и помог ему продолжить образование. Туркин закончил Челябинское городское училище, прослужил несколько месяцев в земской управе писцом, а в феврале 1890 года поступил счетоводом в контору Нижне-Уфалейского завода, куда к тому времени переехал его отец.

В маленьком поселке с четырьмя тысячами жителей жизнь Туркина тянулась однообразно и томительно. Получал молодой счетовод 25 рублей в месяц. Как и мастерским, ему не раз приходилось испытывать унижения, сталкиваясь с наглой администрацией. Его коллеги пьянствовали, дрожали перед начальством, наживали чахотку, сплетничали. Может быть, от желания показать людям бессмысленность такого существования, пробудить у них веру в себя, в свое право на счастливую разумную жизнь родилась в Туркине потребность творчества. Первое его стихотворение «Умерла ты рано...», подписанное инициалами А. Т., появилось в газете «Екатеринбургская неде-

ля» в 1889 году, когда Туркин был еще учеником Челябинского городского училища. С переездом в Уфалей он уже постоянно печатается в газете.

В его стихах сказывалось влияние гражданской лирики Надсона. В духе Надсона писал он о тяжелой доле работницы:

Ночи бессонные, длинные...
День — вековая страда...
Как ее рано состарило
Рабство труда!
Скоро закроются очи...
Вечный покой на челе...
Милый! Как люди стареют
На этой земле.

Программным было стихотворение молодого поэта «Я бы пел про лазурь...». Поэзия камерная, поэзия интимных чувств отвергалась автором.

В поэзии Туркина, глубоко личной и в то же время передающей настроения общественного порыва, пусть не всегда отчетливого, ясного, политически определенного, — в известной степени отражался общий демократический подъем, обозначившийся в России тех лет.

В 1890 году писатель выступил с первыми прозаическими опытами. В «Екатеринбургской неделе» были опубликованы рассказы «Рудокоп», «Крест не выдал», «У коистра», «Старый огнещик» и другие.

В октябре 1894 года Туркин был вынужден уехать из Уфалея. Все чаще происходили столкновения с администрацией, не желавшей иметь в конторе «корреспондента». «В Уфалее все равно съели бы, если бы не уехал. Просто житья не стало. Травить начали», — говорил он позднее В. А. Весновскому, известному сотруднику уральских газет. Молодой конторщик переехал в Архангело-Пашийский завод. Здесь у него были знакомые инженеры, когда-то работавшие в Уфалее и заметившие одаренного юношу.

Пашийский завод с 1884 года находился в аренде у Французско-Камского акционерного общества. Инициатором этого общества был Бонту, организатор знаменитого Лионского банка, описанного Золя в романе «Деньги». В середине девяностых годов Пашия был довольно оживленным заводским поселком с пятью тысячами жителей. Его коснулись «веяния времени», были заметны некоторые следы буржуазного прогресса.

Жизнь Пашийского завода была освещена Туркиным в ряде корреспонденций в газету «Урал». Одна из них рассказывает о том, что драматический кружок поставил «Женитьбу» Гоголя и простые люди с удовольствием смотрят спектакль. Рабочие тянутся к подлинной культуре, подчеркивает Туркин. Они идут смотреть заезжих фигляров только потому, что слишком редко им дают настоящее искусство. Он радостно отмечает открытие библиотеки. Он пытается обратиться к «совести» служащих, вступаясь за рабочих: «Неужели человек-работник, — пишет он, — не заслуживает того, чтобы иной раз взглянуть на него не только как на механизм, а как на человека с известным образом жизни, с известным взглядом на мир божий». Туркин напоминает при этом: «Ведь, собственно говоря, большинство из нас, заводских служащих, вышло из рядов тех же рабочих».

В Пашии Туркин познакомился с Антониной Павловой Алексеевой, учительницей начальной школы, и в 1895 году они поженились. Она была другом и помощником писателя всю жизнь.

В 1896 году безвестный служащий маленького уральского завода был замечен В. Г. Короленко. Рассказ Туркина «Страничка из дневника» Короленко напечатал в июльском номере «Русского богатства», соиздателем и членом редакции которого он стал в этот год.

В течение многих лет и в дальнейшем Туркин посылал свои рассказы и очерки на суд писателя, которого он любил, уважал и ценил. В архиве В. Г. Короленко сохранились записи о 28 рассказах, полученных от Туркина. Выдающийся демократический писатель поддерживал и одобрял провинциального собрата по перу и вместе с тем с присущей ему требовательностью указывал на серьезные недостатки его произведений. Короленко обращал, например, внимание Туркина на незначительность жизненных фактов в его рассказах, много говорил о несовершенстве формы.

Первые рассказы начинающего автора были посвящены жизни трудового народа. Он пишет о рудокопе, бьющемся, чтобы прокормить семью, об углежогое, у которого украли лошадь и лишили средств к существованию. «Тетушка Василиса» — один из лучших рассказов этого времени. Туркин с проникновенной любовью рисует фигуру много выстрадавшей русской женщины. Основное со-

держание рассказа составляет скорбное повествование тетушки Василисы о временах крепостного права, о трагедии семьи уральского мастерового, разрушенной диким произволом управителя. В фигуре зверя-сластолюбца нетрудно узнать Григория Зотова, царствовавшего на соседнем с Уфалеем заводе — Кыштымском.

Многое было несовершенно и незрелым в произведениях начинающего писателя: и неумелая композиция, при которой центральный эпизод тонул в массе обрамляющих его деталей, и натуралистическое воспроизведение всех особенностей речи персонажей, и налет наивного христианского морализирования. Но все же они привлекали несомненной жизненной правдой, в них чувствовалось страстное стремление разобраться в сложностях жизни, найти виновников бед и несчастий людей.

В конце 1897 года А. Г. Туркин переехал в Челябинск — в то время крупный торговый центр Урала. Здесь он прожил до 1919 года.

Писатель сдал экзамен на звание частного поверенного и стал ходатаем по делам крестьян. Он скоро завоевал уважение крестьянской бедноты, которая постоянно пользовалась его бесплатной помощью в бесконечных спорах о земле с кулаками.

В 1900 году ему неожиданно удалось побывать на «празднике труда и искусства» в Париже, где была открыта знаменитая международная выставка. Это была стремительная экскурсия с шестидневным пребыванием в Париже, организованная на условиях, приемлемых даже для стесненного в средствах Туркина. С дороги Туркин исправно посылал корреспонденции в «Уральскую жизнь».

Писательская и журналистская деятельность Туркина с переездом в Челябинск активизировалась. Только в 1901—1902 годах им было напечатано в уральских газетах свыше пятидесяти рассказов и больше сорока различных корреспонденций, которые он подписывал псевдонимом Гаврилович. Имя Туркина становится широко известно уральским читателям.

2.

Екатеринбург был единственным уездным городом России, в котором к началу века выходило уже две ежедневные газеты. «Екатеринбургская неделя» в 1897 году

сменилась «Уралом», издававшимся горным чиновником Чеканом. В 1900 году некто Певин открыл вторую газету — «Уральскую жизнь», поставив издание на широкую коммерческую основу. Была у Певина и своя типография. Кроме газеты он печатал в ней книги, которые могли иметь спрос у публики. Так, им был выпущен сборник рассказов Д. Н. Мамина-Сибиряка «Золотая лихорадка». В 1902 году он решил издать и рассказы Туркина.

Книжка, вышедшая под названием «Уральские миниатюры», имела карманный формат, была хорошо оформлена. В «Уральские миниатюры» были включены главным образом те рассказы, которые печатались в «Уральской жизни». Однако открывалась книга «Страничкой из прошлого», опубликованной Короленко в «Русском богатстве». Здесь же был напечатан рассказ «Костя», увидевший свет в 1898 году на страницах «Журнала для всех». Некоторые рассказы Туркина не вошли в сборник. Надо полагать, что в этом сказалась цензура Певина. Он вел газету в либеральном духе; именно это направление обеспечивало ему в период приближения первой русской революции наибольшее количество подписчиков, но, конечно, был далек от того, чтобы защищать определенные демократические идеи. Очевидно, именно поэтому в сборник не вошли такие рассказы, как «Елка», в котором откровенно, с гневом говорилось об ограблении властями нищей деревни, или как «Вага», где героем был рабочий, ищущий правду, стремящийся к знаниям, к большой человеческой жизни.

Но даже и в таком виде сборник «Уральские миниатюры» свидетельствовал о демократической позиции его автора.

Вышедшая в уездном городе книга, вопреки традиции, привлекла внимание печати. Журнал «Русское богатство» в январском номере 1903 года заявил о «беспорных литературных достоинствах» произведений А. Туркина. В рецензии отмечалась простота и естественность повествовательной манеры рассказчика.

С большим отзывом, пострадавшим от вмешательства цензуры, в газете «Пермский край» (1902, 25 декабря) выступил ссыльный Сассулич. Он скрыл свое имя под псевдонимом Уриэль Ульрих. В архиве Туркина сохранилась статья Сассулича, в которой автором восстановлены все цензурные изъятия. Они касались больше всего рас-

суждений рецензента о сочувствии автора рабочим, о защите им прав угнетенных людей. Книга Туркина в статье признается значительным явлением. С положительной рецензией выступила и газета «Сибирская жизнь».

Наконец, в столичной газете «Новости» (1903, № 252) несколько снисходительно говорилось, что в рассказах Туркина «есть что-то оригинальное», что «дарование видно, и даже красивое дарование», но «отрывочность придает всем очеркам характер чего-то недосказанного и крайне неопределенного».

В большинстве миниатюр Туркина, вошедших в книгу, изображается жизнь уральских рабочих и мелких конторских служащих. В рассказах нашли отражение существенные стороны социально-экономического положения населения Урала, который в конце XIX века в силу сохранившихся остатков крепостничества все больше отставал в экономическом развитии от новых районов черной металлургии на юге.

Подобно многим другим писателям-реалистам 90-х годов Туркин еще не видит созидающую самого человека силу труда. В ряде его рассказов рабочие изображены так, словно они угнетены не столько хозяевами, сколько самой «фабрикой-зверем». В рассказе «В одну темную ночь» писатель говорит, что машины казались ему «владыками, тянувшими за собой раба-человека». «И он, этот раб, стонет от них,— продолжает автор,— молчаливый, покорный и заживо испеченный». Цинично издевается барский прислужник, обыскивая рабочих, страдающих от нищеты («В шесть часов вечера»). Остаются без работы десятки людей, судьба которых не волнует управляющего, занятого мыслью о прибылях («Машину привезли»). В рассказе «Дерзости» раскрывается не только глубокий антагонизм рабочих и хозяев, но и бесплодность поверхностного либерального обличительства.

Туркин рисует темные стороны быта, уродливые отношения между людьми, возникающие на почве нищеты и бесправия. Нельзя без содрогания читать рассказ о мальчике, единственном работнике в семье, который впервые наелся досыта в день смерти долго болевшего отца, когда одним едоком стало меньше («Митька»). Не задумываясь, мимоходом губит жизнь девушки «культурный» управляющий («Побаловался»). Погоня за богатством, за золотом убивает в людях живые, естественные человеческие чувст-

ва. «Человек исчезал постепенно, и из его шкуры вылезало что-то хищное, грубое, нечестное», — пишет Туркин в рассказе «Золото».

Писатель изображает затхлую, монотонную, недостойную человека жизнь мелких служащих и рабочих («Мы», «Первое января», «Глухо», «Софрон», «Павел Иванович» и другие). Но в этих же рассказах, где с грубоватой простотой воссоздавались будни маленького заводского поселка, жила авторская мечта о возможности других отношений. В самой действительности Туркин замечал ростки сопротивления, нежелания жить по-старому. «Живи крепче, не сдавайся, береги и защищай в себе человека», — требует один из его героев в рассказе «Письмо», переключаясь с горьковским Коноваловым.

Писатель и многие его герои понимают, что человек «ничтожен от тех условий, в которые сам себя запер, как попугай в клетку» («На работе»). «Кажется, жизнь изменить можно, но для этого надо сделать героический шаг, переломить себя и бросить все это», — думает один из персонажей рассказа «В сумерки». Как это произойдет, кем и какой героический шаг должен быть сделан, писателю неясно. Буржуазная интеллигенция, в которую он раньше верил, дискредитировала себя: «идеалы», «народ», «свобода» оказались в ее устах лишь красивыми словами. Герой рассказа «Оргия» горячо выступает против такой интеллигенции, пробующей еще прикрывать свои истинные своекорыстные стремления рассуждениями на страницах газет о народе: «Нет, автор фельетона врет: он не знает народа. Народ — это страшная и глубокая загадка, которую надо изучать десятками лет; с народом этим нужно жить, и ему нужны не истрепанные фразы, а дело. Народу нужна активная помощь в его вековом горе-темноте, которое висит над каждой хатой. А тут фразы, красивые и натянутые на барабан: трещат, а толку мало».

Поэтика «Уральских миниатюр», небольших, но емких по идейному содержанию этюдов, эскизов, зарисовок отражает стремление писателя нарисовать «правду без всяких прикрас».

С «Уральскими миниатюрами» в 1904 году познакомился А. М. Горький. Он послал автору книжку со своими пометками на полях, критикуя и ободряя его. Из ответного письма А. Г. Туркина видно, что главным недостатком рассказов Горький считал их сентиментальность. В пору

приближения первой русской революции великий пролетарский писатель призывал «не унижать человека жалостью». Он хотел видеть у своих собратьев по перу больше твердости, мужества, чтобы звучал в их произведениях призыв не к состраданию, а к ненависти и борьбе.

Туркин был глубоко тронут вниманием всемирно известного писателя. Он отвечал: «Заключение, выведенное Вами в конце книги, встряхнуло и подняло дух мой! Не думайте, однако, что я задеру голову. Нет — я буду учиться, я буду работать, ибо стоит это теперь, после слов Ваших! Спасибо Вам, Алексей Максимович. Сочувствие Ваше и отклик мне бесконечно дороги»¹.

Путь Туркина окончательно определился. Он выступает в рядах писателей-реалистов, писателей-демократов, которые противостоят декадентской литературе.

Обещание учиться и работать он выполнил. Активнее становится творческая деятельность Туркина, расширяется круг тем, глубже проникает взгляд писателя в то новое, что, по его словам, «пробивается среди обыденности».

3.

Литературная позиция А. Г. Туркина накануне революции 1905 года нашла яркое выражение в его статье «Друг умер», посвященной памяти А. П. Чехова. «Рассказы Чехова, — пишет Туркин, — говорили: «Мы серы... Мы скучны... Но мы — сама жизнь... Мы не прячемся, судите нас. Мы — усталые и больные — дети нашей больной родины». Но вместе с тем в этих рассказах жила «мечта — прекрасная мечта о человеке в будущем, она будила и напрягала усталое сердце».

Эта мечта «о человеке в будущем» жила и в произведениях самого Туркина. Писатель не был близок к революционному пролетариату, он не нарисовал передового рабочего, несущего в массы социалистическое сознание. Но пробуждение стихийного протеста, нежелание жить по-старому, осознание рабочими силы коллектива Туркин сумел изобразить ярко.

Революция 1905 года подняла его творчество на новую ступень.

---

¹ Письмо А. Г. Туркина от 6 августа 1904 г. Хранится в архиве А. М. Горького.

Напечатанные в 1906 году в журнале «Русское богатство» четыре рассказа («Тревога», «Руда», «Как он запел» и «Смута») объединены единством замысла. В рассказе «Тревога» молодой штейгер Аркадий Иванович размышляет о жизни на железном руднике: «Получают расчет, напиваются, хворают, и опять идет эта бессмысленная жизнь под землей, опять человек дышит гнилью и угаром... Вся жизнь впотьмах... Старики в тридцать лет!» Он не хочет быть участником бессовестного грабежа этих несчастных, но заслуживающих уважения людей. Он хочет «научиться уважать человека и ценить в нем душу», а здесь на руднике «людей считают гораздо ниже бездушного куска руды».

В рассказе «Руда» забитого, полунищего рабочего, открывшего новые запасы руды, нагло обсчитывает управляющий. Туркин подчеркивает, что антагонизм между рабочими и предпринимателями велик, что растет возмущение рабочих. В рассказе «Смута» молодой гимназист Гриша, вглядываясь в заводских рабочих, «усталых, апатичных», задает себе вопрос: «Неужели проклятая жизнь заковала их в фабричные стены навсегда, засушила их сердца, сожгла фабричным огнем их души и, как молотом, раздавила мысль, сознание, волю». Но тут же говорит: «Нет! Тысячу раз нет! Там, где гремят тысячепудовые молоты, в воздухе, трясущемся от этого грохота, прекрасным и ярким цветком поднимается молодая сознательная жизнь, яркая мечта о свободе и воле, дорогая и милая, как первый подснежник весной».

Рост рабочей сознательности, ощущение силы коллектива, возникающие в душе отсталого рабочего, показывает Туркин в следующем рассказе — «Как он запел». Участие в демонстрации поднимает дух этого забитого человека, освобождает его от страха перед начальством, впервые позволяет ощутить силу и право требовать. Кочегар Описим был во время этой демонстрации убит. Но автор подчеркивает, что кровавыми расправами не сломить общей воли рабочих, сильных солидарностью. Тема участия рядовых рабочих в революции настолько волновала Туркина, что он возвратился к ней еще раз в 1908 году, когда наступала реакция. В рассказе «Маша» повествуется о том, как девушка порывает с грубой мещанской семьей стяжателей и идет работать на завод. Вместе со своими товарищами она участвует в забастовке и гибнет от пули полицейских.

Примечателен и рассказ «Мечтатели». В нем по-разному мечтают о свободе, о другой жизни отец и сын. Отец видит идеал жизни в личной независимости, которую дают деньги. Сын же видит счастье в том, чтобы отыскать хороших людей, поучиться. И он находит силу, способную утвердить правду на земле, в рабочем коллективе.

С большой симпатией изображает Туркин и молодую революционную интеллигенцию. В рассказе «Смута» он повествует о трагической судьбе гимназиста Гриши, участника революционной борьбы. Отец Гриши, получив известие о его гибели, проклинает убийц, начинает верить в справедливость дела сына. Туркин утверждает величие революционного подвига.

Крестьянское движение на Урале в период революции 1905 года было массовым. Туркин-адвокат был очень тесно связан с крестьянством, защищал его интересы. Знание этой стороны жизни дало писателю материал для ряда рассказов об угнетенной и протестующей русской деревне. Можно отметить среди них такие, как «Ходатель», «Право», «В деревню приехал», «Хороший момент».

Крестьянство угнетено и бесправно, жизнь деревни грустна. Голод надвинулся на казачьи станицы, голод ожидает бесправных «иногородних», которых не желает признавать ни богатое казачество, ни начальство. Но теперь деревня не хочет гибнуть молча. На сходе «послушные до этого люди бросали такие слова, что атаман пугливо сжимался». Так начинается большой рассказ А. Туркина «Ходатель». Крестьяне, посылая «ходателя» в город, наставляют его: «Прямо за глотку бери». Но страх, трепет перед начальством все еще сильны, в сознании изнемогающего мужика все еще живет «вера во властных и сильных».

Так раскрывает писатель и созревшую ненависть крестьянства, и его политическую неорганизованность.

Прекрасно выражена крестьянская точка зрения в рассказе «Право». Бедняк башкир сталкивается с «правом бумаги». Оно — это право — на стороне богатого старшины. Но трудящийся крестьянин выдвигает идею другого права, «права его труда, загрубелых рук, его горя и радости... право бессонных ночей, голодных дней, невыплаканных слез». Эта идея вела крестьянство к революции 1905 года. В небольшой миниатюре Туркину хорошо удалось передать настроение крестьянской демократии.

Близкой была Туркину горьковская тема окурившей Руси. Он хорошо чувствовал враждебную силу мещанства, людей, живущих праздной, пудной, однообразной и лживой жизнью, не знающих и не желающих знать нужды и отчаяния, гнева и ожесточения трудового народа. Этой теме посвящены рассказы «Провинция», «Семья», «Про одного старика».

До гневной сатиры поднимается Туркин в рассказах, разоблачающих заклятых врагов народа. Он нарисовал выразительный образ «духовного отца», призывающего народ к борьбе с революционерами.

Произнося в церкви проповедь, призывая «паству» к смирению, он «путался, багровел, дико вращал глазами, временами почти кричал, вздрагивал от душившей его злобы», «потный и разгоряченный каким-то тайным мстительным чувством». Рассказ клеймил жандармскую роль церкви.

Русская революция 1905 года нашла в Туркине скромного, но честного летописца, шедшего по горячим следам событий.

4.

«Право, я считаю себя очень счастливым тем, что живые и серьезные люди дарят мне письма, подобные Вашему: это подарки, всегда ценные, очень позволяют мне чувствовать русскую жизнь вернее, чем могут позволить газеты, хотя я читаю их немало», — так начинал одно из своих писем с Капри в Челябинск Туркину Алексей Максимович Горький.

Живым и серьезным гражданином своей родины был уральский писатель, его волновали настоящее и будущее страны, русского народа.

Делясь своими наблюдениями над жизнью большого сельскохозяйственного края, каким было черноземное Зауралье, Туркин горячо утверждал, что крестьянин «не застыл, живет, движется». Он страстно возражал против тех книг о деревне, где «мужики кричат только по-звериному». С ним соглашался Алексей Максимович. Он писал: «Как и Вы, Александр Гаврилович, я тоже волнуюсь бешено, когда речь идет о русском народе, о его судьбах».

В письме Горький объяснял свой интерес к той литературе, которая называлась «областной», к писателям, живущим на периферии. Он писал: «Мы еще не имеем совершенно выработанного типа русского мужика в литературе и не можем иметь его, ибо его нет в жизни. Вот с чем не считалась наша критика, забывая, что мы, русские, живем в самом огромном государстве европейского континента и в условиях невероятно разнообразных, что социально-педагогические влияния истории нашей необходимо должны были создать весьма большие, даже непримиримые разноголосицы, разноречия и всякое разнообразие, что у нас на Руси не было и нет еще того единства социальных, политических и, словом говоря, культурных условий, которые позволили бы нам создать единодушные, выработать твердый определенный тип русского человека, русского мужика»². Горький говорит так, считая, что только соединенные усилия писателей, исследующих различные области и сферы русской действительности, могут привести к более или менее правильному познанию страны, процессов жизни трудового народа.

Новый период в творчестве Туркина (1910—1914 гг.) обращает на себя внимание развитием ряда тем, подсказанных перепиской с Горьким. Теперь рассказы Туркина чаще печатаются в таких столичных журналах, как «Современный мир», ближе он стал и к редакционному коллективу «Русского богатства» во главе с Короленко.

В 1911 году А. Туркин сотрудничает также в журнале «Современник», принадлежавшем П. И. Певину — издателю екатеринбургской газеты «Уральская жизнь». Беспринципный коммерсант, сколотивший на Урале газетно-издательским делом большой капитал, он начал издавать журнал в столице, рассчитывая составить себе имя. Тон в журнале задавал Амфитеатров. Но, учитывая дух времени, Певин прежде всего съездил на Капри и договорился с А. М. Горьким о его сотрудничестве в «Современнике». Певин же привлек к участию в журнале писателей-уральцев. Здесь был напечатан рассказ А. Туркина «На вечное владение», который отредактировал А. М. Горький, о чем писал автор издателю В. Аверьянову.

---

² Письмо хранится в архиве А. М. Горького. Датируется архивом 1913 г. Опубликовано нами в журнале «Урал», 1969, № 3 (И. Дергачев. Я тоже волнуюсь бешено).

Рассказы, появившиеся на страницах этих журналов, и некоторые другие составили новую книгу Туркина «Степное», выпущенную Издательским товариществом писателей в Петербурге. Там же предполагалось издание еще одного сборника, который не вышел из-за начавшейся мировой войны.

В связи с выходом в свет сборника «Степное» А. Г. Туркин писал: «Я пролезал в большую литературу сам, сидя в Челябине, я не просил и не заискивал, как это делают многие. Я всем обязан только себе, и это меня удовлетворяет»³. «Степное» — итог значительного и наиболее интересного периода в деятельности писателя, достигшего к тому времени полной творческой зрелости.

Наибольшее внимание Туркина привлекала в эти годы уральская деревня. В рассказе «Душа болит» нарисован яркий тип кулака-мироеда. Ограбление ближних он прикрывает елейным причитанием: «Душа болит». Этот поный Иудушка Головлев порожден столыпинщиной, буржуазным «прогрессом» деревни. Об этом мироеде, выражая зреющую ненависть деревни к нему, говорит интеллигент-революционер Семен Гошибесов: «Лушниковых будут бить, жечь и душить по ночам. И поверьте: землю у них вырвут обратно с глоткой вместе. Вырвут. И придет новая деревня, только не нами созданная».

Последние слова чрезвычайно важны для понимания идеологической позиции Туркина в годы реакции. Писатель с большой симпатией относится к Семену, в его уста, несомненно, вложены авторские мысли. Он верит в наличие внутренних сил в деревне, способных построить новую жизнь.

Туркин видит, что интеллигенция не представляет единого целого. Наряду с революционной интеллигенцией, близкой к народу, деревне, мужику, есть интеллигенция обывательская, буржуазная, лишь из моды махавшая в революцию 1905 года красными флагами, да и то из-за угла.

Один из таких обывателей, доктор Мандель, в том же рассказе, под влиянием минуты выступает с горьким саморазоблачением. При этом он говорит о «настоящих живых людях, мучениках светлых», которые «гнили в казематах и крепостях», «вытачивали грядущее».

---

³ Письмо Туркина С. П. Туркиной-Бруштейн от 6 мая 1914 г.

Посылая книгу «Степное» своей двоюродной сестре, Туркин в письме подчеркивает: «Сейчас страна нуждается в сильных и стойких».

Проблема интеллигенции и народа поставлена в рассказе «Ручьи поют». Герой его приезжает в деревню, чтобы жить вместе с мужиками, не поучать, а просто жить, неся народу знания, помощь.

Деревня, где живет этот молодой человек, — темная, примитивная, далекая от культуры. Туркин даже сгущает краски, натуралистически рассказывая о деревенской дикости.

Думается, что в этом рассказе своеобразно отразились мысли А. М. Горького о деревне, интеллигенции и русской литературе, высказанные им в упоминавшемся уже письме к Туркину. Горький говорил, что не защищает художественных произведений, рисующих подчеркнута темную, дикую, забитую деревню, но что вместе с тем есть такие типы русской действительности, которые дают основание изображению страшных сторон крестьянской жизни: «Не надобно, Александр Гаврилович, ни перед чем закрывать глаза: вот он, русский народ, дал на водке 800 млн. прибыли казне, значит — пропил он выше миллиарда». Он тут же соглашается с Туркиным, что народ «не застыл, живет, движется», и продолжает: «Мы должны очень ценить это прекрасное явление, должны всеми силами способствовать его росту...» И дальше: «Мы имеем основание знать, верить, что народ наш в корне своем еще здоров, еще жизнеспособен, и нам, любящим свою страну, следует со всем напряжением сил идти навстречу его запросам, не учительски, а дружески, не с догматом, а с глубоким пониманием его особенностей, как явления исторически сложившегося».

Герой Туркина и идет в деревню «не учительски, а дружески», с «глубоким пониманием ее особенностей». Однако Туркин не совсем правильно понял Горького. Способствовать духовному росту народа можно было, именно реалистически изображая те внутренние его силы, которые развиваются, готовят его будущее. Фиксация же внимания читателей только на деревенской дикости и темноте отнюдь не помогала правильно оценить крестьянство, понять его нужды и возможности, особенно в период нового революционного подъема после 1912 года.

Продолжая лучшие традиции русской демократической литературы, писатели-уральцы создали немало произведений о тяжелой жизни угнетенных национальностей Российской империи. Одним из первых в литературе изобразил быт коми-пермяков Ф. М. Решетников. Много прекрасных страниц, посвященных Башкирии, найдется у Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Цикл рассказов из башкирской жизни под названием «Степное» создал и А. Туркин. Не случайно так назван и весь сборник. Рассказы о страдающей, полунищей, ограбленной Башкирии, о наглости царских чиновников, о прекрасном, доброжелательном, любящем и смелом народном характере башкир полны правды и подлинной большой поэтичности.

Автор не нарушает реалистические пропорции, но всем этим рассказам присуща легкая романтическая окраска.

Одним из лучших в этом цикле является рассказ «Ибрагим».

Большое сердце Ибрагима, много пережившего в жизни, открыто перед русским человеком Антипом, высланным «за бунт» из родной деревни. Ибрагим по-человечески просто делится с ним своей землей. Он нарисован писателем как носитель традиционных национальных черт, лучших сторон народного характера.

Обращение с теплым приветливым словом к башкирскому народу, уважение к нему, вера в его возможности — все это не случайно у Туркина. Еще в 1904 году в газете «Уральская жизнь» Туркин выступил с большим письмом о Башкирии. Он писал: «...Башкирские деревни. Там сидят изглоданные вечной нуждой и мраком люди. В смрадных и гнилых углах ютятся голые, сифилитические дети и матери с красными, воспаленными большими глазами. Такое бесправное существо — женщина, рабыня своего голодного повелителя. А если бы щедрой рукой бросить в эти забытые степи и знания, и надежду? Если бы обогреть их по-человечески и крикнуть бы им: «Вставай! Ведь и ты человек!» Как бы, я думаю, степь зашевелилась. Как бы проснулся дух человеческий и встал бы твердой рукой за свое право! И сделался бы, если нужно, могучей единицей своей страны — общей семьи». Это доброе и страстное желание демократического писателя сбылось в наши дни.

Если в 1904 году Туркин преимущественно говорит о бедности башкир, непроглядном мраке их жизни, то в произведениях 1910—1911 годов он раскрывает и подчеркивает в национальном характере прежде всего те черты, которые обеспечат народу будущее. Писатель показывает нежелание молодежи жить по-старому.

Вот он рисует молоденькую Бибинор, насильно выданную за дряхлого старшину Каримова. Бибинор любит молодого и лихого наездника Якупа. Она в духе народных песен оплакивает свою горестную судьбу: «Унеси меня, степной ветер, в далекие края к милому... Спрячь меня, зеленый камыш, от судьбы горькой... Пойте, птицы лесные, песни венчальные! Я пойду в урман, до самого Урала, и буду кричать долго-долго... Милый откликнется мне звонко и протяжно, а птицы будут петь песни венчальные... Спрячь, схорони, урман, навеки с милым!.. Река! Унеси мое горе...»

Бибинор нарушает вековой обычай женского смирения. Она уходит с Якупом. Таково содержание превосходного, очень лиричного рассказа «Грех». Новые люди смело решают свою судьбу. Русский писатель верит, что за ними будущее.

Одно из значительных произведений, вошедших в сборник «Степное», — рассказ «Исправник». В нем Туркин выступает как незаурядный мастер психологического анализа.

Сюжет рассказа прост. Исправник Крысин, прослуживший в полиции двадцать лет, растратил казенные деньги и стал арестантом. Писатель прослеживает переживания Крысина, ход его мыслей и чувств.

Попав в тюрьму, исправник чувствует себя обманутым: та сила, которой он служил, отвернулась от него. Он служил беззаконию, произволу, начальству. Теперь он не может понять, почему «кто-нибудь там, в столице, большой и сильный человек» не прикажет освободить его? В самом деле, если все основано на произволе, то почему он, Крысин, стал жертвой закона? Однако он сидит в тюрьме и сидит именно с теми, кого он двадцать лет преследовал. Они относятся к нему враждебно, и исправник задумывается над причинами этой вражды. Размышления Крысина нужны Туркину, чтобы подчеркнуть антинародность, антигуманность самодержавно-полицейского государства и его чиновников.

Под влиянием страха перед арестантами Крысину начинает казаться, что ему ничего не мешает стать простым человеком, таким же, как все, забыть о своих полицейских «деяниях». Он пытается убедить в этом и арестантов. Но они не могут отделить человека Крысина от исправника Крысина, который представлял ненавистную им «жестокую и злую силу системы угнетения и насилия».

Некоторые из писателей — современников Туркина (Телешов, Шмелев, Сергеев-Ценский, Андреев) — пытались изобразить «покаяние» чинов полиции или государственного аппарата. В их рассказах проводилась мысль о том, что «человеческое» может взять верх над тем «злым», которое толкало этих людей совершать преступления против человечности.

В приговоре арестантов, не верящих в перерождение Крысина, живет твердая убежденность в ответственности человека за все его дела. Когда Крысин хочет их уверить, что выйдет из тюрьмы другим человеком, арестанты отвечают ему: «Сказывай сказки. Дай тебе местечко, так опять с нашим удовольствием будешь гнуть людей в бараний рог...» — «Полиция — так полиция. Может, он, братцы, и хороший человек, а все же — полиция...» — «И душа, значит, полицейская, неправильная душа».

Писатель, очевидно, согласен с репликой последнего из арестантов. Он вводит сцену сна, когда Крысин видит своего умершего отца и ведет с ним спор. Исправнику снится, что он молодой и красивый человек, просто Иванов или Сидоров. Но отец, идущий рядом, «говорит глухо: «Корову продали... Корову. Недоимки, говорят, давай... А все исправник, будь он проклят. Велит силой по волостям описывать». Крысин уверяет отца, что он не исправник, а Иванов, но отец кричит ему: «Врешь, исправник, проклятый». Нет, не может поверить писатель в «исправление» угнетателей. И хочет, чтобы не верили читатели. Накануне выхода из тюрьмы Крысина убивают. Народный приговор тому, кто олицетворял собой насилие, произвол, издевательство, произнесен и приведен в исполнение.

По всей вероятности, толчком к развитию этого оригинального сюжета явилось сообщение, напечатанное 16 мая 1903 года в газете «Слово Урала». В короткой заметке было сказано: «8 мая в бане старой тюрьмы один из тринадцати мывшихся оказался мертвым с признаками уду-

шения. Умер бывший урядник, а потом полицейский чиновник, содержавшийся по подозрению в убийстве и экспроприации помощника акцизного надзирателя Газенбуш».

По воспоминаниям С. П. Туркиной-Бруштейн, А. М. Горький именно в связи с чтением «Исправника» писал Туркину о его творчестве: «Ваши рассказы правдивы, у Вас есть талант, безусловный талант. Вы уже многого достигли, самого главного — правды в описании жизни»⁴.

Ю. Н. Либединский, вспоминая о Туркине, с которым он был знаком в ранней юности, писал мне, что рассказ «Исправник» произвел на него сильное впечатление. Он говорит: «Когда наша семья в 1908 или 1907 году переехала из Миасского завода в Челябинск, старый острог, приземистое, угрюмого вида здание, с маленькими зарешеченными окошечками, окруженное «заплотом», как у нас в Челябинске называли заборы, стоял на углу Уфимской улицы в самом начале ее, напротив Народного дома, где сейчас помещается драматический театр. И мрачный колорит этого здания очень хорошо передан был в рассказе Туркина, настолько хорошо, что сейчас эти впечатления слились у меня воедино. Я запомнил также чисто вкусовое впечатление от стиля рассказа, ощущение изящества в обращении со словом».

После 1914 года творческая деятельность А. Г. Туркина почти сходит на нет. Пишет он очень мало. Следует отметить его заботливое отношение к молодым начинающим писателям. Так, в 1918 году в Челябинске вышла книжка стихов Чучелова, предисловие к которой было написано Туркиным. Помог он своими советами и писателю Юреванскому.

Все творчество Туркина было глубоко демократическим, писатель всегда стремился защищать интересы народа. Однако отсутствие связей с пролетарским революционным движением, давление буржуазного бытового окружения явились причиной растерянности писателя, непонимания им величия совершающегося. Туркин не смог принять Великой Октябрьской социалистической революции.

---

⁴ Воспоминания С. П. Туркиной-Бруштейн хранятся в Свердловском литературном музее им. Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Во время гражданской войны он уехал из Челябинска в Сибирь и здесь умер от тифа на одном из полустанков между Новосибирском и Мариинском в декабре 1919 года.

И все же, несмотря на этот грустный конец, окидывая сегодня взглядом творческий путь А. Г. Туркина, мы можем твердо сказать: это был писатель горьковского направления.

1956—1960

П. БАЖОВ
Н. ПОПОВА
К. БОГОЛЮБОВ
О. МАРКОВА
Н. НИКОНОВ

ДАЛЬНЕЕ И БЛИЗКОЕ

Читатели привыкли к особому поэтическому строю бажовских сказов. Книга П. Бажова «Дальнее-близкое», на первый взгляд, произведение совсем иного характера. Это широкое реалистическое повествование об исторически достоверных фактах жизни Екатеринбурга начиная с конца 80-х годов прошлого века. Однако внимательные читатели отметят, что «Дальнее-близкое» связано не только с такими вещами П. П. Бажова, как «У старого рудника» и «Зеленая кобылка», но и с его сказами. Связь эта — в величайшем внимании к народному слову, народной мысли, народным оценкам жизненных явлений.

Писатель неоднократно обращался к творчеству и особенно к сказам рабочих, в которых запечатлена и история, и современность, которые дают образцы глубоко правдивого, поэтического воспроизведения действительности, четкой идеологической оценки ее в живом, лаконичном, метком слове-образе. С этими сказами связан и стиль «Дальнего-близкого».

В книге больше всего отведено места детским восприятиям мальчика Егорши. Начинается книга как автобиографическая повесть о детстве. Возникает сомнение, может ли десятилетний мальчик, если не поступиться психологической правдой, так воспринять и оценить события, чтобы получилась цельная правдивая картина. Такое сомнение естественно, если мы остаемся в кругу старых понятий жанра повести о детстве, представленных «Детством, отрочеством, юностью» Л. Н. Толстого, «Детством Темы» Н. Гарина и других.

Но герой П. Бажова Егорша, мальчик из рабочей среды, далеко не замкнут узким, в сущности, миром быта, что было естественно для подростка другого социального круга. Егорша живет в самом широком мире трудовых интересов и связанных с ними социальных отношений. В формировании его характера и мировоззрения играет роль труд семьи, заводского коллектива. Отсюда особый интерес к жизни завода, заводского округа. Вот такой подро-

сток, показывает П. П. Бажов, в состоянии увидеть то, что является существенным, важным.

Первые страницы книги как будто не имеют прямого отношения к городу. Они заняты разговором отца с соседом, сборами Егорши в город, куда он отправляется учиться, описанием долгого пути по бойкому Челябинскому тракту из Сысерти в Екатеринбург.

Однако детали жизни заводского поселка, зарисовки отношений в хорошей русской семье потомственного уральского мастерового — все это композиционно необходимо, ибо определяет, какими же глазами увидит Егорша город, раскрывает высокий нравственный мир людей труда.

Знакомство с городом начинается еще в заводском поселке. Любому из подростков известно о нем, известно то, что в первую очередь связано с заводской жизнью: «чугунка», «железный круг», «привокзальная топесь», где можно «загубить животину», «лавка» сысертских заводов, бойкая торговля на рынке, поток людей на ярмарку... Отец говорит Егорше: «На другие города наш не походит. Он вроде самого главного завода. На железе родился, железом опоясался и железом кормится».

В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» указывал, что индустриальное внегородское население только двух уездов, Екатеринбургского и Красноуфимского, больше всего городского населения Пермской губернии. Совершенно естественна связь этого населения с центром горнозаводской жизни — «железным городом». Промышленный округ определил его лицо.

После недолгих сборов Егорша с родителями едет в город, о котором столько слышал. Во время поездки родители незаметно, очень естественно подготавливают мальчика к правильному пониманию жизни. Все явления действительности оцениваются с рабочей точки зрения, сложившейся в трудовой среде, где люди с уважением относятся к делу, к людям труда, где для определения чуждых, антинародных явлений всегда найдется меткое слово с большим диапазоном эмоций — от мягкой усмешки до едкого сарказма.

При выезде из заводского поселка встречается тройка. Отец неодобрительно замечает: «Каслинский барин. Видишь, задается, а у самого все железо и литье заложено. Мастер лошадей загонять».

Заходит разговор об «уставной грамоте» — предмете тридцатилетних забот и волнений уральских рабочих, мечтавших о своей земле, — следует такая же определенная характеристика адвоката, ведущего тяжёлое дело с заводчиками: «Нашли ходатая-дворянина! Он по-дворянски и поступает: с общественников деньги берет, а барину служит».

Такие деловые оценки явлений жизни полностью раскрывают перед нами мир представлений, в котором рос Егорша. Они же помогают осветить и жизнь капиталистического города.

Перед въездом в город поклон Егорши встречен насмешкой какого-то «барина». Отец учит Егоршу: «Тут, брат, всякому кланяться — шапку скоро сносишь. Да и не стоит, потому — половина жулья». Блестящая упряжь лошадей, кафтаны и лаковые шляпы извозчиков вводят в заблуждение мальчика. Вероятно, извозчики богаты? И сейчас же ответ отца: «Вроде нашего брата. На хлеб, на соль добывают, а на приварок — как случится».

Вскоре перед Егоршей раскрываются другие стороны жизни города: безрадостный труд маленьких воспитанниц Нуровского приюта, сопровождаемый унылой и очень выразительной песней: «Клубок катится, нитка тянется, клубок дале, дале, нитка доле, доле», бедствующая семья человека, печатающего книги, в квартире которого нет ни одной книги.

Трудна жизнь рабочего. Но в остром взгляде Егорши, в восприятии им темных сторон жизни писатель показывает светлый оптимизм, неодолимость народного стремления к счастью.

Вот Егорша слушает рассказ знатока истории горнозаводского Урала Полиевкта Егорыча о заводе на Шуваловском. В кратком повествовании отмечаются энергия, светлый ум, настойчивость русского человека: «Ох и твердой у нас народишко! Ох и твердой! К чему прильнет, ничем его не оторвешь... Прямо сказать, въедливый народ и терпеливый тоже. Развяжи-ка такому руки, так он тебе на этом месте такое сгрохает, что по всему миру отдачу даст».

Большое значение имеют эпизоды встречи с редактором городской газеты «Екатеринбургская неделя» П. Н. Галиным. Одна из немногих частных уездных газет, выходящая с 1879 года, «Екатеринбургская неделя» также по своему характеризовала облик горнозаводского города. При

всей неопределенности политического лица редактора сама жизнь, состав корреспондентов очень во многом определяли содержание материалов газеты. Бажов отмечает, что грамотные заводские рабочие внимательно сделали за ней, так как часть из них еще верила, что газетой можно «пронять и довести» начальство. Это, конечно, было наивно, но если рабочие могли прочитать в газете о несправедливости управителей Нижне-Сергинского завода, о притеснениях рабочих в Кыштыме, обсчетах и выдаче заработной платы железом на Михайловском заводе, иной раз и о забастовках на фабриках центра России, то это, несомненно, могло способствовать развитию понимания общности интересов тружеников, прояснению классового сознания. Такие результаты не зависели, конечно, от установок самой газеты, которая могла в передовой статье дать такое «изящное» определение: «Свобода есть всемогущество, втиснутое в определенные рамки», явно подразумевая рамки самодержавно-полицейского государства помещиков и буржуазии, режим насилия и произвола.

Разговоры Галина с Алчаевским, приводимые в книге, вносят дополнительные штрихи в общую яркую картину жизни Екатеринбургa 90-х годов. Метки характеристики «отцов города», «технических немцев», развития заводского дела на Урале, значения кустарных промыслов для города. Много сарказма в описании «забот» городской думы о библиотеке, об Уральском обществе любителей естествознания и др.

Переноса нас в двадцатый век, автор строит эту часть книги в жанре обычных воспоминаний: встречи, беседы, эпизоды из жизни города, наблюдаемые уже зрелым человеком. Новые явления обнаруживаются в жизни Екатеринбургa: развитие железных дорог, расширение города, строительство новых зданий, рост промышленности, появление новых банков, изменения в физиономии купечества («К сюртукам и галстукам присоединилось образование вплоть до высшего»). Все это не меняло существа жизни края. «Основной строитель города был давно недоволен жизнью и порядками заправил города», — пишет П. Бажов. Красноречивые цифры из отчета Сысертских заводов приводит при этом писатель: 1000 рабочих получало в год заработной платы меньше, чем была прибыль одного владельца завода. В этих цифрах читатель видит всю разницу положения рабочих и капиталистов.

Недовольство революционизировало рабочих. Город становился центром революционного движения на Среднем Урале. Передовые рабочие шли за ленинской «Искрой». С приездом Якова Михайловича Свердлова партийная организация окрепла, стала основной руководящей силой движения.

Прошли годы. Автор возвратился после гражданской войны в Екатеринбург, доживающий последний год со старым названием. В старом горном городе много нового. Для обывателей, «остатков старорежимного» это новое заслоняет кондовое, привычное и дорогое их сердцу, они бесильно брюзжат и злобствуют. Для внимательного же глаза ростки нового были показателями грандиозного исторического переворота, который вывел на первый план подлинных хозяев жизни, настоящих создателей города и промышленности Урала.

Книга «Дальнее-близкое» имеет силу и цену исторического документа не только с точки зрения фиксации отдельных сторон жизни города и его населения. Это глубоко правдивое художественное повествование об уральском рабочем, крепком, смекалистом, по-хозяйски оценивающим все, — настоящем хозяине и строителе города. И город, и люди, чьими глазами увидено его прошлое, нарисованы советским художником, опирающимся на традиции народного творчества и вооруженного передовым мировоззрением — основой социалистического реализма.

Полезная, умная, талантливо написанная книга П. П. Бажова позволяет по-новому взглянуть на то «дальнее», что является «близким», продолжающим жизнь в нашем труде, в наших днях.

1950

ИСТОКИ ТАЛАНТА

«Уральские были», книга ранних произведений одного из выдающихся мастеров советской литературы П. П. Бажова, — не только предыстория его расцветшего позднее таланта, но и в известном смысле последнее слово писателя. Незадолго до смерти он тщательно, с большим вниманием пересмотрел все написанное им за многие годы, разбросанное в различных изданиях. Он извлек ряд произведений, которые считал ценными, нужными, не утратившими свежести, глубокого смысла, организующей, идейной художественной силы, — включил в книгу и подготовил ее к печати.

Сказы «Малахитовой шкатулки» выдвинули П. П. Бажова в ряды известных советских писателей. С его именем тесно связан этот новый для нашей литературы жанр. Ясно, что раннее творчество писателя неизбежно будет соотноситься нами с его сказовым творчеством. Произведения, написанные до «Малахитовой шкатулки», заинтересуют читателя, в первую очередь, с точки зрения обнаружения в них истоков сказов, истоков громадного дарования Бажова.

Но в «Уральских былях» предстают перед нами и другие, неизвестные широкому читателю грани творческого облика писателя. Очерки, рассказы и повести сборника помогают понять не только последующий яркий взлет поэтического творчества Бажова, но и сами по себе составляют ценные крупицы в его творческом наследии.

В ранних произведениях П. П. Бажова мы обнаруживаем необыкновенное богатство жизненного материала, умение увидеть его с позиций хозяина и творца жизни; в них — глубокая проникновенная идейность сочетается с высокой художественной формой, с вниманием и любовью к живому русскому уральскому слову.

Исторический художественный очерк «Уральские были», повести «За советскую правду», «Через межу», зарисовка историко-революционного характера «Спор о стихах», очерки о советской деревне 20-х годов, о первых шагах коллективного крестьянского хозяйства, рассказы о новых явлениях в быту деревни, освобождающейся от старозаветной морали, страницы из истории фабрик и заводов Урала, статья о богатстве народной мысли и языка «Краеведческие истоки», рецензии — все эти вошедшие в:

сборник материалы свидетельствуют о многогранности творческого труда П. П. Бажова.

Очерк «Уральские были», повествующий о прошлом Сысертских заводов, написан большим художником. Самый жанр здесь своеобразен. Это исторический очерк. История дана через восприятие ее человеком, отражающим не только события, но и народную оценку этих событий. В ярких исторических эпизодах, в характерных деталях отношений между рабочими и «хозяевами», в острых сатирических зарисовках «бар», в лирическом тоне повествования о близких автору талантливых мастеровых, создателях ценностей и подлинных хозяевах жизни, — прошлое раскрывается как предыстория настоящего.

Не только в полемике с буржуазными историографами Гусевым и Беловым, но и с некоторыми незадачливыми неглубокими очеркистами советского времени, работавшими над темой прошлого уральских горных заводов, воссоздается под пером зоркого советского художника убедительная, правдивая картина жизни горнозаводского населения, привязанного к заводам, опутанного сетями крепостничества, выматывающегося на «огненной» работе, но сохраняющего острый ум, стойкий характер, трезвое понимание жизни, талантливость.

В истории Сысертских заводов Бажов увидел те типичные черты особого склада экономического быта Урала, которые были отмечены В. И. Лениным в его книге «Развитие капитализма в России». Писатель точно определяет: «Здесь просто велось огромное помещичье хозяйство с самым упрощенным выматыванием жил рабочего и крестьянина». Он указывает, что мастеровые «своими крохотными участками были накрепко привязаны к округу и вынуждены были работать на условиях — «сколько пожалуют». Всякий технический прогресс не входил в интересы «бар», заботящихся лишь о получении сейчас, сегодня очередного денежного куша для бездумного праздного существования. Меткое народное слово раскрывает глубокое понимание рабочими противоречия между общественным характером их труда, создающего богатство страны, и индивидуальным характером присвоения результатов этого труда «рабочим и предприятию на разор». Золоченый мундир заводовладельца Соломирского и турнюк его жены в глазах рабочих являлись символом бессмысленной растраты результатов их работы. Женщины, рассказывает

Бажов, судили о пышном турнюре барыни, этот «барынин зад» заметили и рабочие: «Видал зад-от?» — «Подушка ведь. Известно». — «В подушку-ту эту и робим».

От высказываний самих рабочих автор переходит к обобщению. Рассказав об одной из владелиц заводов, он пишет: «Раньше труд рабочих Турчаниновы разматывали по заграницам, потом перенесли мотовство в столицы, чтобы кончить эту свистопляску в Сысерти, где кучка явных негодяев с «Марейкой-сухой» во главе, как будто специально старалась показать рабочему, куда и на что уходят его пот, силы, здоровье».

Исторически верным является у Баждова противопоставление интересов рабочих и предприятия, вместе взятых, интересам заводовладельцев. Писатель говорит: «Рабочий, износившийся окончательно за 20 лет огневой работы, видел, что от его труда не только в жизни, но и на предприятии ничего не прибавлялось, ничего не улучшалось».

Антинародность строя эксплуатации, его враждебность интересам страны раскрывается не только в главах о заводовладельцах, но и в характеристиках «заправил», как выразительно называются управляющие. Действительно, не управление сложным производственным процессом и жизнью горного округа, а угождение барину в доставлении ежегодных 200 тысяч, создаваемых трудом рабочих, — вот в чем видели свою задачу эти люди.

Историческая обреченность хозяев передана автором через ряд деталей, говорящих о бесполезности и бессмысленности их затей, оторванных от реальных интересов развития хозяйства. Это «индюшечий завод» Турчанинихи, это развалины огромных оранжерей — достойный «памятник» деятельности бар.

Бажов рисует «добродушно-пренебрежительное» отношение рабочих к владельцу завода Соломирскому, выразившееся в прозвищах «наш тютя» и «наш пучеглазик». Но не отсутствие остроты классового антагонизма проявляется в таком отношении. Рабочие понимают, что враг конкретный, «свой» — просто ничтожество. Голос подлинных хозяев жизни, талантливых, душевных, стремящихся к лучшей доле, слышится в очерке.

Глубокой симпатией, уважением, любовью к уральскому «мастерку» проникнуты страницы, посвященные жизни рабочих.

Бажов не закрывает глаза на темные, иной раз бессмысленные и уродливые стороны быта дореволюционного рабочего, но он видит, как все это, не составляя основы народного характера, характера человека труда, вносится тяжелой жизнью, строем эксплуатации и угнетения.

В «Уральских былях» мы видим не только картины жизни народных масс, но и картину осознания массами необходимости изменить эту жизнь. Писатель видит действительность в тех ее тенденциях, которые из глуби лет ведут в наши дни. Так, история Сысертских заводов становится предысторией их советского сегодня, трудовой славы рабочих завода гидромашин.

Очерки немногословны. И если Бажову удалось в них развернуть такую широкую, исчерпывающую картину жизни одного из уголков пореформенного Урала, то успех этот во многом объясняется необычайным вниманием к слову, к образу, создающемуся тщательным отбором словесных изобразительных средств, произведенным самим народом и использованным художником.

«Уральские были» свидетельствуют об органичности и цельности пути писателя. В его оценках явлений действительности, в использовании народного слова мы видим зерна сказов позднейшего времени, когда мастерство Бажова выросло и окрепло. Очерки же заканчиваются еще не совсем умело. В финал вынесены «боковые» явления, характерные, но не итоговые, не заключающие общую картину, чего Бажов никогда не допускал в своих лучших произведениях.

В сказе «Про водолазов» повествуется о так называемом «картофельном бунте» в Зауралье. Сказ П. П. Бажова чрезвычайно красноречиво говорит о наличии собственной народной историографии, трезво и правдиво оценивающей события. В этих оценках, как они переданы в сказе, раскрываются новые стороны народного воззрения на общественные явления. Государственная власть и ее клеветы выглядят нерадивыми, они оторваны от реальной действительности, живут лишь корыстными интересами. Писателем очень хорошо передано презрительное отношение народа к «неразумным» властям, уважение к разуму крестьянства.

В основе этого сказа лежит реальная действительность в ее конкретной исторической форме. В сказах «Малахитовой шкатулки» действительность более преломлена,

опосредована, но когда читаешь «Про водолазов», принцип создания сказа вообще становится более ясным.

Большое место в книге занимает повесть «За советскую правду», опубликованная в 1926 году, неоконченная повесть «Через межу» и художественный очерк «Спор о стихах», представляющий нечто вроде завязки повести.

«За советскую правду» — повесть о партизанском движении в Сибири, о корнях и силах, питающих и поддерживающих это движение.

Большевик Кирибаев, в поисках связей с партийным подпольем в колчаковской Сибири, устраивается учителем в отдаленное село Бергуль, где когда-то поселились гонимые царской властью раскольники. В лесных дебрях Сибири Кирибаев находит своих в широких массах крестьян, которые поднимаются за советскую правду. Таков сюжет повести. Писатель показывает, как антинародный характер белогвардейщины становится ясным людям в глухих сибирских деревнях, как большевик кристаллизует вокруг себя народные силы, выступающие в защиту революции.

Народ — главный герой произведения. Он изображается писателем, как и в «Уральских былях», во всех сторонах его жизни. Бажов умело создает образы отдельных людей из народа, немногими штрихами рисует яркие, запоминающиеся фигуры.

Повесть близка по тематике таким книгам, как «Разгром» Фадеева, «Партизанские повести» Всеволода Иванова. Почему же повесть Бажова не вошла в большую советскую литературу, как вошли эти произведения?

Думается, главная причина в образе Кирибаева. В произведениях, вошедших в золотой фонд советской литературы, центральным был образ большевика — организатора, воспитателя масс, носителя новых моральных качеств. В повести же Бажова коммунист Кирибаев не проявляет инициативу в организации партизанского движения, его «открывают» как вожака-коммуниста сами крестьяне. Кирибаев — не посланец партии, он лишь один из ее членов и действует не очень решительно, больше присматриваясь, как поведут себя крестьяне.

Известная композиционная неслаженность повести также снизила силу ее художественного воздействия. Тем не менее повесть «За советскую правду» убедительно показывает то, что не было с достаточной полнотой раскрыто и в более зрелых произведениях писателей той поры о

гражданской войне в Сибири: постепенное формирование сознания крестьян, чей гнев выливается, наконец, в активное выступление против белогвардейщины. Повесть свидетельствует об остром взгляде художника, о глубоком внимании к слову и об умении вылепить образ из небольшой суммы деталей.

В другой повести — «Через межу» рисуются острые классовые столкновения в деревне накануне ее перехода к коллективизации. Главное внимание автор обращает на те силы, которые составят основу нового колхозного строя.

Кулак Бурый теряет опору в деревне, его проделки и махинации, связь с бывшими богачами, пробравшимися в строительные организации, будут разоблачены батрачкой Фаиной, смело перешагивающей межу, отграничивавшую когда-то жизнь бедняка-единоличника. Она видит, что пришло время ликвидации этой межи. Ехать в город и сообщить о Буром ее заставляет не мысль о личной мести, а идея государственной целесообразности, мысль о единстве своей судьбы с большой судьбой страны.

П. П. Бажов видит в первую очередь не идиотизм деревенской жизни, а светлые стороны крестьянского характера, создающегося трудом, товарищескими отношениями между людьми труда. Глубоким уважением к простому человеку согреты образы Фаины и Кочеткова — героев повести.

«Спор о стихах» — это, так сказать, повесть в возможности, завязка ее, не развитая дальше. Накануне революции происходит столкновение между «хозяевами» города и теми, кто является подлинными, законными хозяевами жизни. Сегодня это столкновение проявилось пока «в споре о стихах». Но недаром в здоровом крепком юморе, в насмешливом отношении рабочих к шовинистическим декадентским виршам кадеты, «отцы» города видят нешуточную опасность. Завтра спор о стихах перерастет в спор о жизни, о судьбах страны — революцией будет называться этот спор не на жизнь, а на смерть.

В повести проявляется та особенность бажовского творчества, которая нами уже отмечалась: в сцене, в эпизоде, в столкновении разных речевых стилей писатель умеет в высокой степени точно раскрыть главные, существенные конфликты времени, создать собирательный образ.

Бажов — мастер повествовательного жанра подготовил Бажова — мастера сказа. Когда мы читаем его повести,

нам становится ясно, что обращение к сказу — не уход от современности, что только глубоко партийное, правдивое, опирающееся на народные представления понимание современности, характера нашего современника дает красоту и силу его сказам о прошлом, его образам уральских умельцев, творцов и созидателей, способных оставить в наследство истинные ценности, сознающих, «что работа — она штука долговекая».

Очерки и рассказы из деревенской жизни заставят читателя не только вспомнить прошлое советской деревни, но и увидеть в очерковом творчестве писателя черты, характерные для большой советской литературы. Очерк Бажова — это, как правило, очерк-исследование, производимое не сторонним наблюдателем, а хозяином жизни, с коммунистических позиций активно вторгающимся во все ее сферы. Такие очерки наиболее глубоко и правдиво воспроизводят жизнь и благодаря этой правде живут потом десятилетия.

Очерки Бажова, носящие общее заглавие «По колхозам», — итог впечатлений от поездок в деревню, только встающую на путь коллективизации.

В очерке «Похороны межи», рассказывая о поездке по полям артели деревни Любиной, писатель говорит не только о новой, небывалой картине земельных массивов без межей. Он пишет, как, показывая свои поля, любинцы хохочут «таким хорошим смехом, какой мне за пятьдесят лет жизни впервые пришлось слышать у крестьянина. Не пьяный больной смех, не досужее зубоскальство на заваulinке и не смех молодости от избытка сил и здоровья, а довольный смех зрелых, бывалых людей». Эта деталь, показывающая радость крестьян, почувствовавших себя людьми, говорит больше, чем длинное описание.

Бажов как исследователь прибегает и к цифрам, и к историческим справкам. Все это служит одной задаче — повести за собой читателя, убедить его в том, что путь, указанный партией, — единственный путь, на котором мелкие хозяйства могут выйти из вековой нужды.

В книге представлены и несколько рецензий Бажова. С какой страстью, с каким убийственным сарказмом выступает он против всего в литературе, идущего не от жизни, отступающего от правды, несущего на себе печать холодного ремесленничества. Он не занимается серьезным разбором там, где нужна уничтожающая насмешка, где он

встречается с литературным браком, с легкомысленной спекуляцией на теме.

Статья «Краеведческие истоки», в сущности, обращена к писателям. Написал ее Бажов, казалось бы, по частному случаю, желая обратить внимание краеведов на один из источников изучения жизни родного края — на письма крестьян в газету. Но писатель в статье поставил много вопросов, выходящих за пределы узко очерченной темы. Изучение жизни, особенно изучение ее отражения в народном сознании, по его убеждению, — важнейшая задача писателя. Письма селькоров для Бажова — это река, «мощная, полная красоты и неисчерпаемых стилистических, художественных и научных богатств». Он совершенно правильно требует изучения народного восприятия жизни, народных оценок событий и человека. Бажов указывает также на глубокий и неиссякаемый источник мастерства писателя — стилистику народной речи, ее художественные формы, не только когда-то созданные, зафиксированные в известных былинах, песнях, сказках, но рождаемые всегда и ежечасно. Внимание к новому и растущему, к сдвигам в быту и сознании, поиски новых форм человеческих отношений — все это привлекает к себе внимание Бажова, на все это он советует обращать внимание молодым писателям.

Сама многогранность таланта Бажова несет в себе черты русской национальной талантливости. Но талант Бажова — это еще и советский талант. Писатель-коммунист, обращаясь к любой стороне действительности, к любому жанру литературы, создавал яркие, содержательные, глубоко партийные по духу произведения.

РАДОСТНАЯ ВЕРА В ЧЕЛОВЕКА

Ровесница нашего века Нина Аркадьевна Попова родилась в декабре 1900 года. На исходе детства ей пришлось покинуть родной Полевской завод. Увозила она оттуда любовь к простым людям, память об Азов-горе, светлой речке Полдневой с пугливыми хариусами. Цепкая память сохранила старушечьи причитания, чудесные сказки, яркие песни про Оленя — Золотые Рога и тот сочный, образный язык, которым говорили вокруг.

Жизнь в Нижнем Тагиле, где девочка училась в гимназии, обогатила ее новыми наблюдениями. Она узнала быт уральского рабочего города. Из заводских корпусов доносился постоянный гул, и было что-то бодрое в шуме машин, в шипении пара, в глухих ударах молота.

После революции Попова перешла в Ирбитскую гимназию, которую закончила в 1919 году. Потом учительствовала в деревне Ивановке, близ Красной Слободы, недалеко от Ирбита. День до краев был заполнен. После занятий в школе она обучала грамоте женщин, собирала молодежь и репетировала с ней пьесы, дописывая отдельные сцены или изменяя финалы, чтобы приблизить старый репертуар к требованиям новой советской деревни.

В 1923 году вместе с мужем Попова перебралась в Томск, где стала работать воспитательницей в детдоме. Здесь 1 мая 1925 года было напечатано первое ее стихотворение. Здесь же было позже опубликовано ее более крупное произведение «Город Томской» — цикл исторических стихотворных набросков о прошлом Сибири. Через два года она попыталась написать повесть из жизни детдомовцев. Повесть в редакции «Сибирских огней» одобрили, но Г. Вяткин, известный сибирский литератор, посоветовал не торопиться с печатанием.

В Тагиле, куда Нина Аркадьевна возвратилась в 1928 году, она прошла хорошую школу газетной работы. Здесь встретилась Попова с превосходно знающим историю и быт уральских рабочих А. П. Бондиным, который руководил литературной группой. Писательница с благодар-

ностью вспоминает литературного наставника, в котором она увидела новый тип рабочего-интеллигента.

В 1930 году на страницах уральского журнала «Рост» появилось первое прозаическое произведение Н. Поповой «Аманаты старой Мангазеи», где рисовалась Сибирь XVI века, освоение русскими первопроходцами далеких окраин государства, положение покоренных юраков, их восстание. Язык рассказа был стилизован под древнерусскую украшенную словесную вязь, что требовало тонкого и самого пристального внимания к слову. Во всем этом проявился интерес писательницы к истории народных масс, народных движений, но стремление сделать язык рассказа «удаленным в историю» толкало на определенный объективизм, авторская позиция становилась нечеткой, как бы растворяясь в ткани повествования. Не только Мангазея, но и рассказ о ней как бы отодвигался в прошлое.

В следующем рассказе «Бунт», посвященном эпизодам знаменитой в летописях Урала борьбы крепостных тагильских рабочих в 1762 году, речь по-прежнему оставалась орнаментальной, стилизованной. Позиции автора были здесь уже значительно более ясными. Однако судьбы отдельных персонажей являлись по существу лишь иллюстрацией к истории.

Интерес к большим народным движениям привел Попову к исследованию так называемой «дубинщины» — восстания далматовских монастырских крестьян в 1762 году и последующего участия этих крестьян в войне Пугачева против империи дворян. В 1935 году она напечатала большое историческое повествование «Далматов монастырь».

Н. А. Попова сформировалась как художник, проявляющий постоянный интерес к историческому осмыслению действительности, к пониманию истории с точки зрения современности. Шло это и от стремления понять величие социалистических свершений в свете громадной исторической перспективы, и от понимания особенностей развития Урала. Ведь именно здесь, на Урале, к Октябрю 1917 года сосуществовали различные пласты истории: рядом с крупным, акционерным капиталом во главе с заграничными банками — азиатские пережитки крепостничества в виде «отработков», по соседству со столыпинскими хуторами — громадные земельные латифундии Строгановых, Лазаревых, Шуваловых, а сотни тысяч крестьян изнывали без земли, батрачили или пополняли армию безработных.

Трудовое общение с крестьянами и рабочими Урала, глубокое уважение к созидательной деятельности их под руководством Коммунистической партии, членом которой она стала в 1950 году, способствовали выработке в сознании писательницы оптимистического нравственного идеала. Расцвела вера в истинную человечность и красоту людей труда, пронесших через темные улицы и переулки истории прекрасные черты характера, свободно развивающиеся сейчас.

Одной из главных тем писательницы, достигшей творческой зрелости, стала тема исторической судьбы простого труженика, решительного поворота в жизни людей, в их психологии, общественном поведении и быте. Эта тема объединяет цикл рассказов Н. Поповой, которые названы ею «Уральскими рассказами».

Она раскрывает новые процессы жизни и характеры наши, уральские, определившиеся во многом особенностями развития крестьянства и рабочего класса в большом индустриальном крае.

Внимание художника привлекают поворотные моменты истории. Попова исследует огромные человеческие возможности простого труженика, наиболее ярко проявляющиеся в острых жизненных столкновениях. Ее как бы интересует, что же может такой человек, какова мера его сил? На что он способен, когда революционная действительность открывает перед ним новые пути? Писательница очень точно замечает сдвиги в сознании, поведении, навыках и привычках своих героев.

В годы революции и гражданской войны в острых столкновениях бедняков и середняков с кулачеством началось формирование новой советской деревни. Не случайно еще в 1919—1920 годах на Урале было создано много коммун. Н. А. Попова в рассказах «Пестерь» и «Тетка Ольга» обращается к материалу тех лет. Оба эти рассказа, являясь самостоятельными, вместе с тем связаны друг с другом общностью исторической основы и некоторых персонажей.

В рассказе «Пестерь» писательница тепло рисует крестьянина-бедняка Ефимыча. Он втянут в кипение жизни революционной деревни: вместе с коммунистами разыскивает спрятанный кулаками хлеб. Сначала он объясняет себе свое участие в общественных делах простой «совестливостью», подчинением новому закону и порядкам. Но

выступлении кулаков, ставящее под удар Советскую власть, поднимает его к сознательной защите новой деревни, которая нужна ему, его односельчанам. Он совсем не хочет, чтобы «уторкали Советскую власть». Пестерь чувствует себя ответственным за жизнь товарищей по труду и борьбе за новую деревню.

Очень трудно входит революция в быт. Как крушение «нормы» человеческой жизни воспринимает батрачка тетка Ольга, героиня одноименного рассказа, нарушение прежних привычек и веками устоявшихся обычаев. Ее дочь Оня невенчанная живет с коммунистом, военкомом Григорием Павловичем. Ольге это кажется непоправимым несчастьем, которое она переживает трагически. Белогвардейские банды, внезапно захватившие село, устраивают кровавую расправу над передовыми людьми деревни, над их семьями. Они хотят расстрелять вместе с другими и Оню. Кулак, на которого батрачила тетка Ольга, берется «помочь» выволить ее дочь: та только должна отречься от мужа, наклеветать на коммунистов. По философии кулака Жвакина, «всякая ложь во спасение». Но Оня не может предать человека, в котором ее покорила не только сильная любовь, но и твердая убежденность в справедливости революционного преобразования деревни. Жизнь и дело Григория определяют ее поведение в этот трудный час. Перед лицом смерти она громко, при всем народе горячо отстаивает правду любимого как правду всего народа. Белобандиты убивают ее.

В сознании тетки Ольги совершается поворот. Растет ее раскаяние по мере того, как она убеждается в беззаветной и самоотверженной работе Григория на пользу народу. Она теперь понимает, что истинная человеческая нравственность связана не с косными обычаями старины, не с жвакиными, а с этой вот новой правдой коммунистов. Попова как очень чуткий, наблюдательный художник рисует действительные процессы в жизни деревни. Удачные краски найдены ею для передачи тесного переплетения старого и нового. Ольга по-матерински заботится о военконе, наговорами и «спрыскиванием» лечит его «тоску тоскующую, тоску плачущую, печаль неумолимую». Трогательный штрих, и сколько в нем художественной правды!

Рассказ «Подвозчая» является центральным в этом цикле. Это произведение настоящего эпического размаха — в «Подвозчей» как бы «сжат роман», вместивший трудную

большую судьбу русской крестьянки. То сурово и мужественно, то мягко и лирично ведет рассказ о своей жизни Павла Андреевна, уральская батрачка, прекрасный тип русской женщины, не сгибающейся в горе, веселой в труде, поэтичной в любви. Верная и мужественная, она постепенно поднимается от маленькой мечты о «достатке» в своей избе, на своем поле — к борьбе за большое народное счастье, за светлую человеческую жизнь.

Сказовая форма в полной мере удалась писательнице и кажется здесь совершенно необходимой.

В одной из первых же главок героиня рассказывает о своей девичьей любви. В этом безыскусном повествовании такое тонкое восприятие природы, такая поэзия чувств, что образ Павлы Андреевны сразу же освещается ярко, трепетно, становится близким. Красота и сила этого простого характера — в необычайной последовательности поведения, цельности, в следовании высоким этическим меркам народа. Писательница рисует развертывание, расцвет тех народных и национальных качеств, которые были заложены в трудовом крестьянстве. Вместе с тем она показывает и решительный перелом во взглядах героини на смысл жизни, на отношения между людьми, появление новых, тоже подлинно народных представлений о жизни, ее смысле, красоте — представлений, которые связаны с преобразующей деятельностью пролетариата.

Попова превосходно чувствует поэтическую образность народной речи, умело и бережно воспроизводит разговорные интонации рассказчицы. Характер героини раскрывается в ее языке. Читатель все время ощущает, что это именно речь уральской крестьянки. Вот целая человеческая судьба, переданная в двух емких фразах: «Всю жизнь ему несчастливо. Где другим гладкая дорога, ему все пень да колода». Или вот итог несостоявшейся вдовьей любви к кулаку, в которой героиня почувствовала измену себе, своей жизни, тому, за что боролись она и ее покойный муж: «Очень тяжело мне в ту пору было. Горе косицы побелило. Ну, говорить об этом нечего. Сколько ни болело, а умерло».

В этих словах — и цельность характера, и стойкость, изжившая беду.

«Уральские рассказы» Н. А. Поповой останутся надолго — так живо, ярко, убедительно и поэтично раскрыты в них глубинные процессы народной жизни.

Очерки о людях колхозной деревни, с которыми выступила Попова в послевоенные годы, стали своеобразными заготовками к большой повести «Мир на стану» (1948). Заглавие повести — уральское приветствие, чисто народное, рожденное глубоким уважением тружеников к своим сотоварищам. В нем выражено авторское отношение к жизни, изображенной в произведении.

В «Мире на стану» Н. А. Попова вводит нас в круг интересов, событий, характеров, складывающихся в послевоенной уральской деревне. С фронта возвращается молодой коммунист Арсений. При первой встрече с парторгом колхоза он говорит: «Удивительно мы артельный народ. Ведь мы и раньше, до войны, такими были. А сейчас, после войны, какими-то особенно артельными мы стали. Повидал народ свое государство на войне — еще больше уверовал в его могучую силу. Ох, какие дела сейчас завернем! Дух захватывает...» Эти слова — как бы ключ ко всему повествованию.

Писательница знакомит нас с новыми людьми деревни. Она рисует характеры колхозников, подчеркивая в них то, что рождено социалистическими отношениями. Запоминается читателям Черноусов — этот новый тип государственного деятеля. Про этого человека с полным правом можно сказать, что он живет интересами колхозов, целиком погружен в захватившие его задачи электрификации деревни. С глубокой симпатией нарисован образ главного героя повести — Арсения. Прямота и честность, твердость убеждений, горячий интерес к труду и людям — все эти черты делают его образцом колхозного руководителя.

Писательница не проходит мимо конфликтов, болезненно отзывавшихся на развитии колхозов в те годы. Она говорит и о нарушении устава сельхозартели, и о мелочной опеке со стороны районных организаций, и о стремлении некоторых руководителей победно отрапортовать любой ценой — пусть даже за счет незаконного урезания доходов у передовых колхозов. Все эти конфликты рассматриваются писательницей как временные помехи, зависящие лишь от субъективных качеств руководителей. Поэтому Арсений во всех столкновениях этого плана довольно легко выходит победителем. Характеры героев, передовых людей увидены правильно, но они стали бы убедительнее и ярче, если бы им пришлось вступить в более серьезные столкновения, требующие от них подлинного

напряжения сил, боевой реализации их горячих убеждений.

Один из главных конфликтов в повести — столкновение двух противоположных требований к жизни. Таисья, жена Арсения, по-своему колоритный, самобытный характер. Но все в ней определяется собственнической точкой зрения. Таисья не нуждается, но ей чуждо стремление к труду для общества. Это стяжательница. Она отстаивает свою свободу — так ей кажется. Попова очень хорошо и тонко показала, что на деле это отстаивание прежнего рабства: покорности вещам, традиции, накоплению. Назревает разрыв с Арсением, Таисья не может примириться с его широкими представлениями о назначении человека, о том, какой должна быть жизнь. Превосходно показывает писательница, как собственнические представления проявляются даже в любви Таисьи. Ей кажется, что любить ее — значит ценить, бояться потерять, как бояться потерять дорогую вещь. Она и уходит от Арсения, чтобы заставить его ощутить цену потери. Нам жалко эту сильную, горячую женщину, готовую «пересолить, да выхлебать», жаль потому, что очевидно ее трагическое заблуждение.

В этом конфликте живее, чем в столкновениях чисто общественных, играют краски характера Арсения.

Повесть о колхозной деревне, написанная Поповой, по-настоящему поэтична. Здесь, как и в рассказах, писательница, прослеживая исторические судьбы людей уральской деревни, верна правде магистрального развития нашего русского деревенского характера.

К большой теме истории революционных событий на Урале Н. А. Попова пришла в 30-е годы, работая над документальной книгой об Екатеринбурге-Свердловске. понадобилось еще два десятилетия, чтобы большой эпический замысел нашел воплощение. Писательница почувствовала, что не может не рассказать о больших исторических процессах, подготовивших наше сегодня, что она должна запечатлеть образы людей большой души и подлинной человеческой красоты, которые были рядовыми революции, ее героями.

В романе «Заре навстречу», вышедшем в 1954 году, изображен большой период истории Урала от эпохи революции 1908—1911 годов до восстановления хозяйства пос-

ле гражданской войны. Последние события в книге относятся к 1921 году. Это историко-революционный роман. И революция здесь не является фоном. Эпическая широта романа определяется тем, что писательница в личных судьбах людей различных социальных групп умело раскрывает проявление внутренних, глубинных процессов истории. Вместе с тем герои романа, относящиеся к разным лагерям, активно участвуют в схватках, они в разной степени «ведут историю».

Роман густо населен. Мы встречаемся в нем с персонажами, представляющими самые различные классы, группы, слои населения. На первом плане стоят яркие героические личности профессиональных пролетарских революционеров. Вот товарищ Андрей (Я. М. Свердлов), сохранивший в романе имя, под которым знал этого ленинца пролетариат Урала; рядом фигуры шемного аскетического, настойчивого, прямого Ильи Светлакова и романтической Ирины, страстного, напористого, стойкого Гордея Орлова, его милой жены, которая самозабвенно ведет революционную работу, скромных и сильных супругов Чекаревых. За всеми этими образами людей большой революционной судьбы стоят несомненные прототипы. Писательница изучила их и полюбила. Вместе с тем понятно ее стремление выйти за рамки прямого воспроизведения биографий известных деятелей революционного движения на Урале. Образы революционеров в романе поэтому исторически достоверны и вместе с тем представляют широкое типологическое обобщение.

Попова с партийных позиций, глубоко понимая суть изображаемого исторического движения, раскрывает читателям, какое место занимали эти люди в объективном процессе жизни. Она рисует их широко, в различных отношениях и обстоятельствах. Писательница вкладывает в изображение пролетарских революционеров настоящую любовь, уважение, теплое дружеское внимание к их светлому внутреннему миру. Это делает образы революционеров как-то интимно близкими читателям, придает им тот тонкий лиризм, который ощущается нами как лейтмотив прекрасного.

Осознание исторических перспектив великого дела, во имя которого борются солдаты революции, ведет писателя к желанию подчеркнуть их человеческую значительность, их страстную активность. Эпический образ получает ес-

тественную романтическую приподнятость, несколько не уменьшающую его реализм. Мы видим в этих героях черты людей социалистической эпохи, хотя она, эта эпоха, была для них тогда далеким и желанным грядущим.

В центре романа стоит рабочий Роман Янков, становящийся профессиональным революционером. В его образе находит выражение процесс революционного созревания рабочего класса Урала под влиянием ленинских идей в борьбе за свободу.

Писательница убеждает читателя в естественности и органичности социального развития героя. Мы видим, как жизнь все время дает Янкову новую пищу для размышлений. Эти размышления очень остры, так как жизнь не просто предлагает раздумывать, она жестоко бьет, если не самого Янкова, то его товарищей по работе. В поисках правильных ответов естественно тяготение рабочего к правде ленинских идей. Сила партии была и есть в глубокой способности трезвого анализа живой неповторимой действительности, в способности дать на основе этого анализа верные ориентиры. В этом убеждается уральский пролетарий Янков, и сам в конце концов становится одним из политических деятелей нового типа.

Попова в художественном анализе жизни Урала того времени раскрывает перед читателем сложный процесс революции. В нем мы видим и основные решающие черты, общие для всей страны, и вместе с тем существенные моменты специфически уральские.

Янков женат на дочери крестьянина Самоукова. Связь одного из главных героев с людьми уральской деревни позволяет ввести в роман вопрос о крестьянстве как союзнике пролетариата. Писательница, хорошо знающая крестьянскую жизнь, делает образ Самоукова живым, своеобразным выражением типических черт крестьянина, идущего к пролетариату. Рисуя картины жизни рабочих и крестьян, она везде прибегает к бытовой детализации, делая это умело, поэтично. Быт не принижает душевной красоты героев, а подчеркивает ее, помогает полнее раскрыть человечность простых людей.

Большое место в романе отведено изображению врагов рабочего класса и трудового крестьянства. Персонажи этого плана знаменуют собой различные социальные силы, являясь вместе с тем живыми лицами, со своеобразной психологией, судьбами, навыками. Мы встречаемся с Ох-

лопковым, бывшим управляющим заводским округом. Ничего, кроме бешеной ненависти к рабочим, он не испытывает. И дома ведет себя как дикий самодур. Естественно, что во время революции он выступает как ярый контрреволюционер. Здесь и Рысьев, сын попа Мироносицкого, пролезший в партию, всегда вносящий смуту, склонный к авантюризму, видящий в революционной деятельности лишь возможность вовремя «оседлать волну». Этот предатель одновременно ставит ставку и на революцию, и на контрреволюцию — чья возьмет. Попова нарисовала выразительную фигуру злейшего врага народа, отвратительного в своем циническом безразличии к людям, к стране, в стремлении, не стесняясь в средствах, «сделать карьеру» в революционном движении. Здесь и эсер Котельников, плакавшийся о крестьянских правах, а потом закономерно скатывающийся в контрреволюционное болото.

Большинство этих врагов — мерзкие, личтожные по своей сущности люди. Система их общественного поведения тесно связана с нравственными понятиями, которые оказываются странно далекими от человечности.

Особое место занимает в этом эпическом повествовании уяснение положения и характера буржуазной интеллигенции. Хорошо нарисовано декадентство, проникшее в ее быт. Августа Солодковская считает себя носителем утонченной, рафинированной культуры. Юноша, на которого обратила она внимание, стал революционером и казнен в годы реакции. И вот Августа уходит в монастырь. Но это только поза, претензия на значительность и глубину. Писательница показывает, снимая тот покров таинственности и значительности, который сначала наброшен на Августу, ее себялюбие, ее сосредоточенность на «взлелеивании собственного страдания» и полную удовлетворенность браком с Рысьевым.

Образы враждебных живой жизни буржуазных интеллигентов, претендующих на представительство всечеловеческой культуры, нужны в книге не просто для полноты картины. Попова ставит большой вопрос об истинной культуре и истинных носителях ее. Она показывает, что буржуазные отношения должны быть ликвидированы не только в силу экономических и социальных причин. Буржуазия, до сих пор полагающая, что она хранит культуру, на самом деле враг ее, ибо культура — это прежде всего человечность, жизнь, социальное здоровье. Все это на стороне

пролетарских революционеров, все это в той исконной почве, которая родила культуру — в народе, становящемся свободным уже в ходе своей борьбы. Истинно прекрасными, выражающими суть подлинной культуры человечества, являются отношения простых людей, людей революции.

Многие люди «середины» не могут найти места в кипении событий. Тянет груз старых привычек, страх перед всякими переменами, но элементарная честность постоянно ставит перед этими людьми вопросы, на которые надо давать ответы. Некоторые из этих интеллигентов будут служить народу, как инженер Зборовский.

В романе сложность жизни нигде не обойдена. Сложным является, например, образ священника Петра Албычева. Как объяснила писательница, он нужен, чтобы понять, что порой даже сами сторонники фальшивой идеологии в конце концов приходят к ее отрицанию. Отец Петр перед смертью кричит: «Зря жил. Ушла жизнь! Псу под хвост!..» Что же, многие из интеллигентов, прежде чем прийти на службу новой власти рабочих и крестьян, тоже обнаруживали, что служили фальши, ничтожеству, бесплодно жили. Ведь и юной Нине Поповой в 18 лет надо было понять, что борьба за правду без истинных хозяев этой правды ни к чему не приведет. Она тоже выросла в семье одного из таких албычевых, и ее путь к народу и партии — свидетельство великой силы революции.

Естественно, что некоторые процессы истории не могли получить отчетливое выражение непосредственно в судьбах действующих в книге лиц. В этом случае Попова прибегает к развернутым публицистическим рассказам о событиях. Что это, неумение справиться с формой эпического романа, отступление на чужую территорию? Думается, нет. Эпос нашего времени будет включать такие раздумья, рассказы и размышления так же естественно, как это все больше и больше становится естественным для нас самих: мы привыкаем мыслить о больших явлениях истории в логических категориях, часто далеких от художественной образности. Но наше личное чувство, эмоции, сопровождающие эти логические построения, включают их в общую систему нашего духовно-практического представления о мире, являющуюся основой художественного освоения действительности.

Индивидуальность голоса писательницы в романе не

пропадает нигде. Она сохраняется и там, где иные критики видят лишь чисто публицистические отступления. Это голос партийного писателя, знающего жизнь, видящего перспективы ее. В нем, в этом голосе, — уверенность, гордость, радостное волнение, когда рассказ ведется о революционном, передовом. И совсем другие интонации звучат там, где речь идет о врагах революции. Правда, в некоторых местах хотелось бы услышать в этом голосе больше модуляций. Они иногда повторяются.

Роман Н. А. Поповой «Дело чести» — вторая часть трилогии, об Урале революционном, Урале социалистическом. Действие здесь разворачивается в сложные и богатые событиями 30-е годы, годы побед социализма. Объединяет две части трилогии не только общность некоторых героев и прямая хронологическая последовательность событий, но в первую очередь единая авторская мысль о величии и непрерывности революционного дела, перестраивающего мир и человека. Единоы обе части и по авторскому тону. К своим героям писательница подходит с уважением и радостным чувством доверия. Она искренне любит тем хорошим, что цветет в людях, что рождено новыми социалистическими началами жизни, — и это создает общую атмосферу ясности, светлого лиризма.

«Дело чести» — многоплановый роман, в нем раскрываются десятки судеб, сплетенных разнообразными отношениями. Но, пожалуй, самым главным в романе является образ самого времени.

Не надо думать, что образ времени как-то подавляет образы людей. Нет, самое ощущение эпохи, ее сути, ее аромата дается в романе преимущественно через человеческие судьбы, раскрываемые во многих гранях. Но если в романах 30-х годов — таких, как «Я люблю» А. Авдеенко, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Так начиналась жизнь» А. Савчука, предметом главного внимания писателей была жизненная судьба одного героя, показ того, как рождается новый человек социалистического общества, то теперь, с высот времени, когда ощущается потребность осмыслить процесс раскрепощения человека как массовый, всеобщий, — естественным становится сюжет, какой избрала Н. Попова, хотя построение романа-хроники является трудным делом. Выбор этот лишний раз говорит о художественном чутье писательницы.

В «Деле чести» много мыслей, много проблем. Попова, как партийный художник, видящий призвание в воспитании человека коммунистического завтра, хочет выделить в истории то, что вызывает нашу законную гордость, убедительно показывая, что отрицательные явления, связанные с культом личности, не могли помешать общему поступательному движению советского общества к великой цели.

На страницах романа мы встречаемся с хорошими советскими людьми, действующими и думающими, старающимися понять свое время и себя. Все они — и Володя Даурцев, и Маша Светлакова, и Алексей Дмитриевич Буров, и Гриша Зыков — радостно, полно, открыто, с какой-то первозданной жадностью воспринимают жизнь — поле их труда, большого общего дела. Соучастие в творимой людьми жизни рождает в них светлое чувство уважения к человеку как к другу, брату, товарищу.

С полной отданностью всем созидательным человеческим делам живет Григорий Зыков. Непримируемость его ко всему, на чем лежат следы старых отношений между людьми, его активность и сердечность — грани большого характера человека, вырастающего в эпоху социализма.

Много неумной, проникновенной любви к людям у писателя Булова. Хорошо в нем «чувство локтя», рабочее воззрение на труд и его результаты, умение радоваться сделанному. Отсюда идет непримируемость ко всему, что уводит искусство с главной дороги — дороги жизни. Мы легко узнаем в этих чертах и в портрете Булова его прототип — писателя-рабочего Алексея Петровича Бондина. Это от него у Булова характерный говорок, обаяние, простота, доброжелательность и требовательность, участие в судьбах людей. Жаль только, что в сюжете романа Булова не нашлось подходящего места. Писательница слабо связала его с острыми конфликтами, которые только и позволяют характеру проявиться в полной мере. Отсюда и оттенок некоторой созерцательности в этом образе. О Зыкове, тоже имеющем прототип — знаменитого тагильского рабкора Григория Быкова, одного из авторов книги «Были горы Высокой», — писательница сказала меньше, чем о Булове. Однако Зыков вошел в романе в такие жизненные столкновения, которые помогли сильнее, значительнее донести до читателей и всю масштабность этого характера, и черты времени, отразившиеся в нем. Правда,

кое-где близость к прототипам мешает писательнице. Портретность сковывает художника.

Люди, которые в романе занимают первый план, написаны памятью сердца, прекрасной, цепкой, отбирающей то, что прошло через самую душу художника. Но она, эта память, всегда, так сказать, суммарна: она дает итог, законченный образ. И вот люди, живущие в изменяющемся мире, сами в романе почти не изменяются. Обогащается их память, происходят какие-то переоценки, но подлинного развития характера нет. Писательница в образе Бориса Яркова попыталась раскрыть эволюцию отношений человека к миру, но это получилось заданно и чисто полемически. Борис Ярков противопоставлен «потерянному поколению» на Западе. Но все перемены в нем не выведены из развития действительности и потому не убеждают.

В относительном развитии показана Кира, дочь троцкиста Рысьева. В романе ей отведено много места. Однако и здесь не столько историческое движение человека, его личности, сколько попеременная победа разных сторон одного характера: то побеждает эгоизм и своеобразный цинизм, то заложенные школой и обществом чувство локтя и тяга к живому делу. Создавая образ Киры, писательница временами теряет чувство меры и впадает в мелодраматический тон.

Очень важное место в романе занимает Ярков, секретарь обкома партии, революционер, сформировавшийся еще в боях с царизмом. Рисуя его, Попова стремится показать сложную и напряженную организационно-политическую работу партии в годы строительства социализма.

Роман Ярков в «Деле чести» прям, прост, правдив, деятелен, энергичен. Он обладает острым аналитическим умом и глубоко понимает суть исторического процесса. Он честен и вступает за оклеветанного Даурцева. Он трагически переживает открывшиеся ему извращения, вызванные культом личности. Жаль только, что местами неточные детали набрасывают на характер Яркова тени, не предусмотренные автором. Конечно же Попова понимает, что одно из главных качеств партийного руководителя — умение учиться у масс, вникать в жизнь людей. Неожиданно Ярков обнаруживает совсем иное. Его речь на партийно-технической конференции подводит итоги прениям. Звучит же она декларативно, как директива, излагающая общие принципы без опоры на то, что говорили

коммунисты, без обращения к практике коллектива. Речь правильна по содержанию, но в ней есть отсвет бюрократического стиля.

Разговор Яркова с крестьянином Матвеем Саввичем несет тот же отсвет. Ярков только поучает собеседника, не стараясь понять его, вникнуть в реальные отношения вот здесь, в этом селе. Он на все имеет готовый ответ. А ведь писательница знала настоящих партийных руководителей, их было много, и они, опираясь на массы, чутко прислушивались к тому, что происходит в жизни, вели страну вперед. Именно о них она хочет сказать, говоря о Яркове. Неточные художественные детали, перемещение акцентов ведут к сильному изменению общественной оценки характера.

Одна из основных сюжетных коллизий первой половины романа — столкновение с контрреволюционерами, вредителями, диверсантами. Тема борьбы классов развивается и дальше. Попова показывает не нарастание классовой борьбы в период победы социализма, а такое усиление социалистических начал, которые все меньше оставляют места для прямых вылазок врагов. Успехи страны ведут даже вчерашних диверсантов к переоценке обстановки. Изменяются методы борьбы. Не опирающиеся на сколько-нибудь широкий круг единомышленников, враги прячутся и действуют лишь исподтишка; таков, например, Овсеев.

Враги революции, действительно, пытались ослабить Советскую страну, вредили как могли. Достаточно вспомнить кулаков, убивших Павлика Морозова и Григория Быкова. Правдохам грозили, с ними расправлялись. И песок в подшипники сыпали. И заводы поджигали. Это была борьба, и борьба кровавая.

Людам, строящим новую жизнь, Н. Попова противопоставляет группу врагов во главе с троцкистом Рысьевым и сыном жандарма инженером Горевым. Писательница показывает, как тесно связана в них ненависть ко всему советскому с личной, так сказать, индивидуальной подлостью. Пытается отравить свою дочь Рысьев. Циничен в отношениях к женщине Горев. Трусливую ненависть к новому испытывает Кондратов. Пожалуй, наиболее рельефно изображен не останавливающийся ни перед чем кулак, белогвардейский офицер Овсеев, убийца Григория Зыкова. Вот здесь художественная завершенность образа вы-

ступает с большой силой; у нас не возникает недоверия ни к его поступкам, ни к психологии, ни к речи, последовательно выдержанных в одном ключе.

Но не все в изображении людей темного мира удовлетворит читателей. В некоторых местах нарушается логика их поведения. Кое-где звучат ненужные мелодраматические ноты, как, например, в разговоре Рысьева с Горевым. Иногда теряется психологическая достоверность.

Трагично складывается в романе судьба Владимира Даурцева. Он арестован, оклеветанный Богатыревым, низким карьеристом, мерзавцем, связанным с кулаками.

Даурцев оказывается сбитым с ног теми, против кого он боролся. И тем сильнее наша радость, когда хитросплетения клеветы разорваны и Даурцев снова занимает свое место в трудовом строю. В книге о времени, где сквозным героем оказался Даурцев, конечно трудно было бы иначе закончить его линию, чем она закончена.

Н. Попова рисует те ситуации, которые были благоприятны для клеветников. С этой точки зрения большое значение имеет образ Гордея Орлова. В «Деле чести» он директор завода, позднее — секретарь обкома партии. Он знает Даурцева, знал его отца. Но когда жена Даурцева просит вступить за оклеветанного мужа, Орлов ни на минуту не сомневается в его виновности, в нем не поднимается вопрос о возможности ошибки, он целиком во власти представления об усилении классовой борьбы при социализме. Это тоже трагедия. Он говорит: «Если уж изменили Родине такие люди... мои соратники... кому я верил, как себе...»

Такая позиция Орлова в деле Даурцева подготовлена. Писательница на страницах романа показала, как Гордей Орлов нормой считает двойные законы: один для руководителей, другие — для всех остальных. Время счастливого развития «мы», «мы сделали» — прошло мимо него, а его самомнение, поддержанное культом личности, взрастило непомерное «я» («я сделал», «я прощаю», «я могу», «я решил») и вместе с ним совершенно закономерное отчуждение от людей и недоверие к ним. Вера в сухую теорию, в силу слова, волю одного вытеснили познание действительности, понимание ее истинных процессов.

Жаль, что писательница пропустила некоторые этапы развития Орлова. Мы не понимаем, что же его сделало черствым и чуждым людским интересам. Как же все-таки получилось, что в эпоху развития истинного коллективизма

у отдельных деятелей мог появиться враждебный социализму стиль в отношении к людям как материалу истории, а не к цели ее?

Значение романа прежде всего в том, что он позволяет ощутить, понять, почувствовать связь времен: того, уже ушедшего и все же незримо включенного в наше сегодня, — и великих дней, в которые живем мы. Роман во многом полемичен. В нем — настоящая смелость художника, ставящего перед собой высокие цели, понимающего искусство как силу, участвующую в формировании людей. Она, эта смелость, в поисках нового человека, в понимании путей его развития, в открытии таких способов изображения его, которые наилучшим образом помогли бы осознать и новизну героя, и его значительность, и его особый характер.

Попова создала роман о времени, отраженном в человеке. Писательница искала оригинальную форму жанра романа-хроники, где не были бы потеряны отдельные лица. Но роман слишком перенаселен, порой становится как бы суммой портретов. Соединительная же ткань между ними иногда выглядит суховатой, чересчур информационной.

В романе много речей и внутренних монологов на политические темы. Это естественно. Речи, действительно, в 30-е годы произносилось часто, и политика стала частью душевной жизни людей. Однако простое воспроизведение их в книге вряд ли уместно, если художник хочет добиться правды жизни. Эти речи построены как повторение общих мест. Но ведь для большинства они тогда наполнялись личным чувством, они говорили об общности дела и переживаний, и стояла за ними сама действительность. Сегодня эти общие фразы не могут восприниматься в качестве положительной характеристики персонажа. Вероятно, нужны были поиски новых средств изображения, чтобы передать в этих речах подлинное горение человека, а не автоматизм устоявшихся речений.

Роман «Дело чести» написан памятью сердца. В нем большую роль играет авторский голос — голос писателя, горячо любящего своих героев, как свои переживающего их радости и тревоги, ощущающего счастье жить рядом с такими хорошими людьми.

Последняя часть трилогии Н. А. Поповой имеет сложную и длинную историю. В 1952 году, еще до того, как писательница приступила к работе над первой книгой

трилогии, вышла ее повесть «Зрелость», в которой завершались многие судьбы героев, чью предысторию предстояло развернуть в еще не написанных романах. Происходила своеобразная прикидка: писательница стремилась в свете современности нащупать верные подходы к прошлому, безошибочно выделить главную струю в потоке жизни. Одновременно задавалась общая тональность трилогии. В «Зрелости» в центре внимания автора — нравственные итоги нашего общественного развития, становление добрых начал личности в атмосфере социалистического коллектива. Писательница верно раскрывала высокий потенциал общества, возможности благотворного воздействия на личность.

В этой повести открылась способность Н. А. Поповой к «многоголосному» построению произведения. Она развивала параллельные линии многих судеб, столкновений, характеров и явлений. Она сплетала их в завершенное целое. Но при этом повествование кое в чем и проиграло. Сила Н. А. Поповой — в непосредственном живописании, воспроизведении народной речи, народного склада ума; здесь же обилие материала толкало ее часто на беглый рассказ, в котором описание господствует над изображением.

Но после того как вышли из-под пера Поповой первая и вторая книги трилогии, стало ясно, что написанная ранее «Зрелость» не может стать третьей частью трилогии, не может завершить всю эпопею об историческом движении уральских рабочих, крестьян, интеллигенции к новому общественному укладу, к новому типу отношений. Более конкретным и вдумчивым стал за эти годы подход писательницы к действительности, глубже стал историзм. Стремление выявить и подчеркнуть возможности личности при социализме дополняется усилением внимания к исследованию конфликтов и противоречий, с которыми человек встречается, и, в частности, к вопросу о роли тех социальных групп, которые, обитая в социалистическом обществе, еще сохраняют определенные пережитки и привычки старого мира.

Попова решает написать новый роман, который должен был заменить «Зрелость» в качестве завершающего звена трилогии. Собственно, по первоначальному замыслу, это должна была быть та же «Зрелость», только значительно переработанная, расширенная, выверенная време-

нем. Но «Зрелость» имела столько очень конкретных примет пятидесятих годов, что финал трилогии оказался бы отстоящим от наших дней почти на два десятилетия, столь значительных в истории, приведших к громадным сдвигам и в материальных основах жизни общества, и в характере развивающихся социалистических отношений. Поэтому писательница отбросила мысль о переделке «Зрелости» и стала работать над новым романом «Верность», где дети прежних героев и постаревшие уже персонажи «Дела чести» жили и трудились в наши дни. Книга была закончена в последние месяцы жизни писательницы. Сигнальный экземпляр романа она подержала в руках за неделю до смерти (Н. А. Попова скончалась 11 января 1969 года).

Работа над «Верностью» шла долго и трудно. Писательнице хотелось в последний раз сказать читателям как можно больше, поделиться своими мыслями о многих явлениях и сторонах жизни. В романе много полемических страниц, много публицистических отступлений, много героев, много проблем. Но это «много» пришло в противоречие со спецификой искусства, необходимостью последовательно образного мышления. Живые картины часто сменялись беглым пересказом того, что было с героями, как они переживали то или иное событие. В «Верности» мы видим интересный документ духовной жизни нашего общества в определенный период его развития, но это документ, в котором рационалистичность анализа и образный строй не достигают единства, необходимого для художественного произведения.

В целом же трилогия Поповой остается в нашей памяти как правдивый и взволнованный рассказ о путях истории, как картина жизни Урала в бурные поворотные десятилетия XX века, из которых выросло наше сегодня. Писательница хорошо знала Урал во всем своеобразием его быта, облика, традиций, горячо любила его людей. Радостной верой в человека проникнуто все творчество Нины Аркадьевны Поповой.

1961—1971

ДОРОГАМИ ИСТОРИИ

Серые холодные облака, торопясь и меняя очертания, плыли-бежали на юг. Их подхлестывал сильный ветер, стремительно срывавшийся с угрюмого Полюда, в ясную погоду легко различимого в волнообразной горной гряде. Вслед за облаками сиротливо тянулись косяки журавлей. Журавли жалобно курлыкали, будто жалуясь, что обгоняет их ветер.

Маленький мальчик, зябко поеживаясь, стоял на улице большого северного села Вильгорт, глядел на небо, на журавлей, на серые, как облака, деревянные дома, что вытянулись длинной улицей, упиравшейся в лес. Может, именно в то осеннее утро незаметно вошло в него желание понять движение: согласить кондовую неподвижность домов, казалось, с самой землей появившихся на свет божий, — с озабоченным и неумным бегом облаков, со стаями птиц, улетающих вдаль.

Шел первый год нового столетия. Сын местного священника, четырехлетний Костя Боголюбов, недавно приехал на север. Все было ново, все влекло к себе, вызывало настойчивый интерес.

Места, где прошли его школьные годы, были полны стародавней старины. Здесь еще сохранилась степенная северная речь с горластым новгородским «о», принесенная ушкуйниками, которые «бегали» когда-то от стен кремля на Волхове до Камня, как именовали тогда Урал. Жили здесь легенды, предания, свадебные песни, сохранившие печать давно ушедшего времени, но за душу хватавшие и сейчас, полные неизъяснимой красоты. В пословицах цвела накопленная народом вековая мудрость. Здесь не бросались словами на ветер, ценя их внутреннее содержание.

В народной памяти хранились рассказы о набегах ногайцев, вогульского князя Асыка, тюменского Кулук-Салтана, чье «злострое коварство» приносило много бед «голутвенным людишкам», бежавшим на Урал от смут, бед и разорений Московского государства. Жили предания о

том, как был сослан Борисом Годуновым в Ныроб Михаил Романов, попавший в опалу, а в церкви хранились кандалы, которыми был он «отягчен» в «узилище».

О Руси, уходящей в историю, говорили потемневшие от времени деревянные церкви в округе, величественные, узорочьем изукрашенные храмы Чердыни. Вростали в землю дома, построенные еще при московских воеводах. Кичливо возвышались городские каменные палаты, а в окрестных селах стояли столь же древние, сложенные из толстых и прямых, как струна, лиственниц, крепкие избы с высокими коньками, причудливой резьбой.

По-старому, ушкуйному, грабили север чердынские купцы, и были они сами словно частью старинной истории.

Историей был пропитан воздух чердынского края, ставшего настоящей родиной Константина Васильевича Боголюбова, хотя и родился он в селе Александровском возле Красноуфимска. Это было 23 августа 1897 года.

Три четверти столетия — это уже целая история. Жизнь же К. В. Боголюбова пролегла в годах, полных событий громадного исторического смысла.

Вскоре после революции 1905 года состоялись первые встречи его с людьми «неблагонадежными», сосланными на Север. Хотя смысл их деятельности был мальчугану неясен, но самая таинственность, с которой говорилось о них, участливое, но с оглядкой, отношение к ним близких заставляли задуматься над тем, что же это за люди — «политики»? Старая чердынская купеческая Россия не признавала движения. Жила она ощущением неизменности и прочности из старины идущего довольства и власти. Но рядом появлялись, как отголоски тревожных событий, происходивших в Петербурге, Москве, Мотовилихе, — эти странные люди, «смутьяны», поднявшие руку на саму историю с ее устоями вековыми.

В то время Боголюбов стал уже гимназистом в губернском городе Перми. В гимназии учили историю по Платонову. История здесь была рассказом о сменах царей, рассыпающих благоденствия подданным, да о воинских успехах полководцев, осыпанных милостями самодержцев. Народа же, ложившегося костями на полях брани, строившего красивые церкви, сложившего и сохранившего в памяти напевные песни, щемящие сердце, не было в писанной истории. И это так противоречило исторической памя-

ти самого народа, так противоречило вскинувшему вокруг событиям, свидетельствовавшим о нарастающей силе политических действий масс, что юноше трудно было согласиться с учебником в бордовом коленкоровом переплете. На гимназической скамье начал К. В. Боголюбов спор с таким пониманием истории. Упрямо складывалось свое представление о прошлом. Хотелось понять все, и казалось, что путь к пониманию лежит через академическую науку. Он стал студентом историко-филологического факультета только что открытого в Перми университета.

Поучиться пришлось недолго. Вместе с другими такими же студентами в 1917 году он был призван в армию, чтобы воевать «до победного конца». Предстояло творить историю самому.

В запасном полку, куда попал солдат Боголюбов, кипели страсти. Надо было делать выбор: мир раскалывался, и рядом с войной против «тевтонов», как высокопарно называли газеты немцев, стремительно надвигалась война народа против гнилой монархии, против помещиков, против спекулянтов-грабителей, наживающих барыши на бедах, муках, истреблении людей.

Из армии, растекавшейся по домам, вернулся Боголюбов в Пермскую губернию и здесь, в одном из сел Закамья, стал красногвардейцем. Казалось, что он вместе со всем народом ломает отжившее, утверждает свободу, хотя формы революционного пролетарского строительства пока ему не были понятны. Но когда потерпели поражение под Пермью измотанные в длительных боях красные войска и колчаковцы ворвались в село, не успевшего эвакуироваться бывшего студента насильственно мобилизовали в белую армию. Нет, он еще не мог делать историю...

С колчаковскими войсками разделил будущий автор исторических повестей путь бесславного отступления, отмеченного жестокостью карателей, среди все нарастающей ненависти народа. Вот когда пришло время решить сознательно, с полной ответственностью, с кем, в каком стане сражаться. Боголюбов понял, что наследуют многовековую историю страны революционные силы народа. Понял, что те, кто упрямо старался сохранить прошлое, прикрываясь лозунгами «истинной национальности», «славных традиций», на самом деле питались не любовью к родине, а ненавистью к народу, сбросившему паразитирующие классы. И молодой солдат сделал выбор: при первой

же представившейся возможности перешел на сторону красных.

Пять долгих лет был он красноармейцем. Участвовал в боях, стоял на часах у одиноких складов в зимние стужки, ремонтировал разрушенные здания, обучал грамоте тех, кто по праву стал хозяином жизни.

Только в 1924 году кончилась для К. В. Боголюбова его армейская эпопея, вооружившая его самым главным: верным, выстраданным, усвоенным с помощью коммунистов воззрением на то, как движется история. Дошедший с Красной Армией до края России, он из Владивостока возвратился в Пермь, чтобы учительствовать и учиться. Осмотрелся, вздохнул, прилагодился. Но вынес из военной службы бывший красноармеец еще одно: находясь в армии, начал он писать, печатали его в армейских и губернских газетах, а рассказ «В бурю» получил премию на конкурсе Урало-Сибирского военного округа. Вот и в Перми потянуло к газете, к творчеству. А тут встретился Боголюбов с Иваном Пановым, который станет впоследствии известным писателем, автором романа «Урман». Панов посоветовал переехать в Свердловск, где уже складывались литературные силы, которые через год положат начало Уральской ассоциации пролетарских писателей.

В Свердловске Боголюбов стал преподавателем Комвуза, потом Коммунистического института журналистики. Он вошел в писательскую жизнь города, был одним из создателей литературной группы «На смену», участвовал в редактировании журнала «Штурм». Несколько десятилетий занимался Боголюбов незаметным, кропотливым делом литературной критики. Его взыскательность и постоянная мягкая доброжелательность помогли многим литераторам встать на ноги, точнее определить место в жизни, понять направление и меру своего дарования. Многие годы связывала Константина Васильевича творческая дружба с П. П. Бажовым, А. П. Бондиным, Н. А. Поповой. Общение с этими писателями, остро чувствовавшими необходимость отражения в литературе предыстории рабочего класса, развития его сознания, роста творческих сил, несомненно повлияло на направленность литературных интересов Боголюбова.

Внимание его все больше привлекают проблемы истории народного сознания, истории литературы. К этому вело писателя ощущение тесной связи вчера и сегодня

ня, стремление понять прошлое как преддверие настоящего.

Первыми книжечками, которые выпустил К. Боголюбов вместе с М. Кашеваровым, были два сборника: «Песни борьбы» (1934) и «Песни уральского революционного подполья» (1935). Первый сборник включал красноармейские песни и стихи, созданные во время гражданской войны. В них горело пламя тех дней, дышала воля к победе, доверие к новому, презрение к отжившему, отмечаемому прочь. Даже в самой невыработанности поэтической формы пробивалось то, что было главным: народ получил возможность творчества; он изливает свою душу, пусть пока неумело, но свежо, радостно, ясно, жизнеутверждающе.

Второй сборник уводил дальше в историю, раскрывал высокий и чистый духовный мир пролетарских революционеров, мир их поэтических мыслей и эмоций. Боголюбов верно начинал путь ко все более глубокому пониманию истории, отправляясь от осмысления революционного опыта партии и пролетариата.

Несколько лет жизни были отданы К. В. Боголюбовым собиранию и изучению творчества ряда писателей-уральцев, таких, как поэт-правдист П. И. Заякин-Уральский, тонкий бытописатель И. Ф. Колотовкин и др. Но больше всего уделил он внимания жизни и творчеству крупного писателя-демократа Д. Н. Мамина-Сибиряка. Деятельную любовь к его творчеству Боголюбов пронес сквозь всю жизнь. Глубокий историзм Мамина-Сибиряка, понимание им движения жизни, ощущение связи времен, столь близкие духу самого Боголюбова, вызывали чувство какого-то сродства. Вместе с А. С. Ладейщиковым он возглавлял работу по изданию первого послереволюционного собрания сочинений Мамина-Сибиряка в пяти томах. Тогда же начато им исследование творческой истории романа «Три конца», опубликованное уже после войны.

Но историк литературы всегда соседствовал в Боголюбове с писателем. Ему хотелось, чтобы читатели не просто узнали, как складывался писательский талант, писательская личность Мамина, но как бы своеглазно увидели его жизнь в картинах, воспроизводящих события, встречи, окружение писателя. Так появилась первая беллетризованная биография Мамина-Сибиряка, носившая название «Певец Урала». Автор пытался понять место этого человека в истории, отражение в его творчестве исторического

прошлого Урала, осознание писателем закономерностей развития народной жизни. В ходе этой работы перед Боголюбовым еще шире открылась бойкая и разноликая, полная трагических разломов жизнь самобытного края. Понимание путей истории, помноженное на собственный жизненный опыт, подводило писателя к широкому раскрытию исторической темы, темы жизни, борьбы, страданий, силы и слабости, радостей и печалей рабочего люда Урала.

Великая Отечественная война, почти трехлетняя служба в рядах Советской Армии еще определеннее заставила писателя почувствовать силу народного движения, исторически величественный итог объединения народных сил под руководством партии.

После войны Боголюбов, не оставляя занятий литературной критикой, приступает к работе над произведениями о прошлом Урала, о жизни рабочих и крестьян в пору крепостничества. Так появляются повести «Связанные крылья» (1952), «Зарницы» (1954), «Атаман Золотой» (1955), «Грозный год» (1958), составляющие в целом панораму жизни Урала конца XVIII — первой половины XIX веков.

Повесть «Связанные крылья» построена на материалах архивного дела, обнаруженного писателем. Отправляясь от скурых донесений и одностороннего освещения событий теми, в чьих руках находились бесправные крепостные, К. В. Боголюбов попытался восстановить правду в ее исторической полноте, раскрыть то, о чем умолчали полные гнева на крепостного документы. Они, эти документы, начисто умолчали о трагических переживаниях талантливого и умного мастерового Евдокима Бобылева, действительно жившего в Верх-Нейвинском заводе в начале XIX века.

Рабочий, находящийся в полной зависимости от управителей, приказчиков, нарядчиков, он и в глазах владельца, получившего немалые выгоды от изобретений Евдокима, был только крепостным и никем больше. Бобылев не может примириться с тем, что с его талантом не считаются. Он чувствует себя личностью, отстаивает свое право на творчество. Но крепостническая система не признает за ним никаких прав. Над всем тяготеет один неписанный закон — закон презрения к черни, «равенства» всех бесправных в работе на господина, закон подавления мастеров-

вых «сильной рукой», страхом, унижением, дабы не мнили о себе и о свободе не помышляли.

Управители не прочь получить выгоды от изобретенного Бобылевым способа проката длинномерных кровельных листов, но и они уверены, что изобретение крепостного — естественная собственность владельца, поскольку изобретатель раб. Господин владелец Яковлев, не моргнув глазом, получает медаль за открытия крепостного, но даже эта неожиданная «монаршая милость» не заставляет хозяина изменить отношение к мастеровому. Наивная иллюзия Бобылева, думавшего, что только нерадивые и недальновидные приказчики на местах не заботятся о пользе государства, что «в верхах» все совсем иначе, — разбивается вдребезги, когда он и в столице встречает глухую стену равнодушия везде, вплоть до царского дворца. Поиски правды и справедливости оказываются бесплодными. Неравная тяжба ума и таланта с системой, не признающей крепостного за человека, оканчивается трагической гибелью мастерового под господскими плетями.

В «Связанных крыльях» есть и другие линии, свидетельствующие о «неумирающем духе протеста и взрывах дикой воли» в крепостническом мире горнозаводского хозяйства. Рядом с тщательно прослеженной судьбой Евдокима Бобылева, его жены Настеньки, его отца Пимена и брата Прокопия, отслужившего «верой и правдой» царю 25 солдатских лет, в повести разворачивается драматичная жизненная история мастерового Нестора Пузанова. Этот человек идет на верную гибель. Среди бела дня он убивает приказчика-зверя, мстя не за себя, а за других. Рабочий Александр Котугин становится разбойником Негорюем, скитается в лесах, мстя крепостникам. Но писатель показывает, как призрачна эта разбойничья свобода, достигнутая ценой утраты общественных связей.

В этой повести уже достаточно полно обозначились особенности Боголюбова как писателя, работающего в историческом жанре. Он стремится показать характер основного процесса исторической эпохи, как в мозаике, составляя из многих, внешне слабо связанных друг с другом мелких кусочков, картину всех сторон жизни уральских мастеровых. Обилие знаний о деталях истории захлестывает писателя. Он хочет показать не только конкретную судьбу мастерового, но и обобщенную картину совокупных судеб уральских рабочих. Для этого ему приходится вво-

дить все новые персонажи, в жизни которых проявилась та или иная из закономерностей исторического процесса. С одной стороны, картина выигрывает в полноте, стремление к которой понятно у литературоведа. Но зато она проигрывает в возможностях детализации и углубления: мы не успеваем не только по-настоящему узнать, но даже запомнить всех героев...

Вторая повесть «Зарницы» еще более многопланова. Писатель в ней сопоставляет, переплетает, пересекает два пути движения в поисках свободы. Напряженные размышления Андрея Лоцманова, крепостного интеллигента, о противоестественности рабства, о необходимости объединения для борьбы за свободу, его одиночество и глухая гибель в немых крепостных стенах — главная линия повести. А рядом, ширясь, включаются в повествование картины волнений посессионных крестьян в 1812 году и знаменитой в летописях рабочего движения борьбы кыштымских рабочих, приведшей к временному управлению ими заводом. И еще одна линия — солдата Дениса Олопцева — позволяет показать осознание угнетенной личностью ее человеческих прав. Здесь обозначившаяся в первой повести мозаичность, фрагментарность еще более усиливаются. Повесть состоит из ряда самостоятельных эпизодов, связанных друг с другом общей мыслью о формах борьбы за свободу и в некоторых случаях общностью второстепенных действующих лиц.

Писателю удалось показать силу и слабость пробуждающегося рабочего движения, не выходявшего еще из рамок стремления к «законности». Протест одиночки Лоцманова, хотя и верно видевшего цели борьбы, бессилен что-либо изменить. Но и движение мастеровых на этом этапе страдает от отсутствия единой верной цели и столь же верного определения путей к ней.

Повесть «Атаман Золотой» построена по мотивам многочисленных преданий о реально существовавшем «разбойнике» Рыжанко, или атамане Золотом. Народная память сохранила восхищение трудового люда его расправой с жестокосердным владельцем Васильево-Шайтанского завода (теперь город Первоуральск). Но историческая повесть претендует на большее, чем лаконичные легенды о Рыжанко. Детальное повествование о всех приключениях Андрея Плотникова, ставшего атаманом Золотым, вело к невольному любованию разбойничеством, к его романти-

зации, к отождествлению очень разных по своей природе явлений: коллективных выступлений мастеровых и индивидуального протеста, перераставшего в анархическое своеволие. Повесть эта, более концентрированная композиционно, рисуящая незаурядную личность крепостного мстителя, вызвала справедливые нарекания из-за недостаточно верных в историческом плане акцентов и идеализации разбойничества, которое ничего общего с движением рабочих не имеет.

После всего К. В. Боголюбов подошел к крестьянской войне под руководством Пугачева в повести «Грозный год». Было естественно понять движение рабочих в XIX веке в связи с теми традициями, которые были заложены мощным и широким движением крестьян и уральских рабочих в 1772—1774 годах.

Главным героем повести является один из ближайших помощников Пугачева, рабочий Юговского завода Иван Наумыч Белобородов. За «непокорство» сданный управителем в солдаты, стал он капралом царевой службы, и воинская наука пригодилась ему в боях против бар и приспешников их. Под его командой вооруженные отряды рабочих уральских заводов вместе с башкирскими бедняками опрокидывали регулярные войска Екатерины II, гибли их, захватывали такие заводы, как Ревдинский, в самом центре горного края. Писатель, верный прочно сложившемуся пониманию народа, как силы истории, изображает большое количество самых различных лиц, передавая массовый характер движения. Но как и в других повестях, такое стремление представить народ в виде суммы отдельных людей оборачивается беглостью характеристик, незавершенностью отдельных линий человеческих судеб. Материал подавляет читателя, растворяет общее понимание картины в массе отдельных эпизодов, внутренняя связь которых не всегда пояснена.

На повестях К. Боголюбова, хотя они и не рассказывают о столь давних временах, к которым относятся чердынские реликвии, все же густо лежат отсветы старорусской культуры. Проявляется это в уважительном и внимательном отношении к насыщенной коллективным умом речи народа, в чувстве слова, его весомости и значительности. Видны эти отсветы и в той стихии песенной лирики, которая разливается по страницам исторических повестей К. Боголюбова. Поют его герои в беде и в радости, и

душа народная раскрывается в бесхитростных, но поэтических словах проголосных песен. Густо насыщаются повести устными преданиями, хранящимися в памяти народной, — о мстителях, о барах и приспешниках их, о рабочей заединщине.

Может быть, в построении этих повестей сказалась длительная работа литературоведа, который нередко побеждает в нем писателя. Ученый стремится построить обобщение на фактах, подкрепив примерами. Вот и старина в повестях Боголюбова предстает перед нами то в масштабных картинах, нарисованных рукой историка, то сменяется умело вылепленными живыми сценками, — но писатель-ученый уже снова стремится от сцен к широким выводам, к общим построениям. О плюсах и минусах такой композиции иной раз можно и поспорить, но одно несомненно: повести Боголюбова привлекают читателя богатым и точным историческим колоритом, живыми, зримыми картинами борьбы народа за лучшую долю.

К. В. Боголюбов и сегодня в литературном строю. В последние годы он работает над автобиографическими произведениями. Написал повесть о детстве «На заре то было, на утренней». Опубликовал в журнале «Урал» повествование о своей юности, прошагавшей по дорогам гражданской войны. Завершены воспоминания о П. Бажове, А. Бондине, И. Панове и других писателях, рядом с которыми пролегал творческий путь Боголюбова, — долгий и честный путь художника и критика, всегда ощущающего пульс времени, преемственность поколений.

1970

РАЗРЕШИТЕ ВОЙТИ!

Сегодня у нас встреча с Ольгой Ивановной Марковой. Любители литературы знают ее «Варвару Потехину», «В некотором царстве», «Улицу Сталеваров», «Половодье» «Первоцвет», «Кликун-Камень» и многие другие книги, написанные ею за годы творческой деятельной жизни.

Сейчас она в возрасте умудренной опытом, уравновешенной зрелости, в возрасте, когда многое уже сделано и сказано, но еще больше осталось сказать — были бы силы.

Я достаточно часто бываю в ее небольшой квартирке. Вот и сегодня путь лежит туда же.

Я иду весенним Свердловском, слушаю живую разноголосицу, будто выплеснувшуюся на улицы вместе с тающим снегом, и на память приходит другой такой же мартовский день, когда около дома Союза писателей я увидел молодую Ольгу Маркову, совсем недавно напечатавшую первую повесть. На лице ее была сосредоточенная озабоченность, и она казалась бы суровой, если бы не улыбка, которая пробегала и тут же гасла, изнутри подсвечивая глаза. Я уже слышал о ней, знал, что она была учительницей, что выросла у нас на Урале в трудовой семье. Такая осведомленность в биографии писателя была характерна для 30-х годов. Справлялись о биографии не только дотошные критики, но и читатели. По самому большому счету оценивали: знает ли автор жизнь, о которой пишет, есть ли у него нравственное право учить, как надо видеть мир. Казалось, что книжка — часть самого писателя, прямой «срез» его жизненного опыта. Поэтому не следует удивляться, что, еще не зная молодой писательницы лично, я уже многое знал о ней. Помогло и то, что работала Маркова редактором в издательстве, где трудился мой приятель талантливый критик Андрей Ладейщиков.

Вспомнил это, и всплыли в памяти разговоры в громадной комнате в Банковском переулке, где работали тогда редакторы издательства, «клубный» характер бесед, когда чуть не все собирались вокруг какого-нибудь из столов

и спорили горячо, по-молодому, задиристо и с напором. О чем спорили? Сейчас все и не припомнишь, а вот коллективную заботу о литературе, высокий счет, какой предъявлялся писателям, горячку суждений помню хорошо...

И вот я у дома, где живет сейчас писательница. Я знаю: войду и увижу высокие — до потолка — шкафы с книгами, просторный письменный стол, а у окна уголок с уютными креслами и столиком между ними, и на столике в вазе простая ветка с осенними листьями. Прихватило их морозом, и застыли они в своей поздней красоте.

Вот и дверь, и звонок. «Разрешите войти!» Это не только привычная формула вежливости. Так называется одна из книг Марковой, где отложились глубокие впечатления, вынесенные ею из нелегкого и вместе увлекательного труда воспитателя в ремесленном училище во время Великой Отечественной войны. «Разрешите войти!» — своеобразный дневник тех значительных для всех нас лет, и душа писательницы, расположенной к людям, отразилась здесь свободно и полно. Разрешите войти. Только сегодня другой смысл будет вложен в знакомую и мне и хозяйке фразу.

Пусть будет позволено войти не только в квартиру, но и в тот внутренний писательский мир, где идет творчество, где жизнь переплавляется в искусство.

Читатели наши, как и тридцать лет назад, интересуются жизнью и мыслями писателя. Только характер другой стал носить этот интерес. Тот, кто читает, хочет как бы сам повторить то отношение личности к миру, которое заключено в художественном произведении. Он хочет видеть не только заключенную в книге готовую модель жизни и понимания ее, но и построение этой модели, пути-дороги, которыми идет писатель навстречу жизни.

Попробуем же в беседе, продолжающей другие, прежние наши разговоры, приоткрыть эту интересующую многих сторону писательского труда. Течет разговор — то кружит на месте, то стремится вперед, то разливается на несколько ручейков сразу, — и не ухватишь, где же главное русло припоминаний и размышлений. Но понемногу все дисциплинирует несколько вопросов, в круге которых постепенно замыкается диалог с писательницей. Сложился он таким, как представлен здесь, не сразу. Мы говорили иной раз вместе, перебивая друг друга, возвращались к

сказанному, что-то восстанавливали, отбрасывали, снова шли вперед, чтобы через минуту уйти в сторону, но именно там найти самое интересное.

— Ольга Ивановна, у каждого писателя в жизни есть какие-то вехи, которыми обозначено его приближение к литературе, к творчеству. Это и детское желание схватить краски, цвета, линии, звуки, остановить меняющиеся очертания живого. Это время, когда неодолимой становится потребность колдовской силой слова, силой речи что-то переменить в жизни. Это иногда признание таланта, признание твоей духовной зрелости со стороны других. Одним словом, как вы стали писать, в силу каких внутренних побуждений?

— Я думаю, что приближение к творчеству всегда связано с гражданским становлением человека. И даже в самых ранних, неосознанных попытках творить уже проявляются черты общественного человека.

Перебирая воспоминания детства в большой рабочей семье, жившей на берегу заводского пруда в старом уральском поселке, писательница выделяет в них то, что вело ее к искусству.

— В очень раннем детстве я начала вести дневник. Начала — это не то слово. Я вела его изо дня в день. Мне казалось, что все, не названное словом, бесследно исчезнет, вот так, как будто его и не было. Все казалось смутным, неясным, зыбким, пока не получало своего обозначения, а тогда и в жизни наступал некоторый относительный порядок. Такое стремление найти всему свое слово — оно осталось и до сих пор.

А еще песня. Русская, наша уральская проголосная песня. Пели отец с матерью, пели от всего сердца, щедро вкладывая в слова и звуки свое, задушевное, личное. Казалось, сама песня имеет душу. Складность ее, таинственное чье-то умение сказать все за других, сказать так, как и сам бы сказал от себя, возможность в чужих словах увидеть, почувствовать свое, личное — заставляли тянуться вот к такому умению, говоря от себя, говорить за всех. Любовь к песне тоже осталась. И в этой любви больше, чем простое любование искусством, в ней тяга и сейчас высказать душу, слив ее с чувствами, давно отложившимися в народном творчестве.

И потом очень уж всегда трогали судьбы человеческие,

самые обычные, такие люди, у которых вроде ничего из ряда вон выдающегося в жизни не было. Помню, мать однажды рассказала про бродяжку. Она к таким людям особенному относилась, было у нее к ним какое-то сочувствие. И всегда в ее рассказах о скитальцах по земле было что-то вызывающее раздумья и жалость, что еще не устроена жизнь. Так вот, особенно запал мне в душу рассказ о Якунинском, купце. У него до революции сестра моей матери в прислугах жила. Потом он сбежал, скрывался, пропадал где-то. «А тут, — говорит мать, — как бродяжка вернулся, по кустам скрывается, домой боится идти». И мать, ненавидевшая лиходеев-кулаков, в бродячем человеке видела уже только несчастенького: «Сидит на берегу и плачет». Ее, видимо, как и меня, поразило в этой истории соединение в одном человеке социально плохого и чего-то человеческого, обретенного в несчастье, в бродячей жизни отверженного. Возможно, это и был первый урок о сложностях жизни, судеб, характеров.

Надолго мне запомнилось: «Сидит и плачет». И я возвращалась к этому, обдумывая всякие возможные обстоятельства. Видел кто или нет? Сказали кому-нибудь? А куда он делся дальше, бродяжка этот? Какова его судьба? Это как сейчас за писательским столом. Столкнешься с интересным характером и ставишь его в разные обстоятельства, ведешь сложную с ним тяжбу: так или не так в этих условиях он поведет себя? Так или по-другому? У меня не было жалости к кулаку, хоть русское сердце и отходчиво. А вот сложность совмещения в одном человеке и зла и несчастья — это интересовало, и интерес к подобным человеческим сложностям у меня и сейчас не только не пропадает, а увеличивается. Поразило в том рассказе матери еще одно: отчуждение от людей, невозможность показаться им, невозможность жить вместе с ними оказывались самым страшным наказанием. Это тоже гражданский урок на всю жизнь. И писательский, разумеется.

Мать заметила, какое впечатление произвел ее рассказ, поняла по-своему, сердцем, и на покосе вдруг сама вошла в мою игру в предполагаемые обстоятельства. Я косила впервые, было тяжело, ел овод, донимала жара, казалось, еще шаг — и упаду. А мать вдруг говорит: «А может, бродяжка в кустах сидит, смотрит и думает: «Какая работающая у Татьяны Марковой дочь...»

Я сижу напротив Ольги Ивановны, слушаю ее рассказ и думаю: «не тогда ли впервые и возникло у нее необходимое писателю чувство тесного переплетения жизни и вымысла, сознание того, что вымысел может как бы оттенять реальность, помогать выявить какие-то ее черты.

— Силу слова я почувствовала позже. Был 1921 год. Едва начали восстанавливать завод. В поселке был драмкружок. Я для кружка написала инсценировку горьковского «Макара Чудры». Первый раз тогда со сцены назвали мое имя: «Инсценировка Оли Марковой». И не тщеславие тогда во мне заговорило, а пришло хорошее чувство, что для других ты что-то можешь сделать, и они это ценят. Но это между прочим. Я писала много инсценировок и маленьких пьес для девочек, которые тоже хотели играть на сцене. В поселке директор завода Белоусов убил жену. На суде установили непредумышленное убийство и оправдали Белоусова. А он сразу с любовницей на лошадях стал раскатывать, паряжать ее. Нам с девочками казалось это диким, несправедливым. Я написала о Белоусове пьесу. Ее запретили ставить. Сам Белоусов и запретил. Но запретить понять, что слово сильнее его власти, он уже не мог. И я это поняла. А Белоусов? Его потом сняли.

Слово, как оказалось, не только в твоём уме порядок наводит, помогает понять окружающее, по местам все расставляет, но и жизнь может повернуть, изменить в ней что-то. Это тоже должно было прийти, чтобы писатель из меня получился.

Но все это еще из детских лет. Хотя мы часто не понимаем, что именно там начинается в человеке и гражданин, и писатель...

С 12 лет я работала на заводе, тогда же вступила в комсомол. Позже — рабфак искусств в Москве. Он дал мне очень много. Важен был дух творческого соревнования. Училась я с Яковом Шведовым, который вскоре написал повесть «Юр-базар», с Борисом Ковыневым, Павлом Васильевым. Хотелось быть как другие. Они могут — а я? Но поверила в себя, да и то еще не совсем, только тогда, когда Борис Горбатов дал «путевку в жизнь» моей «Варваре Потехиной», рекомендовав ее в журнал «Штурм». Записка его редактору и до сего дня хранится у меня. А вот рассказ, предшествовавший «Варваре Потехиной», Борис Горбатов забраковал, но не забыл сказать: «Писатель пойдет». Вот так. Рассказ не годится, а писатель

пойдет. Хорошо это, по-хозяйски, по-дружески как-то, и ведь по большому нелицеприятному счету. Вообще мне везло на добрых советчиков, глубоко заинтересованных помощников, таких, как Лидия Сейфуллина и Всеволод Ивапов. Великое дело — писательский Союз, когда он скреплен не одними членскими билетами, а общей заботой о развитии литературы. Всегда вспоминаю я простые и дружеские слова П. П. Бажова, поддерживавшего меня в трудное время.

...Течет беседа, и вот мы прибываемся к островку нового вопроса.

— Ольга Ивановна, ваша первая книжка «Варвара Потехина» воспринималась тогда, в 30-е годы, как верная картина того, что происходило в уральской деревне. Привлекает в этой повести глубокое раскрытие психологии человека, выпрямляющегося в новых условиях, когда на него уже не давят ни собственность, ни собственники. Я помню очень добрый отзыв о повести Лидии Сейфуллиной. Но как совершился переход от внутренних писательских раздумий к самой книге? Какая завязь развилась в цельный образ забитой батрачки Варвары, ставшей человеком? Откуда шло глубокое понимание классовой борьбы в деревне?

— Может показаться странным, но первая повесть выросла из ранних, почти детских впечатлений и раздумий: почему люди мучаются? Был у нас в Новой Утке такой Лузин, мужичонка неприметный. Был он вором. Тащил все, что под руку попадало, тащил из любого двора. Его раз поймали и жестоко избили. События горячо обсуждались по вечерам на завалинках поселковых изб. И об этом случае тоже все говорили. Поразило особенно одно замечание: «Вот ведь вор, а из бедности не выходит». Я стала думать, как трудно вору. Образ несчастного вора, не вылезающего из бедности и воруящего не потому, что он плохой, а в силу обстоятельств, по необходимости, — все время был со мной. И на рабфаке искусств. Был даже соблазн тогда написать рассказ об этом несчастном. А мне хотелось, чтобы люди стали сильнее обстоятельств, чтобы беды и несчастья не толкали людей на воровской путь.

Окончательно замысел повести как-то стал выясняться для меня, когда я в газете увидела заметку о мести кула-

ков батрачке, которой они влили в горло бутылку керосина. И прежние мысли, и этот факт теперь завязались в узел, выкристаллизовали сюжет повести о Варваре Потехиной. Большое значение имела также моя работа в комсомольских органах, перед которыми остро стоял вопрос о судьбах женщины в новом обществе. Многие еще в женской судьбе определялось инерцией старого быта, и всякое прорастание самостоятельности, силы, веры в себя надо было поддерживать.

— Вы спрашиваете, откуда понимание классовой борьбы в деревне? Мне к книжным источникам прибегать не было надобности. На моих глазах отец и брат вели революционную работу. И на себе я испытала ненависть собственников, всех тех, чей «покой» революция потревожила. Когда отец ушел в Красную Армию, я училась в начальной школе. Поселок заняли белые. Учительница люто ненавидела меня. Иначе и не обращалась ко мне, как: «Ну, ты, большевичка, отвечай». Дети тех, кто побогаче, да и некоторые другие по глупости, по-своему поддерживали учительницу. Бывало, и набрасывались с криками: «Бей красную!» Сторожиха спасала школьная. Я ей очень благодарна.

Ольга Ивановна показывает фотографию этой женщины с умным лицом, много работавшей, знавшей беды и напасти. Для нее-то Оля Маркова была близкой.

— Разделение на «вы» и «мы» я хорошо чувствовала. «Уроки» учительницы еще больше убеждали в том, что классовая борьба — это всерьез и непримиримо. Потом, позднее, из Москвы я с друзьями-комсомольцами ездила работать в Раменье — были годы коллективизации. На свои глаза свидетелей, говорят, не надо. Там многое видно было. Да и не только видно. До сих пор шрам на лице от одного такого, кому беднота поперек горла встала. Борьба была упорная. Не хотели богатые власти над деревней терять, хотели наверху сидеть, всех за глотку держать, чтобы по-прежнему все шло. Но народ решил иначе. В «Варваре Потехиной» об этой большой правде времени и хотелось сказать.

Вот так и слились у Ольги Ивановны в повести девчончи мысли о несчастном воре с опытом понимающей деревенскую жизнь комсомолки. И отразились в книжке не

только внешние приметы времени, но и человеческие, общественные проблемы, которые жизнь тогда заставляла решать не умозрительно, а на деле.

Как-то незаметно мы переходим к рассказам Марковой о современной деревне, о целинниках — к «Половодью» и «Облаку над степью». Она сама считает, что в рассказах свободнее действует: писались они легко, на подъеме. Но почему же девушка из рабочего поселка, потом педагог ремесленного училища, жительница большого города, всегда так тянулась к людям деревни?

И Маркова напоминает, что уральские заводские поселки незаметно в деревни переходили. В Новой Утке рядом с заводом колхоз существовал, а отношения между людьми в деревне, если отбросить старую власть собственности, — проще, естественнее, на трудовом разуме народа построены. Человек часто остается наедине с природой, поддерживающей в его душе особую поэзию простора, воли, голосов земли. Жизнь в деревне на виду у других идет, и это не может не сказаться на характерах людей, о них интересно рассказывать.

Я думаю, что в рассказах Марковой о современной деревне не надо искать исследования конкретных форм быта крестьянства наших дней. Но в них достаточно хорошо отражаются народные представления о жизненных ценностях. Эти представления сложились в рабочих и крестьянских массах, они с детства вошли в плоть и кровь писательницы, и именно они, эти представления, являются тем пробным камнем, на котором проверяет современных героев своих Ольга Ивановна Маркова, ставя их то в одни, то в другие обстоятельства. Она тяготеет к драматизму ситуаций, позволяющему полнее выявиться характерам, но драматизм этот во многом снимается господствующей над всем лирической верой в добро, в энергию, в гуманность тех, кто трудится.

Мы часто склонны предъявлять тому или иному писателю счет, который не может быть ему адресован. Понравится нам углубленный психологизм, или нерасчлененный поток смутных переживаний, или фигурная речь, претендующая на «современность», — мы готовы от всех пишущих требовать, чтобы они делали так же. И ведь проходим мимо литераторов с другими ценностями, другими задачами, другими манерами и языком. «Много и разных» писателей нужно не для того, чтобы все писали как один. Нас

всегда будет привлекать богатство и разнообразие душевного, социального опыта людей, отражаемого в художественных произведениях. Надо только стараться понять, что именно вносит в литературу каждый из писателей.

Но вот подошли мы к сложной теме. У Марковой — три большие повести о рабочем классе. «В некотором царстве», «Разрешите войти!», «Улица Сталеваров», а между тем к самому термину «рабочая тема» она относится отрицательно. В чем же дело?

— Я даже писала, что для меня неважно, кто мой герой: полевод или токарь, — говорит писательница. — Важно лишь то, что в человеке заложены интересные для нашего времени черты и, показывая его, можно показать один из уголков нашей действительности. Мне всегда казалось, что внешние формы быта, профессия — не очень уж существенный фон человеческого существования, не настолько существенный, чтобы быть главным.

— Вероятно, есть две стороны вопроса, о котором мы говорим. Разве характеры, нарисованные, например, в повести «В некотором царстве», возможны в другой социальной среде, в другое время?

— Нет, что вы! Мне в свое время попадало за то, что я изобразила в этой повести «недостаточно типичную», по мнению некоторых критиков, рабочую среду. У меня Дерябин, глава семьи, — рабочий, а пьяница. Пьяница, а идет в революцию. Рабочий, а в какое-то время с кулаком породнился, дочь свою замуж выдал. Эти замечания и заставляли задумываться над вопросом, почему же реальный, хорошо знакомый мне с детства жизненный материал кто-то может считать «выдуманным», «сочиненным», а потому и неверным. Мне же было ясно, что я рассказывала об особом быте старого рабочего поселка, о конкретных судьбах людей. Я еще и еще раз себя проверяла, откуда выросли характеры моих героев, из каких жизненных обстоятельств. Проверяла и убеждалась, что нежелание моей Елены примириться с томительностью и уродствами окружающей жизни, ее стремление творить другую, полусказочную действительность, похожую на жизнь, но с теми изменениями, которые страстно ожидалось многими, по своему отраженно, в особой форме выражало сознание рабочего люда накануне революции. И то, как Дерябин

желает видеть дочь счастливой, понимая счастье как богатство, а потом, осознав, какое это заблуждение, понимает, что не приспособливаться надо к лавочникам, кабатчикам, приказчикам, а в корне изменить жизнь для всех, — это ведь тоже все прорастает из жизни рабочего класса до революции. Когда я говорю, что мне не так важно, кто передо мной — токарь или полевод, — я имею в виду, что профессия не определяет лица человека, его интереса для людей. Социальное же самочувствие, позиция в жизни — это другое дело, но они не в профессии же коренятся.

— Но, Ольга Ивановна, есть еще другая сторона вопроса. Вот в вашей «Улице Сталеваров», которой, я знаю, вы не во всем довольны, хотя переведена повесть на венгерский, румынский, словацкий и чешский языки и, следовательно, пользовалась популярностью, — изображена Мать. «Вечная в детях своих», как вы ее называете. В ней неистребимая вера в союз людей, в целительные силы труда, в принципы народной трудовой совести. Все это не может, органически не может возникнуть ни на какой другой почве, кроме почвы рабочей жизни. И уж никогда не возникнут на этой здоровой почве столь модные у декадентствующих литераторов мотивы призрачности мира, принципиального одиночества и сиротства человека на земле, мысли о человеке-песчинке в сумасшедшем и гнетущем вихре событий. Вот почему я за рабочую тему. Это не значит, что все совершающееся в заводском коллективе должно вызывать восторг и любование. Но понимание здоровых основ развивающейся свободной человеческой личности — тех основ, которые и закладываются в организованном, социалистическом, трудовом коллективе, — это наша обязанность, наш долг.

— Ну, при такой широкой постановке вопроса нельзя не согласиться, что тема рабочего класса действительно имеет в нашей литературе большое значение. Об этом надо, видимо, чаще вспоминать. Только это обстоятельство накладывает еще большую ответственность на нас, ответственность за художественный уровень наших книг о новом человеке. Мы же иногда не очень хорошо разбираемся, что может и должно вызывать восхищение, а что — наоборот. Я вот, например, в «Улице Сталеваров» женщину-сталевара подняла на щит. Правда, время тогда было иное...

Вот и повести «Первоцвет» и «Кликун-Камень» — тоже ведь произведения о новом человеке, создателе нового общества, черпающем в этой деятельности новые душевные богатства. Я с громадным увлечением работала над ними. Сами люди, о которых я писала, поднимали меня, хотелось сделать так, чтобы остались жить они в памяти человеческой как живые современники, как прекрасное явление на земле. Не было недостатка у меня ни в увлеченности, ни в остром чувстве общественной, художнической ответственности. И все-таки в конце своей книги об Иване Михайловиче Малышеве я написала: «Буду рада, если кому-то, более удачливому, этот мой труд послужит, в свою очередь, материалом». Не найдены еще нужные слова, которые полно бы передали повизну и величие этих близких по духу нам людей. А ведь это горькая для меня фраза...

Оказалось очень трудным писать документальную книгу. Писатель во время работы над книгой об известном, действительно жившем герое находится под влиянием очень противоположных побуждений. С одной стороны, он как историк не имеет права отступать от факта и документа, которые приобретают над ним поистине диктаторскую власть. Они уже не просто факты и документы, а Факты и Документы с большой буквы. Читатель верит в фактическую правду всего, что сообщается об Известном герое. С другой стороны, писатель вживается в интересную жизнь героя, которого полюбил, многое в нем воспринимает через свое лирическое волнение, волнение узнавания, находок, открытий, понимания. Все это неудержимо влечет его к писательской свободе воображения. Но она, эта свобода, сталкивается с жесткими границами, определенными Документом. Воображение хочет опереться на частую сетку фактов, а их нет или недостает, мало. И, взлетая, оно, это вдохновение, снова вынуждено возвращаться к тому же уровню правды, на котором лежат Факт и Документ. От совершенно обязательных, неукоснительно требующих следовать за собой фактов выход в сферу воображения и домысла является трудным. Всегда взвешиваешь меру допустимого в твоём самостоятельном художественном построении и — боишься. Ведь документальная повесть об Известном герое воспринимается читателем как-то по-особому, не так, как обычная повесть о «выдуманном» человеке.

...За окном уже темно. Розоватый отсвет весеннего городского неба проникает в окно. Последний вопрос задаю, уходя, прощаясь с хозяйкой:

— У каждого писателя главная книга всегда впереди. Какая она у вас, эта будущая книга?

— Поживем — увидим. Ну, а в общих чертах можно сказать, что хочется создать образ учительницы, не профессией только, а всей своей жизнью учительницы. Роман будет называться «Вечно с тобой». Вечно с тобой, любимая моя героиня, заботы твои о людях, вечно с тобой радости их, вечно и неистребимо чувство долга, дающее высокое сознание свободы и красоты жизни...

1968

ПОЭЗИЯ ЯСНОГО МИРА

Имя Николая Григорьевича Никонова, автора книг «Мальчишки», «Голубая озимь», «Листья», «Три повести», «Вкус жизни» и других, уже давно известно нашим читателям. С первых рассказов Никонова, опубликованных в 1955 году, между писателем и теми, к кому обращены его книги, установилась добрая сердечная связь. Тонкое понимание природы и своеобразия детского взгляда на жизнь, романтическое отношение к высокому и чистому чувству юной любви, глубокие раздумья над не всегда безоблачными людскими судьбами, хорошее чувство слова и гармонической речи,— все это, заложенное крупными уже в самом раннем творчестве Никонова,— с годами крепло, мужало, получало более полное развитие. Настало время разобраться в том, что же несет писатель людям, каково содержание его душевных связей с читателями, в каком направлении пролегли его творческие пути-дороги, каков тот душевный человеческий опыт, неповторимый и особенный, которым он обогащает других. Газетные и журнальные рецензии, на недостаток которых не может пожаловаться Н. Никонов, конечно, не заменяют обстоятельного разговора о некоторых выявившихся особенностях и главных мотивах творчества писателя, обладающего несомненным талантом и находящегося в самом расцвете сил.

Творчество Н. Никонова развивается последовательно, все более раскрывая начала, заложенные в самом характере его писательской личности, и это избавляет от необходимости рассматривать, книжка за книжкой, все, что он написал и опубликовал.

Мне кажется, два обстоятельства жизни Никонова определили направление его писательского внимания и интереса. Он был учителем и директором школы. И не отсюда ли его внимание к подростку, познающему мир, к ранней юности с ее чистотой помыслов? А может, потому он и учительствовал, что был ему всегда близок ребячий мир с незамутненным, ясным и добрым восприятием окружа-

ющего? Но была и вторая любовь у писателя, вероятно, еще более сильная, захватывающая, властная — любовь к природе: к медленно плывущим облакам, к сиротливой осенней былинке, одинокому дрожащему листочку, не унывающей на холодном ветру синичке, к первой зелени; проглянувшей из-под снега, к ранней бабочке, пригретой весной, к сумрачным глухomanям, наполненным таинственным зеленым светом. Я долго считал его биологом по образованию, столь разнообразны и глубоки рассыпанные в его книгах сведения о птицах, растениях, животных. Только потом, случайно, я узнал, что он историк. Но иптимные, верные, постоянные связи со всем естественным, живым, столь разпобразным миром все же главное для Н. Никонова, до боли сердечной ощущающего величие, красоту, незащитность природы, требующей покровительства добросердечного и сильного человека. Она, живущая своей таинственной и такой ясной жизнью, является главным предметом внимания и любви писателя.

Прозрачная лазурь, сменившая мрачные провалы грозных туч, когда-то в один из дней детства вошла в сердце мальчика верой в то, что такое небо может принадлежать лишь голубой стране, таинственной и далекой, недоступной и манящей. Она, эта страна, казалось, отделена навсегда невидимой чертой от городских улиц, от неровной линии крыш, от площадей с чахлыми скверами. Вырос мальчик и нашел голубую страну, раскрывшуюся перед ним в своей красивой простоте. Оказалось, что ведут туда обыкновенные полевые дороги, по которым ходят все. Ходят-то все, но не каждый видит красоту, не каждый испытывает радостное волнение от встречи с ней. Нужно еще пройти школу понимания, сердечности, доброты, преодолеть бессильное безмолвие уст, не знающих, как назвать вот эту встреченную былинку, как передать незамысловатую, но волнующую песенку щегла, как рассказать о волнении, вызванном буйным пожаром вечернего неба. Многие проходят эту школу незаметно, пользуясь бескорыстной помощью других, но важнее всего здесь — помощь книги.

Русская литература знает превосходных писателей, умело, проникновенно и мудро раскрывающих читателям не только детали жизни природы, но, кажется, самую

душу хмурого леса, волнующейся под ветром нивы, веселого лугового разнотравья, сложные законы простого бытия птиц, зверей или рыб. Многие вспомнят в этой связи отличные книги С. Т. Аксакова, неизбежно придут на память рассказы М. М. Пришвина, К. Г. Паустовского или В. В. Бианки.

Наверное, не легко идти вслед за этими людьми, пытаться увидеть больше, чем видели они, сказать по-другому, не так, как сказали они. Но ведь и время другое теперь, другими глазами смотрит человек на природу, которая тоже стала другой. И нельзя не отнестись с вниманием к труду писателя, который, зная могущество предшественников, все же встает на их путь и ведет нас вслед за ними в безграничные земные просторы.

Правда, за последнее время появилось довольно много грамотно написанных книжек, представляющих фенологические наблюдения, изложенные языком, не лишенным известной поэтичности. Ну что же, тем труднее для писателя не затеряться в этом хоре, сохранить свой собственный голос, сказать о природе по-своему, выйти за рамки беллетризации познавательных сведений в подлинно художественную литературу.

Одна из первых больших книг Н. Никонова носила название «Листья» (1964 г.). В ней собраны небольшие рассказы о лесе, о птицах, о лесных зверях, о человеке, чувствующем себя среди природы как в родном доме. Включена была в книгу и повесть «Лесные дни». Однако и повесть эта представляла своеобразную цепь таких же наблюдений за жизнью леса, слегка скрепленных описаниями приключений автора.

Из всех этих миниатюр, этюдов, рассказов, сказок (есть в книге и такой жанр) мы очень много узнаем о том, как течет жизнь обитателей леса, осенних полей, тихих озер. Но перед нами не простые, безличные наблюдения. Мы непрерывно соучаствуем в познании мира самим автором, в его трепетном отношении к этому миру, в его постоянном чувстве любви к живому.

Деловое, натуралистическое познание природы идет здесь рука об руку с ее поэтическим освоением. Н. Никонов хочет, чтобы в человеке прочно слились в одно и его хозяйское отношение к природе, предполагающее знание ее языка, и способность эстетически переживать детали немудреной и такой одновременно сложной жизни пти-

цы, зайца-русака, сумрачных ельников. В самом простом и доступном писатель умеет увидеть новое, неожиданное, и эти открытия, откладываясь одно за другим в душе, не только приносят новые знания об окружающем мире, но по-новому выстраивают чувства, обостряют зрение, слух, обоняние. Он заметит, как «лепечет на ветру сосновая пленка-ветриночка», как канючит коршун: «Иррр-а-а», будто потерял и ищет неведомую Иру. В наготе и неустроенности, какая чувствуется в природе ранней весной, он увидит и юное, свежее, обещающее что-то высокое и светлое. И все это рождает в душе захватывающее чувство любви к природе. «Я думаю, что вечно чувство любви, рожденное природой. Вечно и непреходяще», — пишет Никонов. Но чаще он избегает высоких слов, стремясь прежде всего передать живые впечатления, то празднично-яркие, то окрашенные светлой грустью: «Странное чувство рождает журавлиный крик. В нем спрятано сладкое осеннее уныние и глухие невыплаканные слезы».

Ничего нельзя возразить писателю, когда он видит в общении с природой путь духовного обогащения человека, когда добивается того, что равнодушный взгляд на природу как неразличимое целое сменяется у читателей обостренным чувством необычайной ее дробности, пестроты, разновидности в единстве.

Но временами Никонов вдруг противопоставляет природу благам цивилизации. Ему кажется, что «непромокаемые плащи, теплое белье, автомашины и трамваи оставляют все меньше возможностей современному человеку ощутить сполна холодную прелесть мелкого дождя, свежее дыхание мокрого ветра, и самый запах сырых полей, влажной листвы и вянущих трав».

Порой писатель словно хочет убедить нас, что, обращаясь к природе, можно найти ответы чуть ли не на все вопросы бытия. Но ведь были попытки решать социальные вопросы, обучаясь у природы, и из этого ничего не вышло.

В противовес жизни города, которая удаляет нас от «мудрости простоты», Н. Никонов пишет о гармонии природного, естественного бытия: «Я ощущал осторожную ласку солнца, шорох ветра, запах травы и думал, как же хороша эта простая жизнь без печали и смерти, жизнь облаков и листьев, ветра и воды». К счастью, такого рода отдающие буколической созерцательностью «натурфилло-

софские» вставки не определяют основу отношений человека и природы, которые раскрываются в книге.

Люди на страницах «Листьев» живут деятельными человеческими интересами. Тут и Иван Емельянович, заботливо нашелушивший громадное количество семян сосны и ели, здесь и знаток соловьев сапожник Шишмарев, и одна из тех с виду неприветливых старух, а на поверку «роднее родных», какой оказалась Дарья Степановна. Да и сам автор — городской человек — все время с нами. Его видение передается нам, его заботы становятся нашими заботами. Читателю передается необходимая мера соучастия в жизни природы. Без нудного поучительства он, этот читатель, еще и еще раз приходит к мысли о необходимости не только «покорять» природу, но и по-хозяйски охранять ее, быть «богом добра, справедливости, разума».

Никонов по-настоящему чувствует поэзию природы и находит слова, удивительно хорошо передающие воспринятое, переживаемое. Он идет в лес, или в поле, или на ничем не примечательное болото не только для того, чтобы побыть среди милых его сердцу живых существ. Кажется, что он охотится там за словами, ищет, настойчиво добивается точного обозначения увиденного и еще более точного выражения чувств, которые этим увиденным вызваны. Порой он останавливается, не находя средств передать захватившую его красоту: «Страдаешь от сознания того, что не достаает сил охватить все величие образов и чувств, которые рождает осенний ветер и высветленное им прохладное небо», — читаем мы в одном из рассказов.

Но не очень верьте здесь писателю. В том-то и дело, что он с поразительным чутьем умеет находить то единственное слово, которое сразу передает и предмет, и впечатление от него, и чувство, которое надстраивается над всем. Скупые, лишённые внешней цветистости слова поставлены в ощутимой упорядоченности. Посмотрите, как рисуется картина летнего утра: «Незаметно начало светать. Яснее дорожка, розовый, красный, оранжевый свет полился издалека, все сильнее и шире окрашивая небосклон. Заря рдела буйная, спелая, добротная. Еще было далеко до солнца, а птички на луговине за полем уже пели на все голоса. Их нежные звоны так удивительно сочетались с предутренней чистотой, истомой и холодом». Здесь перед нами слова, не только рисующие картину, но и передающие восприятие, ибо и «добротность» зари, и «истома»,

с которой сливаются «нежные звоны» птичек, это то, что ощущает человек, это его состояние, его оценки.

Как-то принято видеть в языке писателя только инструмент. Дескать, хорошо им пользуется — вот и содержание получается надлежащим. Но не следует ли почаще вспоминать, что для человека писатель — это учитель, обучающий соединять наблюдательность со словом. Душевное богатство, не выраженное, не нашедшее себя в словах, так и останется не только тайной для других, но и для самого себя чем-то бесформенным, не имеющим ни границ, ни очертаний, ни меры глубины. Н. Никонов — писатель, бережно относящийся к слову, чувствующий его значительность, его поэзию, его музыку.

Он не щеголяет диалектными редкостями, не извлекает раритеты из словаря древнерусского языка Срезневского. Они все из нашего обихода, слова общерусской речи. Слово и предмет находят друг друга разумно, объемно, способствуя построению не только образа окружающего мира, но и образа его восприятия. Рассказы о природе, конечно, и остаются в пределах лексики, рожденной познанием природы. Но, как заметил Паустовский, «образность и волшебность (по словам Тургенева) русского языка неуловимым образом связаны с природой, с бормотанием родников, криком журавлиных стай, с угасающими закатами, отдаленной песней девушки в лугах и тянущим издали дымком от костра». Книга Н. Никонова лишней раз убеждает в этом. Это не значит, что в «Листьях» не встречается языковых «огрехов». Довольно однообразен язык персонажей. Чужеродными вставками кажутся «выпады» против цивилизации или бодряческие заявления, что лес хранит лекарства от всех болезней, даже от рака. Но все это — частности.

Прекрасное знание природы, сердечно-трепетное к ней отношение, умение найти нужные слова, несущие в себе накал чувств, — все, казалось бы, говорит, что «Листья» — незаурядное явление в литературе. Почему же книга эта не стала по-настоящему популярной? Или почти утрачено у многих чувство природы? Или узок круг наблюдений автора? Или мешает полному приятию хорошей книги что-то другое? Я не имею в виду то, что называют читательским успехом. Никонова знают, его читают. Но почему же читательский отклик был хотя и теплым, но не столь горячим, как можно было ожидать?

В свое время критики говорили автору, что в его книге о природе потерялся человек. Такая формулировка казалась несправедливой. Ведь книга вся была полна рассказами о том, как воспринимает душевный, доброжелательный к людям человек окружающий его живой мир. Лишь изредка автор противопоставлял беззащитную природу бездумным вторжениям в нее беззаботных туристов. Но ведь это для того, чтобы поняли мы, как она нуждается в нашем соучастии, поддержке, помощи.

Да, критики, писавшие о «Листьях», не нашли тогда точных формулировок для своих сомнений. Но сомнения эти имели под собой известную почву — в этом убеждают не только «Листья», но и последующие книги Никонова.

В «Листьях» с природой встречался человек, душевный опыт которого как будто целиком складывался, оформлялся только во время встреч с притихшим лесом, прохладной утренней зарей, замерзшим болотом, окаймленным расцветающими вербами, то есть в одиночестве непосредственного общения со всей красотой мира. Если обратиться к произведениям М. Пришвина или К. Паустовского, то там острота взгляда, мудрое понимание интересов природы, свособычность душевных порывов, вызванных соприкосновением с ней, стремление закрепить в слове природное явление, деталь его — все вытекает из значительности широкого, очень емкого предшествующего социального опыта личности, заключенного в душе художника. Каждая вновь увиденная деталь живого бытия освещается изнутри этого опыта, становится более содержательной, вовлекается в круг других элементов целого, становится маленькой частью его, находит место в душевном мире писателя.

У Н. Никонова, как мы видели, зоркий глаз, он хорошо протягивает нити, связывающие вещи и ощущения, переживания с нужными словами, но почти детская непосредственность восприятия, неощутимость индивидуального личного мира, преломляющего сквозь свою призму окружающее, — ведет к тому, что мы не ощущаем, как же соотносятся новые впечатления с ранее имевшимися. Личность механически накапливает еще и еще один квант знаний и переживаний, не выстраивающихся в сложное целое. Видимо, это обстоятельство ослабляет силу впечатления от никоновского слова, его речи, в деталях точной и яркой.

У некоторых читателей складывалось впечатление, что

Н. Никонов в рассказах о природе несколько однообразен. Я много раз прочитал все рассказы, собранные в книге «Листья». Никаких прямых повторений не встречается. И вместе с тем некоторое смутное впечатление, что разговор писателя с читателем затянулся, все же возникает. В чем же дело?

Во-первых, мне кажется, что, создавая отдельные рассказы, автор не думал о них, как о части целой книги. Естественно, что недостаточно динамичные, несколько созерцательные каждый в отдельности, они производят впечатление еще большей малоподвижности, взятые вместе. Однако это не объясняет всего. Главный недостаток все же в том, что детали увиденного мира не становятся частью читательского опыта. Читатель не знает, не понимает, как же все, что он видит и способен вслед за писателем назвать, определить, пережить, укладывается в некоторую систему, в философию жизни.

Писатель, придавая большое значение роли непосредственных впечатлений, очень расчлененных, раскрывающих микроструктуры мира, не идет от них к каким-то жизненным обобщениям. Часто он воспринимает красоту окружающего мира, как бы становясь в уровень с природой, словно забывая о своей включенности в более широкую сферу человеческого общественного опыта.

Рассказы Н. Никонова о природе самобытны, по-настоящему художественны. Но они уже, менее значимы, чем могли бы быть, чем требует сегодняшний день.

Было время, когда в нашей литературе на первый план стали выдвигаться повести и рассказы, восприятие жизни в которых передоверялось детскому неокрепшему, но, как казалось, естественному сознанию или запальчивому юпошескому уму и дерзкому сердцу, избавленным от догматического следования опыту «предков». Накладных расходов в подобном течении оказалось много, но в целом оно было порождено не «кризисом» социалистического общественного сознания, как это истолковывали наши враги, а наоборот, безусловной и массовой его победой. Социалистические начала жизни стали чем-то само собой разумеющимся, несомненным, естественным, и вместе с тем закономерно возрос интерес к человеческой личности, ее психологическому содержанию, а значит, и к ее формирова-

нию, к истокам. Характерный для книг 30-х годов интерес к высокой революционной героике сохранился и сегодня, но при этом особое внимание писателей приковывает естественное, «органичное», собственное, каждому принадлежащее сознание.

В творчестве Н. Никонова большое место занимают произведения, в которых рисуется восприятие жизни простым, незамутненным сознанием ребенка, как в повести «Солнышко в березах», или подрастающей юности, как в записках «Когда начнешь вспоминать». Они написаны в то время, когда интерес к формам повествования от имени подростка или юноши пошел на убыль, как мода. Однако вне «модной» струи внимание к результатам, которые сулит обращение к детскому восприятию, сохранилось и обостряется. Примечательно, что совсем недавно В. Катаев напечатал повесть «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона», которая вся состоит из россыпи детских впечатлений.

Н. Никонов знает, что детство как тема и как угол зрения широко использованы нашими художниками. И тем не менее, он обращается к своему детству, вспоминая его, осмысливая ребячье отношение к жизни. С высоты сегодняшнего взрослого опыта автор признает своеобразие и достоинства незамутненного мира детских представлений.

Есть в повести некоторые важные детали, в чем-то перекликающиеся с автобиографической трилогией М. Горького. Волею судеб мальчик, герой «Солнышка в березах», хотя и живет накануне Великой Отечественной войны в крупном индустриальном центре нового советского Урала, но в той его «гнилой слободке», которую еще не захватила разворачивающаяся кругом стройка. Эта слободка населена не рабочими Уралмаша, «огромного и сияющего», а ремесленниками, собственниками домов с глухими заборами и злыми собаками, людьми, представлявшими не столько настоящее, сколько прошедшее и уходящее. Перед мальчиком проходит жизнь людей, которых Горький назвал «неумным племенем». Порой в рассказе об этих людях возникают и прямые горьковские интонации. Трудно после горьковской бабушки нарисовать свою собственную так, чтоб не походила она на ту, ставшую литературной и всемирно известной. И на бабушке героя лежит невольный ответ мудрой и любящей, рус-

ской трудолюбивой Акулины Ивановны. Но в целом Н. Никонов все же нашел и новый, собственный ракурс, когда по-иному раскрывается детство — детство именно нашего современника. Он строит достаточно увлекательное, светлое и, безусловно, достоверное повествование.

Предшественники Н. Никонова в этой теме, как правило, прослеживали формирование самой концепции жизни, которая закладывалась в детстве. Так, П. П. Бажов в известной книге «Дальнее-близкое» рассказывает о том, как осознается правда социальных отношений, раскрываемая замечаниями взрослых и сверстников, беседами умудренных опытом людей, практикой детской «заединщины». Рождение личности из сопротивления дурным социальным обстоятельствам формирует сюжет повести А. Бондина «Моя школа».

В повести Н. Никонова шаг за шагом открывается, как весь малый мир детства входит в сознание, чувства маленького человека, откладывается в памяти, учит познавать себя, понимать свой тайный язык. Большое и малое живут здесь в нерасчлененности, и все складывается в мир ясной детской души. Пока в этом малом мире сосуществуют на одном уровне и серая кошка, и таинственная прелесть пространства за огородом, у речки, и птичий щебет, и пугающе непонятная жизнь сапожника Пашкова, и волнующая красота девушки, живущей по соседству. Читателям становится ясным, что воззрения на жизнь складываются не только в минуты особых прозрений, когда, как по ступенькам, поднимается человек к все большему пониманию человеческих отношений и себя. Мы входим в жизнь, обогащаемые каждым днем нашего общения с многоголосым и многокрасочным миром, окружающим нас. Расчлененность восприятия, способность назвать, сопоставить, отделить, найти приметы, делающие предмет непохожим на другие, жадное любопытство, поэтическое переживание первых жизненных открытий не останутся бесследными, не исчезнут вместе со временем счастливого ребячьего познания природы, людей, общества. Они пройдут вместе с человеком дальше, в пору его зрелости. Радость узнавания, радость первого дела, открытий добра и зла останется как сильнейший стимул дальнейшего творчества жизни.

Может показаться, что в книге Н. Никонова мало примет того нового, что несла с собой большая жизнь страны

перед войной. Но самая возможность понимания ребенком духоты, узости собственничества, пошлости, тунеядства, открытие прелести ясной доверчивой дружбы раскрывается перед нами как неодолимое утверждение социалистических начал бытия. Впечатления от тусклого быта старой слободки, уходящей в прошлое, побеждаются ясной «непуганой любовью» ко всему живущему на земле, широким гармоническим восприятием мира. Нарисовать микромир мальчика и увидеть в нем проблески будущего широкого макромира взрослого человека — не просто.

В нашумевшей некогда повести В. Семина «Семеро в одном доме» был воспроизведен быт подобной же слободки. Но в ней все подчеркивало устойчивость этого быта, размытость нравственных критериев вела к безусловному приятию того, что должно вызывать протест. В «Солнышке в березах» живет ощущение непрочности, исчерпанности духовных резервов старой слободки, живущей прошлым. Взор Коли обращен за пределы ее, туда, где растут корпуса заводов, в тот мир, куда зовет песня о юном барабанщике.

Но трудности, стоявшие перед писателем, он, мне кажется, не везде преодолел. Оптимизм восприятия мальчиком окружающего убедительно обоснован способностью человека радоваться открытиям, которыми наполнен каждый день. Но одновременно размывается граница между этим оптимизмом и равнодушием к дурному в окружающем быте. У пьяницы-сапожника Пашкова дочь воровка, сын бандит, он убит при попытке ограбить магазин. Все это воспринимается маленьким героем безоценочно, не приводит к активности добра, которое должно противостоять дурному в жизни. Конечно, автор вспоминает о детстве, которому, может, и трудно разобраться в сложностях жизни, вынести безошибочные оценки. Но ведь пишет, припоминая, взрослый человек. Неужели безразличие в детстве обернулось каким-то равнодушием к чужим судьбам у взрослого? Да так ли прав писатель и в том, что в складывающемся духовном облике ребенка столь малое место занимает большой мир социального опыта людей?

Все же в целом повесть раскрывает поэзию детского восприятия, верно и достаточно глубоко воспроизводит процесс формирования личности советского мальчика в конце 30-х годов.

Повесть «Когда начнешь вспоминать» своеобразно продолжает «Солнышко в березах». В ней также припомина-

ния детства, только более «взрослого», — точнее сказать, отрочества. Повествование здесь ведет девушка, и живет она не в старой слободке большого рабочего города, а в уральской деревне накануне войны и в годы ее.

Авторский отказ от собственного повествования, передача его персонажу имеет важный смысл. Таня, ставшая студенткой, пишет не для посторонних, а просто для себя, в речи ее нет ни тени рисовки. Повесть приобретает как бы силу простого, безыскусственного документа. Это важно для автора не потому, что он хочет снять с себя ответственность за показания о жизни. Нет, смысл повести именно в воспроизведении «способа, характера освоения действительности крепнущим умом и добрым сердцем юности. «Невыдуманность» повествования подчеркнута обилием случайных моментов, необязательных, не играющих решающей роли ни в сюжете, ни в судьбе Таниной семьи. То, что отец ее болен туберкулезом и болезнь его то отступает, то снова паваливается на человека, то, что мать, отправившая взрослого сына на фронт, родила еще ребенка, не поворачивают движение событий, не заставляют героиню сосредоточиться на этих фактах. Видимо, Н. Никонову просто нужна форма «случайности», чтобы подчеркнуть значение всего объема жизненного опыта для формирования личности человека. Всего, а не избранного: и опыта взгляда на природу, и опыта народного поэтического творчества, и опыта отношений между людьми, и опыта хозяйственного, трудового, рабочего, и опыта собственного восприятия. Вот все это в сложном переплетении и входит в жизнь человека, составляет неповторимое целое, что зовется в нем личностью.

Таня не замыкается в воспоминаниях на себе, на своем дворе, семье. В повести много картин и сцен коллективной жизни деревни в труде и отдыхе, жизни, соединяющей в себе и старое и новое. Девушка стремится понять односельчан, их судьбы, их взаимные отношения, проверяя сложившиеся суждения своим небольшим опытом. Критерием оценки человека у нее является труд, отношение к общим усилиям сделать жизнь лучше, полнее.

Честно и прямо говорит девушка обо всем, чем жила деревня в трудные военные годы. Может даже показаться, что сгущены краски. Очень уж много пришлось Таниной семье вытерпеть от неумного и равнодушного к людям председателя колхоза. Но, читая, невольно думаешь: а так

ли уж виноват этот, пусть явно отрицательный председатель, если учесть объективные условия тех лет? Ведь деревня, почти совсем лишенная мужчин, должна была кормить армию, рабочих, ковавших оружие, разоренные пожарами войны села, многие и многие миллионы людей.

Дело, разумеется, не в количестве сцен, рисующих сложные обстоятельства нелегкого военного быта в тылу, а в том, как порой объясняются эти трудности самой Таней. Вот председатель должен дать лошадь, но, мстя за возражения против его избрания, не дает ее, и девушка с матерью возят дрова на себе. Таня видит в этом лишь подлость, несправедливость. Но все ли тут упирается в личные качества председателя? До войны, видимо, лишних лошадей в колхозе не было, все они работали. Теперь остались считанные единицы. Земли те же, сеять меньше нельзя, вывезти хлеб на элеватор надо. Сено, которое заготавливалось некогда только для своего хозяйства, сегодня вывозится на станцию для отправки в войска. Так ли просто в этих условиях дать лошадь? А другие семьи колхозников, которые раньше пользовались конным колхозным транспортом? Они-то могли ли в трудные дни рассчитывать на него? Нет, не всегда дает верные результаты непосредственный взгляд на жизнь.

Столь же неглубокими выглядят объяснения Тани, когда она рассказывает, как председатель отправил треть заготовленных колхозом кормов — в город. Ей ясно: выслужиться хочет. Допустим, что по форме это так, председатель как личность симпатий не вызывает. Но неужели эти корма не нужны там, куда их посылают. Да будь председатель того человечней, пусть у него сердце кровью обливалось бы, он, наверно, так же поступил бы. Видимо, чистый и ясный взгляд юности порой оказывается коротким. А автор тут словно бы устранился.

Объяснения Тани кажутся несколько искусственными еще и потому, что характер, внутренние побуждения, строй мыслей у нее совсем иные. Над всем господствует неумный хозяйский интерес девушки, чувство добровольной ответственности за все. Все неблагоприятное, темное воспринимается Таней как нарушение твердых принципов жизни, которые незаметно и безотчетно вошли в ее разум и чувства, утвердились в пей. Всякая предвзятость, обособленность, отграниченность присуща собственникам, разобщенным властью вещей над ними. В повести же гла-

венствует трудовой союз людей и те моральные нормы, которые возникают в общем труде. А ведь кругом много и такого, что могло бы дурно действовать на неокрепшее девичье сознание: и нескромные разговоры, и обнаженно бесстыдная готовность Глаши отдаться чуть ли не любому, и приставаания сверстников. Что же помогает девушке отметать со своего пути все мелкое и грязное? Открытость всему прекрасному, умение видеть мир в ясных красках, в живом звучании. Твердая уверенность в истинности мира, объединяемого трудом, в истинности союза людей.

Правда, этот внутренний нравственный кодекс Таши автором не всегда выдержан в верном ключе, вытекающем из логики характера. Меня, например, коробит, когда я читаю ее слова, оправдывающие существование в деревне развратных баб тем, что без них, дескать, жизнь была бы скучнее. Откуда в Таше такое? Если от традиционного для какой-то части деревни разобщенного существования, так надо автору об этом каким-то образом сказать. Странно читать и фразы, оправдывающие пьянство, выводящие беспробудные кутежи... из власти земли: без них будто слишком тяжела была бы страда.

Встречать в тексте такие «доводы» тем обидней, что в отличие от некоторых авторов, подчеркивающих в деревенской жизни неизменное, кондовое, якобы хранящее в себе национальные основы, Никонов незаметно, но последовательно показывает, как переплавляются старые трудовые традиции в новые, коллективные, в общую заботу о земле и людях.

Некоторые критики увидели в произведении Никонова повесть о колхозной деревне в годы войны. Они сразу же заметили, как много сторон ее жизни не попало в поле зрения автора. Но в том-то и дело, что «Когда начнешь вспоминать» — это прежде всего повесть о **новом типе** отношения к жизни, и мы узнаем из нее о благотворных сдвигах в советской деревне не по скупой информации о тех или иных явлениях в хозяйстве, а по самому мировосприятию Таши, благородному, создающемуся свободным, высоким, хозяйским отношением к миру.

Она уезжает из деревни, чтобы учиться, но в ней столько любви к земле, родине, людям, любви, составляющей ее скрытую суть, что она не мыслит себе дальнейшей жизни без родных полей и близких ее сердцу людей.

Повесть утверждает тип человека, в корне противополо-

ложного тому, который столь распространен сегодня в буржуазной литературе — человеку изломанному, некоммуникабельному, замкнутому в себе.

Третьей постоянной темой Н. Никонова является любовь. В его творчестве она всегда соединена с проверкой человеческой ценности. Мир любви в книгах писателя возвышен и светел, хотя в нем встречаются и трагедии. Он, этот мир, властно формирует человека в человеке.

Старая, как вселенная, история неразделенной любви рассказана в повести «Кассиопея». Повторяемость ситуации подчеркнута мифом о Кассиопее. Однако смысл этого повествования об одной любви не в том, чтобы подтвердить или отвергнуть тезис пифагорейской философии о постоянном возвращении жизни «на круги своя». Не схема отношений интересует писателя, а сами отношения, их «индивидуальная наполненность», в которой раскрывается душевное богатство одних и душевная скудость других. Отношения героев очень конкретны, неповторимы, выражают всю личность, и именно в этой своей конкретности и неповторимости важны и интересны для читателя.

Сюжет повести можно пересказать совсем просто. Студент Снегирев полюбил девушку, даже не смея к ней приблизиться, она же досталась пошляку и цинику Жене Шашкину, ищущему в жизни лишь удобств. Но дело не в этом несложном сюжете. По мере развития молчаливой, сосредоточенной любви Снегирева к незнакомой девушке, поразившей его красотой, мы все глубже и отчетливее ощущаем, как обогащает человека даже вот такая безответная любовь, насколько она входит в самую личность человека, в его духовный мир. С другой стороны, нам становится понятной и обратная зависимость: только из богатства души, из обостренного чувства красоты, из зерен самого серьезного, ответственного отношения к себе, к другим, к жизни — из всего этого пробивается истинная любовь, человеческая, содержательная и прекрасная. Тонкость и красота эмоций произрастают лишь в душе, открытой всему миру, не довольствующейся готовыми, чужими мерками и прописями.

А ту, которой нежность свою хотел нести Снегирев, привлекал стандартный, упорядоченный, привычный мир.

В мужчине она ценила броскость, внешний блеск, самоуверенность, подчеркнутое внимание к ней. Она была красива и спокойна за свою красоту, сознавая свое женское могущество. Но не было в ней одного — живой души, способной увлечься чем-либо, кроме привычных форм сложившейся беззаботной жизни. Для нее и брак стоял в ряду других размеренно-обычных жизненных вех: школа, институт, проектная контора, замужество. И она брезгливо прошла мимо настоящей любви. Она выбрала респектабельного, пустого, цинически взирающего на женщину Женю Шашкина. Миновавшее ее светлое чувство любви оказалось замещенным «трезвым» выбором пользы, покоя, блеска, удобств.

Повесть Никонова написана в защиту человеческой любви. Она предупреждает о том, как легко пройти мимо подлинного чувства человеку, чья душа, не разбуженная острым и доверчивым интересом к жизни, не может стать почвой любви. Она — о том, что благо и счастье в самой любви, делающей человека отзывчивым на краски и звуки внешнего мира, обогащающей его душевные силы.

Есть в этой повести еще один персонаж, студент Питателев. В сюжете о любви он, собственно, роли не играет. Но в его лице схвачен еще один тип отношения к жизни, форма жизненного поведения. Питателев парень неплохой, даже добрый. Но у него выработалась удобная философия. В мире, уверен он, все повторяется, а следовательно, о любой жизненной ситуации когда-нибудь, кто-нибудь из писателей или иных знаменитостей уже говорил. Надо только припомнить, а затем применить к оценке сложившегося положения — и все будет в порядке. У Питателева все загнано в крепкие формулы со ссылками ли на авторитеты или без ссылок на них. Он и сам при случае сочиняет подобные же афоризмы. Ему все известно, известно заранее, задолго до того, как что-нибудь произойдет, и потому он склонен к нудному поучительству. Этот парень несет с собой атмосферу самодовольной пошлости: ведь это она все стандартизует и живет, радуясь легкости, с какой проходит жизнь. В повести Питателев своим существованием доказывает несовместимость человеческой любви с резонерством, штампом, холодным теоретизированием — всем, что является отсветом духовной пустоты.

Возможно, кое-кто из читателей не во всем согласится с автором. Не все, наверно, примут некоторую вялость и

пассивность Спегирева, его неумение высказать свою любовь. Не все согласятся, что красота и изящество обязательно сочетаются с пустотой, как это случилось в повести. Но никто не может пройти мимо настойчивого призывного зова: будьте любящими. Любите по-человечески прекрасно. Не думайте, что «победы» Шашкина — от его широты, обаяния, умения жить. Они — от примитивности характера, от бедности чувств, от неспособности ощущать подлинную красоту живой жизни. И у него, и у тех женщин, которые принимают его таким, как он есть.

О возвышающей силе любви повествует и небольшой рассказ «Воробьиная ночь». Герой его уже не юноша, у него семья. Но то чувство, которое он испытал к еще почти девочке Лиде, соученице по вечерней школе, чувство, которое не разовьется дальше, не приведет в общепринятом смысле ни к чему, вошло и осталось в душе надолго, навсегда. Осталось не мучительной проблемой, как быть дальше, а бесконечной благодарностью, что был год потаенной, скрываемой любви и еще один короткий вечер, давший возможность почувствовать доверие и ласку в легком прикосновении губ. Но ведь человек стал уже другим. Стал в чем-то богаче, полнее, человечнее, и красота этого чувства не даст ему совершить дурной поступок, не поверить людям, не понять прекрасного.

Слились в одно целое тема любви и детства в изящной маленькой повести «Валя Медведева». Писателю удалось тонко, психологически достоверно и убедительно раскрыть состояние мальчика, захваченного первым чувством, и то громадное благотворное влияние, которое оказало на него ощущение прекрасного, озарившее его во встреченной девушке, ощущение ее как чуда, красоты, самой жизни. Человек, с которым было такое, никогда не сможет взглянуть на женщину без высоких прекрасных эмоций, делающих его любовь истинно человеческой.

Будем благодарны писателю, настойчиво раскрывающему те стороны любви, которые под влиянием некоторых зарубежных романов и кинокартин как-то отодвинулись в тень, стали не то что забываться, а не цениться по достоинству. Между тем высокая поэзия любви — прекрасное в мире, то, что завоевано человеком и не может быть потеряно человечеством.

Прошло несколько лет, в течение которых продолжали появляться новые повести и рассказы Н. Никонова. Вме-

сте с некоторыми другими, написанными ранее, они составили книгу «Вкус жизни» (1971 г.). Здесь писатель предстает перед нами в новой точке своего пути. И в свете поисков, которые им ведутся, становятся яснее сильные и слабые стороны его творчества.

Картину жизни, отраженную ясным сознанием юного человека, писатель хочет теперь дополнить взглядом зрелым, которому доступны драмы и трагедии, скрытые от неокрепшего духовного взора молодости. Внимание Н. Никонова в новых повестях привлекают люди нелегкой судьбы, внутренних душевных борений. Если раньше он был чуть ли не полностью поглощен воспроизведением того, как человек воспринимает мир, то теперь его интересует внутренняя «отдача» личности, раскрытие потенций, заключенных в «кладовой» самого человека.

В повести «Вкус жизни» он приводит своего героя к рубежу между жизнью и смертью. Директор школы Рогулин срочно оперирован по поводу прободной язвы желудка. Еще немного — и было бы поздно. Автор тщательно описывает физическое состояние человека после тяжелой операции, когда он находится где-то между сном и бодрствованием в своеобразном отрешенном спокойствии. Надо отдать справедливость Н. Никонову, чувства больного передаются с физически ощутимой достоверностью. Однако не во имя же изображения страданий написана повесть? Физическое состояние Рогулина важно для автора как толчок судьбы, заставляющий героя напряженно размышлять о прожитом, о смысле собственной жизни.

Никонов как будто сам почувствовал, что раньше раскрывал читателям только тот тонкий слой ярких впечатлений жизни, которые должны взаимодействовать с накопленным личностью социальным опытом, состоящим не из одного непосредственного восприятия, но включающим громадный коллективный философский, социальный и политический опыт народа. Во «Вкусе жизни» он обратился к тому, что составляет основу личности. Рогулин задумывается в больнице над своей жизнью. Она оказалась какой-то механической, лишенной живого творчества. Мечты о необычном жили рядом с сухой, безрадостной деловитостью. Интерес к людям укладывался в графы отчетности, хотя когда-то начинал учитель Рогулин свой путь совсем иначе, от сердца своего к сердцу учеников прокладывая тропинки. Жил одиноко, не было рядом любящей и люби-

мой женщины... В больнице Рогулин почувствовал новый «вкус жизни», вышел оттуда с твердым намерением жить не так, как жилось раньше.

Но насколько реален переворот, совершившийся в душе Рогулина? Или это его очередная мечта? Не будет ли она так же существовать рядом с жизнью, идущей без перемен, все в том же круге неинтересных для него забот? Вопросы эти невольно напрашиваются потому, что в повести непосредственные впечатления Рогулина оказываются живее, энергичнее схвачены, точнее выписаны, чем содержание его души. Когда автор вводит нас во внутренний мир героя, в то, что должно бы составлять основу всего его человеческого бытия, мы вступаем в мир неуютно голый, даже мало интересный. В самом деле, не любя ни детей, ни школы, идет человек в учителя. Правда, предмет свой — биологию — он любит, способен заинтересовать учащихся, но чувствует себя в школе неуютно. Раздраженно он вспоминает директорскую работу. Каковы же основы всей его жизненной неустроенности? Мы не проникаем в эту тайну, как не узнаем и то, почему разошелся он через месяц с женой, почему оказалась она «случайной», «нелюбимой», какой-то «попутной» и не оставила следа. Два слоя повести: слой непосредственных впечатлений и слой глубинного, предыдущего опыта человека даны в разительной диспропорции. В результате о всем тридцатилетнем жизненном опыте Рогулина мы узнаем меньше, чем о его ощущениях после операции.

Вторая повесть «Балчуг» свособразно объединяет тему природы, ее охраны, любви к ней и тему сложности, «многослойности» человеческой личности, которая теперь все больше привлекает внимание писателя.

Главный пафос повести в утверждении необходимости защиты природы от бездумного и хищного к ней отношения. Здесь писатель с большей силой, как-то интимнее, шире, чем прежде, охватывая бóльшую гамму чувств и переживаний, рассказывает о природе. Если раньше в рассказах люди, враждующие с природой, не вступали ни в какие конфликты с теми, кто охраняет ее, то в повести «Балчуг» приоткрыта трагическая страница из жизни леса. Лесничий Леонид, художник в душе, преданный искусству, вжилась в природу. Он дружелюбно относится к лесному зверью, нуждающемуся в его помощи, он заботливо выращивает молодые сосенки и кедры. А рядом ходят по

лесу люди, истребляющие живое, равнодушные не только к природе, но и к человеку.

В образе Леонида писателю удалось убедительно показать, как сплавляется, органически сочетается в душе человека и то, что было в ней накоплено за долгие годы, и то, что входит в нее очень активно, в сильном, мужественном и открытом сосуществовании человека с большим миром живой природы. Ему удалось нарисовать подлинно человеческое отношение к природе, не противопоставляя ее человеку. Леонид впитывает в себя красоту мира, активно действует в пользу добра, но личность его не растворяется в пассивном преклонении перед мудростью природы. Социальная сущность человека раскрыта здесь с большей полнотой, чем в рассказах цикла «Листья» или во «Вкусе жизни». Именно усиление внимания писателя к человеческим началам обогащает новыми красками изображение отношения человека к природе.

Отмечая такое движение автора, верно нащупывающего новые плодотворные пути, нельзя не сказать и об одном его, как мне кажется, заблуждении.

Гармоническая ясность, так осветлявшая все рассказы Никонова, — на страницах повестей начинает точно тревожить писателя. В «Листьях» — если и говорилось о каких-то противоречиях между интересами природы и делами отдельных людей — критические замечания автора носили чаще всего фельетонный характер и не меняли главного, сильного и определяющего в рассказах — чистоты, света, изящества, поэзии восприятия. Сейчас писатель ведет поиск тех глубоких жизненных конфликтов, которые помогли бы видеть сложность личности. Его привлекает возможность в напряженных и часто переломных моментах жизни человека обнаружить взаимодействие социального опыта и опыта личного, сиюминутного, возникающего в развитии действия. Только получается у него так, что социальный опыт кажется лежащим ближе к поверхности личности, а в глубине ее видятся древние органические пласты, сближающие человека и природу.

Но верно ли это? Социальный опыт человечества тоже древен, поэтому не стоит так противопоставлять природу и трудовые, социальные навыки людей. Тем более, что автор порой здесь сам себе противоречит. В «Балчуге», например, люди, выросшие в деревне, в лесу (браконьеры, лесник, сменивший Леонида), глухи к природе, слепы к

ее краскам, лишены чувств прекрасного. Городской же человек Леонид и не менее городской автор понимают природу лучше, глубже, чем они. Не потому ли так происходит, что отношение человека к природе определяется не столько древним «зовом жизни», сколько развитой социальной культурой? Вот в некоторой перепутанности начал и концов, мне кажется, кроются определенные трудности работы Н. Никонова последних лет.

Не могу согласиться и с другим. Конфликты, которые развивает писатель в сюжетах последних повестей, во многом еще внешние, не отражают глубинные процессы нашей действительности. Автор искусственно нагромождает в них столкновения и проблемы.

Взять тот же, как уже говорилось, интересный образ Леонида из повести «Балчуг». Не обращали ли вы внимания, сколь часто последнее время встречаются у наших писателей люди трудной, неустроенной судьбы, волею случая или обстоятельств «выломившиеся» из обычной жизни? Леонид в повести — человек тонкой, поэтической души, страстно увлеченный искусством, но он еще и горбун, и дальтоник и потому художником-профессионалом быть не может. От него отказалась любимая девушка. Случайным является его арест и тюремное заключение. Он как-то отделен от людей, и сам от них отдалается.

Но так ли надо понимать сложность человека? Нет, та оптимистическая ясность, которая разливается по страницам произведений Никонова, не является недостатком. Не надо бояться ясности. Ясность не в моде только у спобов. Движение нашего общества, отвоевавшего систему новых социальных отношений, — это движение к более глубокому и осознанному пониманию всех явлений жизни, что и делает ясным горизонт, открывающийся перед личностью.

Творчество Николая Никонова закономерно привлекает внимание читателей. Ему много дано. С него можно спрашивать полной мерой. Ясный и светлый мир его произведений возвышает душу человека, помогает понять поэзию природы и простых, естественных, трудовых отношений людей. Пусть писатель идет своим путем, освобождаясь от иллюзий и заблуждений, развивая лучшие стороны своего таланта.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Открытия Решетникова	4
Мамин-Сибиряк и народники 1870-х годов	24
В «Обществе репортеров»	56
Особенности реализма Мамина-Сибиряка	75
Пермская сотрудница некрасовских журналов	93
Глазами честного свидетеля	104
Писатель горьковского направления	111
Дальнее и близкое	132
Истоки таланта	137
Радостная вера в человека	145
Дорогами истории	164
Разрешите войти!	174
Поэзия ясного мира	186

Д36 **Дергачев И. А.**
Книги и судьбы. Страницы литературной жизни Урала. Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1973.

208 с.

В эту книгу заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы Уральского университета И. А. Дергачева вошли статьи и очерки о дореволюционных писателях-уральцах Ф. Решетникове, Д. Мамине-Сибиряке, А. Кирпищиковой, А. Погорелове, А. Туркине и о писателях советского Урала — П. Бажове, Н. Поповой, К. Боголюбове, О. Марковой, Н. Никонове.

Д $\frac{0723-048}{M 158(03)-73}$ 48-73

8Р

Иван Алексеевич Дергачев
КНИГИ И СУДЬБЫ

Редактор М. Немченко
Художник В. Бубенщиков
Художественный редактор М. Кошелева
Технический редактор К. Проскурникова
Корректор Н. Давыдова

Сдано в набор 23/IV 1973 г. Подписано в печать 10/УИИ 1973 г. НС. 15704. Бумага типографская № 1. Формат 84×108/32. Усл. печ. л. 10,9. Уч.-изд. л. 11. Тираж 4700. Заказ № 172. Цена 69 коп.

Средне-Уральское книжное издательство
Свердловск, Малышева, 24.
Типография изд-ва «Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.